

ОГОНЁК

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗОРГЕ, КАКИМ ОН БЫЛ

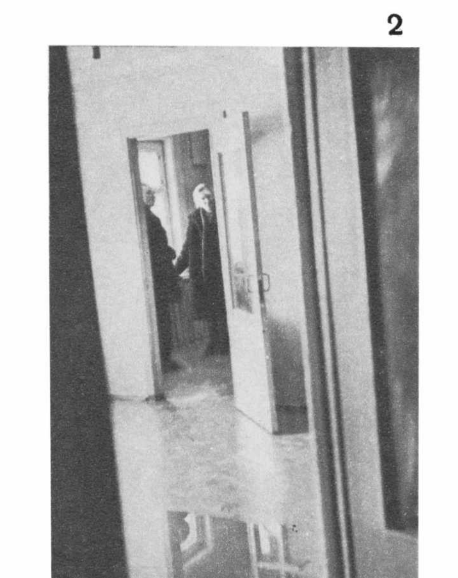
ЧИТАЙТЕ ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ПОВЕСТЬ
О ДОБЛЕСТНОМ СОВЕТСКОМ РАЗВЕДЧИКЕ

В ЭТОМ ГОРО

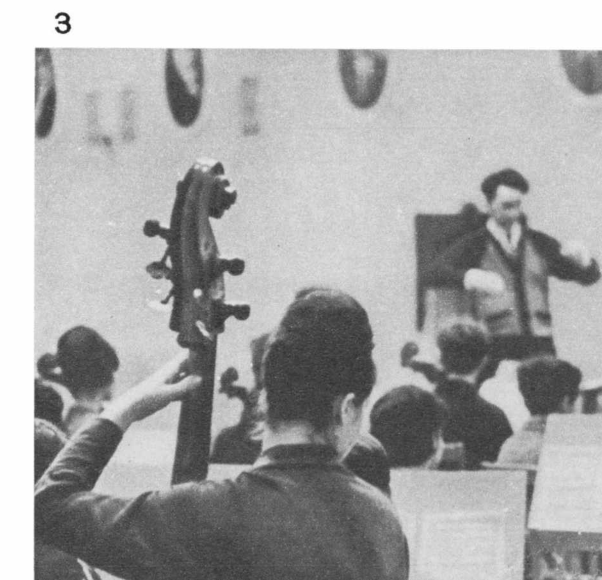
1

2

3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 9 (1966)

28 ФЕВРАЛЯ 1965

В ЭТОМ ГОРОДЕ ЗА ДВА ГОДА...

ПОСТРОЕНО 6 детских комбинатов, 5 школ, 2 кинотеатра.

ОТКРЫТО 58 предприятий торговли и общественного питания.

ЗАСЕЛЕНО новых квартир площадью более 100 тысяч квадратных метров.

Снежная тишина. Только лыжи поскрипывают задорно.
— Откуда, ребята?
— Могилевские. Из культпросветучилища.
— Комсомольцы?
— Конечно.
— Куда путь держите?
— Агитпоход!.. Мы агитбригада!.. Скоро выборы...
— За что агитировать собираетесь?
— За все наше!
— А что есть у вас?
— Страна, республика, город!
И они умчались дальше вдоль лесной опушки, краснощекие агитаторы. А мы отправились в их город.

1 Визит в магазин «Космос» самого авторитетного контролера и советчика, депутата Ивана Николаевича Порываева (в центре). В этом магазине есть теперь бюро добрых услуг, которое доставляет продукты на дом, есть кафетерий. А после этого очередного визита депутата, наверное, появится еще что-то новое, полезное, удобное, выгодное.

2 Так решается одна из могилевских проблем. Решается новосельем. С каждым годом таких «решений» становится больше. Микрорайон «Мир» — один из трех новых районов. Дом, в котором сделан этот снимок,— один из сорока шести в районе. Семья Тюминых — одна из трех с половиной тысяч новоселов «Мира».

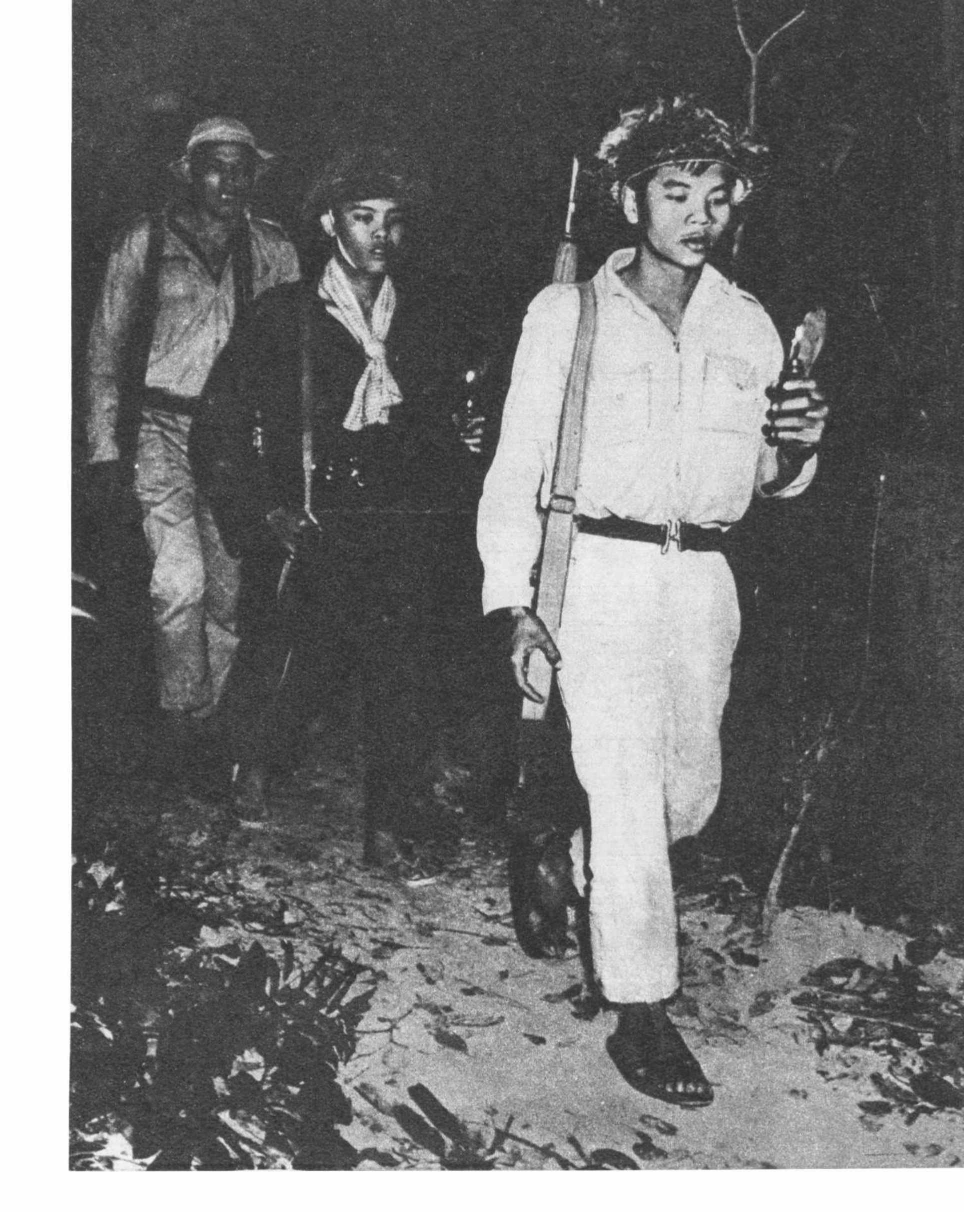
3 Недавно Могилев обзавелся великолепным зданием музыкального училища, в концертном зале которого уже выступил Святослав Рихтер. Теперь симфонический оркестр училища обрел наконец постоянную прописку. Кстати, это один из 167 выполненных наказов избирателей!

4 На заводе имени Кирова отчитывается депутат — главный архитектор города Николай Трофимович Семененко. Разговор по душам. Предложений и вопросов масса. И основной: «Каким станет наш Могилев в будущем?»

В. ПОНОМАРЕВ

Фото А. УЗЛЯНА.

ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ

На страницах 26—29 мы печатаем репортаж и фотографии австралийского журналиста Уилфреда БЭРЧЕТТА, который недавно побывал у патриотов Южного Вьетнама, ведущих борьбу за свободу своей родины, против американских империалистов.

4

ПО ДОБРОЙ ТРАДИЦИИ

Доброй традицией стали встречи государственных деятелей Финляндии и Советского Союза. Недавно нашу страну вновь посетил Президент Финляндии Урхо Калева Кекконен.

23 февраля в Кремле состоялась беседа между Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Урхо Калева Кекконеном.

Приветствуя высокого гостя на завтраке в Большом Кремлевском дворце, А. И. Микоян сказал, что «настоящий визит, несомненно, еще больше укрепит взаимопонимание и доверие между СССР и Финляндией».

Фото А. Устинова.

„Чайка" за океаном

Слава МХАТа на десятилетия опередила его появление на сцене Нью-Йоркского Сити-центра. Американские режиссеры театра и особенно актерская молодежь ждали спектаклей с большим нетерпением.

В Америке часто можно услышать об актере или режиссере, что он сторонник «Метода». Слово это пишется с большой буквы и не сопровождается пояснениями. Каждый, кто интересуется театром, знает, что речь идет о системе Станиславского. В тридцатые годы здесь существовал замечательный театральный коллектив, объединявший почитателей и последователей Станиславского. В этом театре сформировалась целая плеяда талантливых режиссеров сцены и кино, нынешних знаменитостей.

В наши дни проводником и поборником «Метода» является актерская студия.

Известный режиссер Джошуа Логан, который в молодости сам учился в Москве у Станиславского, выступил перед приездом сюда МХАТа с большой статьей о своем учителе. «Каждая пьеса, которую мы сегодня видим на Бродвее или вне Бродвея, несет на себе влияние МХАТа»,— писал он.

А журнал «Ньюсуик» отмечал, что ни один человек не оказал столь глубокого влияния на развитие американского театра, как Станиславский.

Журнал утверждал даже, что «американская сцена обязана ему большим, чем русская». Это — преувеличение, но вполне понятное. В американском театре сейчас существует несколько течений и групп, каждая из которых считает себя истинной наследницей и продолжательницей Станиславского. Некоторые из них, уверяя, что шагнули вперед, ушли в сторону — либо в натурализм, либо в поиски чисто формальных новшеств. Но эта «борьба за наследство» повышала интерес к гастролям театра, созданного автором «Моей жизни в искусстве».

Интерес был обострен еще и тем, что старейший и самый известный в мире театр с постоянной труппой приехал в Нью-Йорк в разгар споров, вызванных кризисом репертуарного театра Линкольн-центра, единственного нью-йоркского театра с постоянной труппой.

МХАТ приезжал в Америку и раньше — в 1923 и 1924 годах. Тогда артисты плыли сюда на пароходе. Воздушного транспорта еще не было.

Но за эти 40 с лишним лет связи американского театра с МХАТом не прекращались. Режиссеры и актеры, посещавшие Москву, неизменно бывали на спектаклях, на репетициях и в театральной школе МХАТа. В прошлом году в США приезжали артисты Ангелина Степанова и В. О. Топорков читать лекции в театральной студии.

Для американских театралов гастроли Художественного театра не были очередным визитом заезжей труппы. От него ждали откровений. Были и скептики, ожидавшие разочарования. Были сомнения и у актеров: языковый барьер сужает круг зрителей и затрудняет контакт актеров с публикой.

Теперь все эти сомнения позади. Спектакли МХАТа приняты восторженно и публикой и театральной критикой. Правда, по вечерам у театрального подъезда дежурят чистенько одетые молодые люди и раздают грязные листовки, призывающие публику бойкотировать советскую труппу. «Своим присутствием на этом спектакле вы поддержите коммунизм»,— говорится в этих листовках, подписанных клубом молодых республиканцев. Но их игнорируют. Лишь изредка кто-нибудь, скомкав листовку, задержится, чтобы бросить фразу:

— Как вам не стыдно?

В зале у половины зрителей маленькие транзисторные приемнички, по которым можно слушать синхронный перевод. Остальные знают либо русский язык, либо пьесу. Зал живет вместе со сценой, но все время то как бы распадается на две части, то вновь сливается. Когда комичное передается игрой, раздается общий взрыв смеха. А смех, вызванный репликой актера, прокатывается по залу двумя волнами. Это на несколько секунд отстает перевод. После окончания каждого спектакля зал един: овация и крики «браво» не смолкают, пока не включат свет.

Советскому человеку, долго живущему за границей, трудно писать объективно о гастролях своих соотечественников. Он впадает в сентиментальность и злоупотребляет восклицательными знаками. Поэтому я воздержусь от собственных оценок и ограничусь кратким пересказом того, что писали здешние знатоки театра. А писали очень много. Собранные вместе журнальные и газетные статьи о спектаклях МХАТа составили бы солидный том. Статьи эти публиковались не только в нью-йоркской печати, но по всей стране, даже в таких медвежьих углах, как Джексон в Миссисипи.

Уже первый спектакль — премьера «Мертвых душ» — вызвал много похвал. Писали о блестящем актерском мастерстве, с каким МХАТ воплотил бессмертную галерею гоголевских портретов. Выделяли игру В. Белокурова (Чичиков), Б. Ливанова (Ноздрев), Б. Петкера (Плюшкин), А. Георгиевской (Мавра), но особенно А. Грибова (Собакевич), А. Зуевой (Коробочка) и В. Станицына (губернатор). При этом критики оговаривались, что в постановке МХАТа почти невозможно отдать предпочтение кому-либо из исполнителей, так как этот театр не признает второстепенных ролей и в нем нет второстепенных артистов.

Однако в розах похвал, которые американская театральная критика бросала к ногам мхатовцев, были и шипы. Мало, но были. Одному постановка показалась слишком водевильной, другому — несколько растянутой, третий считал, что актеры злоупотребляют преувеличенными жестами.

Правда, авторы этих критических замечаний обычно оговаривались, что вынесут окончательное суждение о московской труппе, лишь посмотрев, как она играет Чехова. В Америке знают и любят Чехова. За семь лет, проведенных в разное время в этой стране, я не припомню сезона, когда хотя бы в одном нью-йоркском театре не шла чеховская пьеса.

После первого представления «Вишневого сада» триумф МХАТа уже ни у кого не вызывал сомнений. «Нью-Йорк пост» писала, что это — «самое яркое исполнение чеховского шедевра».

Общую оценку американской критики можно было передать словами: «Вот так, господа, нужно играть Чехова!»

Никто из актеров, занятых в спектакле, не был обойден щедрыми похвалами. Но больше всего их выпало на долю Михаила Зимина. Его оригинальная и убедительная трактовка образа Лопахина, который в американских постановках этой вещи обычно упрощался и огрублялся, вызвала общее восхищение.

Вторая чеховская драма, показанная здесь москвичами,— «Три сестры»,— получила столь же единодушную и высокую оценку. Нет никакой возможности в одной короткой статье передать хотя бы скороговоркой то, что писалось здесь об исполнителях ролей в двух чеховских спектаклях, хотя советским почитателям МХАТа было бы, конечно, интересно услышать столь лестные отзывы о своих любимых актерах — Тарасовой, Массальском, Яншине, Степановой, Грибове и многих других.

Ознакомившись с тремя работами МХАТа, американские критики стали больше писать о замечательных особенностях искусства этого театра в целом.

Они иллюстрировали свои выводы анализом наиболее поразивших их сцен и игры актеров.

Больше всего их, конечно, восхитил ансамбль. Эту особенность отметила даже такая непричастная к искусству газета, как «Джорнел оф Коммерс». Ричард Кук писал в этом органе бизнесменов, что в отличие от американского театра, где упор делается на блестящее исполнение нескольких главных ролей, «московская труппа создает общую ткань, переплетая каждый характер с другими, с обстановкой и с чем-то неуловимым, что некоторые называют русским секретом мастерства».

Джудит Крис писала в «Нью-Йорк геральд трибюн», что МХАТ «является олицетворением сценического ансамбля». Она иллюстрировала этот вывод анализом игры актрис, исполнявших заглавные роли в «Трех сестрах» (К. Головко, М. Юрьевой и Р. Максимовой). Наконец-то, восторгалась она, мы увидели на сцене настоящих сестер, а не трех актрис.

Разные характерами, они для зрителя несомненные сестры, связанные между собой и со всем окружающим целой жизнью. А одна из нью-йоркских телевизионных станций, передавшая в театральном обозрении такой же отклик на «Трех сестер», на следующий день объясняла телезрителям, что в жизни три московские актрисы не сестры, хотя в это трудно поверить.

Такое же тесное сплетение человеческих отношений и их жизненность Крис видит и в мхатовском «Вишневом саду». И именно это, по ее убеждению, «освобождает Чехова от мрачной, неврозной мистики», которую ему навязывает американский театр.

Отмечалось умение режиссеров и актеров МХАТа глубоко и верно передать авторскую правду. Говард Таубмен — один из самых серьезных театральных критиков Америки и тонкий ценитель Чехова — посвятил гастролям МХАТа целую серию статей в «Нью-Йорк таймс». В статье «Живой Чехов» он писал о чеховских спектаклях МХАТа: «Эти постановки заставляют вас понять, как никогда раньше, особенную теплоту и пафос чеховских персонажей. И потому, что в этом заключается чеховская правда, охватывающая и смех и страдание, она говорит универсальным языком, над которым не властно время».

Как одна из замечательных черт искусства МХАТа отмечалась особая сдержанность игры — умение передать зрителю большие внутренние чувства героев одними намеками, так, что эти чувства остаются внутренними, невысказанными.

Много писалось об умении театра «поднять» каждую небольшую роль и каждую мелкую деталь, придать им значимость и «вплести их в общую симфонию драматического действия». Значительная часть статьи Таубмена, о которой уже упоминалось, посвящена подробному разбору маленького эпизода из «Вишневого сада», который на сцене продолжается всего одну минуту. На сцене появляется прохожий, произносит всего три фразы и остается в памяти зрителей как живой законченный образ.

Эту минутную роль исполняет артист Г. Конский. В американском театре такое исполнение небольшой роли просто немыслимо.

Другие подтверждают то же положение другими примерами. Вот неуклюжий сосед Гаевых Симеонов-Пищик, который никому не запомнился по местным постановкам «Вишневого сада», в исполнении М. Яншина вдруг становится живым, обаятельным и незабываемым. Вот сравнительно небольшая роль гувернантки Шарлотты из той же пьесы в исполнении Ангелины Степановой обретает многогранность. Не снижая комизма образа, артистка передает и капризность и тоску одинокой женщины. И журнал «Нью-Йоркер» признает, что это — первое действительно верное исполнение этой роли, которое видят американцы. И так о многих «малозначительных» ролях и деталях.

Норман Нейдел посвятил целую статью в «Уорлд телеграм энд Сан» освещению в мхатовской постановке «Вишневого сада», хотя, казалось бы, световыми эффектами американских театралов не удивишь. Автор прослеживает от первого акта до последней сцены, как меняется освещение, сливаясь с игрой актеров, которую он называет «лирической, честной и такой теплой, как солнечный свет на цветущих вишнях».

Сейчас здесь говорят, что МХАТ оставит после себя в Америке новый эталон для оценки актерского искусства. Но оставит след не только спектакли этого театра. Московские актеры часто встречаются с американскими коллегами, делятся мыслями, опытом. Я был свидетелем одной из таких встреч. На приеме в честь советских гостей в союзе американских актеров директор МХАТа Борис Покаржевский и председатель этого союза, известный негритянский актер Фредерик О'Нил обменивались речами, значками и символическими подарками. Обычная для таких встреч процедура. Но и в речах и в разговорах было столько теплоты, столько взаимного уважения и интереса к работе друг друга, что эта встреча не может не запомниться всем участникам.

На лекции, которые во время гастролей МХАТа читали здесь режиссеры театра М. Н. Кедров и И. М. Раевский, собирались сотни актеров, преподавателей и студентов театральных школ. Эти лекции часто превращались в демонстрацию режиссерской работы с актером. Вот юная негритянка просит Раевского помочь ей советом в работе над ролью Насти в горьковской пьесе «На дне». Пьеса готовится к постановке в маленьком театре, который помещается в церковном подвале. Девушка читает монолог, режиссер комментирует. Он говорит, что актриса, несомненно, талантлива, но что играет она совсем не Настю и не Горького.

— Вот вы шьете,— говорит Раевский.— А Настя не способна ни на какую работу. Иначе она не была бы на «дне».— И в нескольких фразах режиссер набрасывает главные черты характера героини. Девушка снова читает монолог, и все ей аплодируют.

— Вот теперь вы Настя!

Молодой актрисе этот краткий урок запомнится на всю жизнь. Она, как и тысячи нью-йоркских зрителей и актеров, надолго сохранит добрые чувства к далекому театру в Москве, как хранят их зрители и актеры старшего поколения, которые до сих пор помнят и первые гастроли МХАТа четыре десятилетия назад.

«Эта труппа,— писала на днях «Санди ньюс»,— уже была в нашей стране, неся факел, зажженный двумя реформаторами театра, Константином Станиславским и Владимиром Немировичем-Данченко. Их факел продолжает гореть».

Я злоупотребил еще одной цитатой, так как эти слова показались мне высшей оценкой гастролей МХАТа в Америке.

Л. ВЕЛИЧАНСКИЙ

Нью-Йорк.

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ

Председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури устроила в Москве пресс-конференцию. Она сообщила журналистам, что обратилась к испанским властям за разрешением о въезде в Испанию. Долорес Ибаррури хочет присутствовать на процессе Хусто Лопеса в качестве свидетеля защиты. Она заявила, что готова пойти на все испытания, чтобы спасти своего товарища.

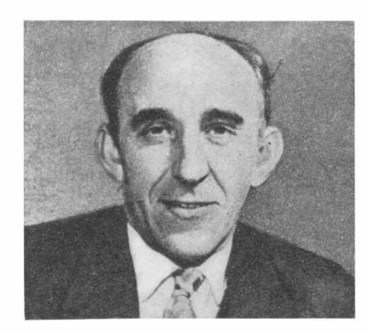
Фото Г. Санько

У меня есть особые причины выразить свой гнев и протест против расправы, нависшей над испанским патриотом Хусто Лопесом. Хусто Лопес в испанской тюрьме, ему угрожает неправый суд. А он один из самых благородных борцов за народное счастье! Хусто Лопесу я обязан жизнью. Я не могу молчать.

...Вечером 16 февраля 1943 года наша партизанская разведка донесла, что назавтра по одной из лесных дорог Белоруссии будет проезжать со своей свитой гебитс-комиссар Фридрих Фенс на кабанью охоту. По приказу этого изверга сжигали целые деревни. 12 часов пришлось партизанам — среди них был и Лопес — пролежать в снежных ямах в февральскую стужу, чтобы подкараулить возвращение гитлеровцев с охоты. Вот враги едут мимо засады. В собачьей дохе, развалившись в санях, полулежит Фридрих Фенс. Вскакиваю на колено, кидаю первую толовую шашку. Взрыв! Вновь поднимаюсь, чтобы кинуть вторую шашку, взмахнул рукой, но...

Но шальная пуля попала в детонатор. Шашка взорвалась в руке. Меня отбросило в сторону. Из обоих рукавов хлынула кровь. Заметив ранение командира, смуглый, черноглазый партизан быстро подполз ко мне и, положив под меня свой полушубок, вытянул из-под огня. Это был Хусто Лопес.

Перебив всех офицеров и эсэсовцев-охранников, партизаны скрылись в лесу. А Хусто потащил меня на ближайшую партизанскую стоянку, где был врач. Но хирургического инструмента у врача не оказалось. Не было и наркоза. Медлить с операцией невозможно. Потеря крови критическая. Решили оперировать любым способом. Хирургическую пилку заменила начищенная до блеска и прокипяченная слесарная ножовка; вместо скальпеля — обычный нож. Все предрешало мне близкий конец. Но после операции Лопес ухаживал за мной, как за ребенком. Почти полностью потеряв слух, лишившись рук, я не обходился без посторонней помощи при самом необходимом: при умывании, еде, бритье. Во всем мне помогал верный друг Хусто. Не лекарства, а тепло его сердца выходило меня.

Хусто Лопес.

Такое никогда не забудешь. Пусть знают палачи, что советские люди помнят тех, кто разделял их судьбу в годину великого испытания. Пусть знают, что у Хусто Лопеса в Советском Союзе и других странах множество друзей, которые готовы на все во имя защиты своего испанского друга — рыцаря свободы.

Кирилл ОРЛОВСКИЙ,
Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Рассвет»

ЮБИЛЕЙ МАРШАЛА

Конница Буденного! Для многих поколений советских людей она олицетворяла великий героизм и романтику гражданской войны. Шестой кавалерийской дивизией этой легендарной армии командовал Семен Константинович Тимошенко. Тогда за личную доблесть и умелое руководство войсками Семен Константинович был трижды награжден орденом Красного Знамени и золотым оружием.

В 1940 году Герой Советского Союза Семен Константинович Тимошенко получил звание маршала и был назначен народным комиссаром обороны. А когда грянула Великая Отечественная война, он руководил войсками, которые первыми приняли тяжелые удары гитлеровской военной машины на Западном, Юго-Западном и Северо-Западном фронтах.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Семена Константиновича Тимошенко, наградив его орденом «Победа» и другими полководческими орденами.

После войны, командуя Белорусским военным округом, Семен Константинович многое сделал для укрепления своей родной армии.

Семену Константиновичу Тимошенко исполнилось 70 лет. В связи с этой датой и большими заслугами перед Родиной и Советскими Вооруженными Силами Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко награжден второй медалью «Золотая Звезда». На родине героя будет установлен бюст.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян вручает вторую медаль «Золотая Звезда» Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

ДЕВОЧКА БЕЖИТ ПО ПЕРЕУЛКАМ

Павел КРАВЧЕНКО

Фото А. Кривеля.

Кто не знает, что о любви трудно говорить вслух? Ну, а если ты любишь страну, к которой как-то по-особенному привязался? И если ты помнишь при этом тридцатые годы, когда наши мальчишки чуть не поголовно самозабвенно мурлыкали светловскую «Гренаду», хотя и не знали, где эта «испанская волость» помещается?

Я просто не могу не писать об удивительной стране Монголии, хотя она вряд ли похожа на Гренаду.

Потому что люблю ее, Монголию.

Будто бы и легко (если бы не было так трудно) описать ее — летнюю, с пунцовыми закатами, переходящими за вот этим самым огромным холмом в длинную, прерывающуюся сиреневую полосу, над которой властно возникает немножко рыжий, немножко желто-белый трагический венец, взметнувшийся неровными лучами к небу, а над венцом уже успела поселиться вечерняя темнеющая синева и в ней блеклый свет повисшей в небе луны... А ты лежишь в траве, вылезши из реки Орхона, и с носа на щеку осторожно скатываются капельки воды.

Любовь редко перекладывается на какие-то хорошо заготовленные слова. Она чаще остается где-то внутри: здесь, может, в почти необъяснимой привязанности к гортанным словам и вечернему сумраку, а то и в длинных, торжественно-мучительных размышлениях, которые потом опять-таки не умеешь выразить вслух.

Вы никогда не видели Монголию сверху, с самолета?

Там получается так. Вата, вата облаков, освещенных отсюда, сверху, солнцем, взмывшие персонажи Доре из ваты, а потом вдруг синий просвет: вершины Гоби-Алтая,— а потом просвет уже не хочет закрываться ватой, даже если из нее слепили самого Гаргантюа, и ты сверху, с двенадцати километров высоты, смотришь на нее, как на откровение, на эту темно-сиреневую Монголию, инкрустированную тонким серебром рек.

Она большая, Монголия... И неодинаковая. У нее есть и северная мягкая Селенга и легкий, вольный степной Орхон. И есть такое предметное понятие, как пустыня Гоби, страшная летом, но особенно страшная зимой.

Как это называется в учебниках географии? Резко континентальный климат — слишком далеко моря, и никаких теплых гольфстримов. Зимой очень холодно. И ветрено. Глаза слезятся, кроме носа, щек, надо и веки растирать рукавицами, иначе ничего не увидишь даже на близком расстоянии, когда ты всего-то идешь из одной юрты в другую, близстоящую. Короче, холода свирепые.

Особенно в Цагаан-сар — белый месяц — в монгольский новый год.

Вот с этого страшного холода в пустыне Гоби мне и хочется начать повествование об одной монгольской женщине. Она врач. Зовут ее Ичинхорлоо.

Накануне праздника вызвал ее министр здравоохранения. Сказал:

— Поезжай в Южногобийский аймак. Больная там тяжелая. Самолету погоды не дают. Надо на машине. Срочно!

Сорокаградусный мороз с ветром. Выехали ночью. Ночь, утро, день, вечер. Вечером мотор заглох. Поломка. И починить явно нельзя. До центра Южногобийского аймака осталось, по подсчетам шофера, семьдесят километров. А там, возможно, умирает женщина.

И пошли врач с дежурной сестрой Чагжив. Пешком.

Пустыня. Темно. Холодно, очень холодно. Волки где-то недалеко плачут. Песчаная дорога. Снега мало, только кое-где дорогу перемело. В песке вязнут ноги. На ногах сапоги-гутулы; поверху сапог — меховые чулки из бараньей шкуры, мехом внутрь. Тяжело. На меховой одежде еще доха. За плечами груз — стерильное белье, железные барабаны, инструмент — килограммов по пять на каждую.

Ни единой юрты по дороге. Совы кричат, будто сумасшедший хохочет. Ветер. Песок на зубах, в носу, в глазах — защитных очков не взяли. Иногда пытались вглядываться вдаль — огоньки: то ли галлюцинация, то ли действительно волчьи глаза.

Шли всю ночь. И думали, не дойдут. Утром дошли до телефонной станции. Позади тридцать километров пути. И на машине, вызванной из аймака, добрались до больной только поздним вечером.

Больная умирала. Пульс не прослушивался. Сердце билось чуть слышно, с перебоями.

Электричества не было. Операцию делали так: пять стеариновых свечей над столом и фары автомашины через окно.

Операция длилась полтора часа. Наркоза не давали: больная не выдержала бы. Была она обескровлена. Ее же кровь из брюшной полости переливали в вену.

И человека спасли.

* * *

А жизнь врача Ичинхорлоо начиналась так. Родилась она в 1914 году в Селенгейском аймаке, в семье скотовода-бедняка. Мать умерла от родов, ребенок остался с отцом.

У горной реки Ёро бродили волки, медведи и лисы. Отец с малолетней дочерью пас скот. Сена не заготовляли: съест скот траву — кочевали на новые пастбища. Пятилетней девочкой Ичинхорлоо лихо скакала на коне, участвовала в скачках, да в этом большой доблести и не было: все девчонки и мальчишки в Монголии—прекрасные наездники.

И пока отец был здоров, жизнь складывалась будто и не так уж плохо. Но однажды вечером он вдруг отказался от еды, а утром не встал. Позвали монаха-ламу; лама сидел на полу юрты и с полчаса читал, напевая, молитвенную книгу. Почитает, попьет кумыса, снова напевает, покачивая в такт головой.

Отец вдруг закричал, перевернулся на бок, и пятилетняя Ичинхорлоо осталась на свете одна.

Сироту взяли дальние родственники; сначала она пасла скот у них, потом семья решила перебраться на юг. Караван верблюдов шел долго, пока не добрался до Урги — так тогда назывался Улан-Батор.

Из Урги семья откочевала дальше, а восьмилетнюю девочку отдали в оседлую семью нянчить троих малышей.

Урга... Три больших монастыря, много маленьких, и юрты, юрты, юрты.

Еще был в Урге монарх — богдо-геген, по улицам бродили, переваливаясь, жирные ламы.

Однажды маленькую няньку отпустили с больной старухой помолиться в монастырь. Во дворе монастыря деревянные молитвенные цилиндры. Их надо с усилием вертеть, чтобы заслужить благодать. Старуха вертела-вертела и упала.

И здесь произошла ужасная сцена. Тотчас на упавшую старуху набросились «молитвенные собаки» и стали пожирать ее. Девочка опрометью кинулась домой. Ей сказали: «Чего ревешь, дурочка? Старухе Дулме девяносто. Умерла во время молитвы. Великое для нее счастье».

Девочку передавали из семьи в семью. И охотно избавлялись от нее. «Что за работница? Мала еще!» Какое-то время пришлось и беспризорничать. И, вероятно, не кончилась бы добром ее жизнь.

Но это были первые годы монгольской народной революции. Ревсомольцы подобрали ее на улице, повязали галстук, привели к вдове Сухэ-Батора Янжиме. Янжима заведовала женотделом, собирала беспризорных. Четырнадцатилетнюю Ичинхорлоо определили в детскую консультацию санитаркой.

В 1928 году санитарка Ичинхорлоо была неграмотна. И все-таки советские врачи, видя совершенно необыкновенное усердие девочки, определили ее на курсы медсестер. Выучили грамоте, начаткам латыни, а в 1930 году ее первую из других медсестер от-

ЭДУАРД ВИЛЬДЕ

(К столетию со дня рождения)

В 1897 году в шестом номере журнала «Новое слово» появилось два рассказа: «Коновалов» Максима Горького и «Задаток жениха» Эдуарда Вильде. Эстонские читатели гордились соседством двух авторов и возлагали на своего прогрессивного писателя большие надежды. Он оправдал их. Ветераны эстонского революционного движения Юлиана Тельман и Рихард Маяк, работница Кренгольма Алиде Сильбер пишут в своих воспоминаниях, что во тьме тюремных камер книги Вильде, присланные товарищами с воли, были лучом света и источником надежды. По словам самого Вильде, целью его жизни была борьба «за угнетенных — против угнетателей»...

Вильде родился 4 марта 1865 года в Эстонии, в теперешнем Раквереском районе, в семье мызного рабочего.

Больше двадцати лет он работал журналистом в Таллине и Тарту. Во многих газетах появлялись его статьи, необыкновенно увлекательные и живые: о политике, экономике, литературе и театре, о проблемах морали.

Вильде был активным участником революционных событий 1905 года в Тарту. Он напечатал в прогрессивной газете «Уудисед» статью «Буржуазия, пролетариат и революция», в которой призывал эстонских рабочих объединиться для свержения капитализма. Революционные взгляды Вильде сделали невозможной его дальнейшую жизнь на родине: в конце 1905 года он уезжает за границу — в Швейцарию, Германию, Данию.

После февральской революции писатель вернулся в Эстонию. Вышло в свет 33-томное собрание его сочинений.

В конце своей жизни Вильде страстно выступал против фашизма. Умер он 26 декабря 1933 года в Таллине.

Ранние рассказы Эдуарда Вильде в основе своей романтичны. Но уже в первых его романах («Два пальца» и «Куда не светит солнце») чувствуется желание писателя не отступать от жизненной правды.

Участие в марксистских кружках, изучение марксизма накладывает отпечаток на романы Вильде

УРГИ...

правили в Иркутск, в медицинский институт...

Конечно, сейчас это кажется наивным и даже невероятным. Легко сказать: малограмотную девчушку — в институт!

Но отправляли. Очень уж хотелось стране иметь своих специалистов: ведь не было тогда у монголов ни одного врача, ни одного фельдшера.

И вот посмотрите, что из этого получилось.

В Иркутске ее, понятно, в институт не взяли. Определили на монгольский рабфак — был тогда такой в Иркутске. Срок учения — три года. Русский язык, математика, физика, химия, история, биология...

Был тогда в некоторых учебных заведениях странный метод — бригадный. На рабфаке она попала в бригаду из пяти человек. Низкорослый веселый Демберел отвечал преподавателям на вопросы за всю бригаду. Остальных не спрашивали, так что четверым членам бригады, казалось, можно было блаженствовать. Для лентяев это был чудный метод—бригадный.

Но Ичинхорлоо училась. И по окончании рабфака ее одну лишь приняли в медицинский институт.

На первом курсе вопрос об эмбриональном развитии она сдавала семнадцать раз, и каждый раз профессор-биолог ставил ей двойку. «Эту не отпугнешь двойками от учения»,— понял он. На восемнадцатый поставил четверку: «Послушайте, девочка, а вы ведь все-таки разобрались в предмете!»

Она попросила перевести ее на второй курс в 1-й Ленинградский медицинский институт.

В Ленинграде она увидела белые ночи...

Общежитие было на улице Льва Толстого. Напротив кино. Так вот, монгольская девушка в этот кинотеатр почти не ходила. Она занималась. Утром, днем, вечером и ночью. Старостой группы была Таня Слепцова. Жили в одной комнате, готовились вместе. Стало вдруг настолько все интересно, что даже обидно было ложиться спать.

И как хотите называйте это — неожиданностью или подберите другую формулу,— но за второй курс института Ичинхорлоо сдала отлично все предметы. Без всяких скидок. Это был 1935 год.

И летом отличники поехали в бесплатную экскурсию на Кавказ, к Черному морю, и в Крым... Очень соблазнительно описать переживания девушки из монгольских степей, когда она впервые села на пароход и палуба начала покачиваться над черноморской волной. И некоторый испуг на Военно-Грузинской дороге. И чайки. И зеленая вода у берега, пронизанная прямым солнечным лучом... Но ведь каждый догадается, какие это были переживания.

Третий курс она тоже окончила «круглой» отличницей. Четвертый — тоже. Летом побывала на родной Селенге, у родственников матери. Родственники сделали так: вся семья перебралась в одну комнату, а ленинградской студентке выделили отдельную. И даже изыскали для нее кровать — этот предмет обихода был редким тогда на Селенге.

Правда, родственники с опаской смотрели на больных, когда те приходили: а вдруг не вылечит? И вздыхали с облегчением: вылечивала. Наверно, не попадались ей слишком сложные болезни.

Пятый курс студентка Ичинхорлоо окончила с «красным дипломом» — отличным.

И опять дома, в Монголии. Хирург Центральной республиканской больницы. Первые операции были легкие. Через год выполняла уже все полостные, кроме операции желудка и печени.

В 1939 году Ичинхорлоо стала военным хирургом в госпитале у Халхин-Гола. Ампутации. Удаление осколков из грудной, брюшной полости. Трепанации черепа.

В Баян-Тумэне был расположен советский военный госпиталь. И консультантом в нем был Александр Александрович Вишневский. Вот у него и посчастливилось консультироваться молодому хирургу.

А когда в 1952 году поехала в Институт хирургии Академии наук СССР имени А. В. Вишневского готовиться к защите кандидатской диссертации, то руководителями у нее стали профессора Вишневский и Комендантов. Не узнал Вишневский молодого хирурга из Халхин-Гола. А она постеснялась напомнить.

Доктор медицинских наук Ичинхорлоо с внуком Зоригом.

Кандидатскую диссертацию она защитила, получив сто процентов голосов «за».

Докторскую диссертацию врач Ичинхорлоо защищала в Ленинграде в Первом медицинском институте имени И. П. Павлова в 1961 году. Темой диссертации было «Оперативное лечение эхинококка печени», где была предложена совершенно новая методика.

Диссертация была защищена блестяще. Три профессора—оппонент и два члена Ученого совета института — отметили, что работа Ичинхорлоо имеет международное значение.

И вот первый в Монголии доктор медицинских наук Ичинхорлоо, худенькая и милая женщина, отправляется на свою очередную операцию. За ней табунком поспешают ученики... В ее жизни было много драматических случаев: и падала с самолетом на деревья над Кобдо, спеша к больному, и оперировала в невыносимо тяжелых условиях, и сколько раз проверяла свою физическую выносливость...

Но мне все представляется та девочка с Селенги, как бежит она, задыхаясь и плача, от собак и от монастырей по узким переулкам Урги, еще совсем не подозревая, что в городе и в стране рождается новая власть и теперь девчонку в обиду не дадут.

«В суровый край» и «Железные руки» и историческую трилогию «Война в Махтра», «Ходоки из Ания» и «Пророк Мальтсвет». Автор с болью пишет о тяжелой жизни и тяжелом труде крестьян и рабочих, о крестьянских беспорядках 1858 года. В его произведениях упорно звучит мысль о том, что крестьяне должны добиваться свободы в борьбе.

Вильде написал три пьесы: «Непостижимое чудо», «Домовой» и «Узы». В них изображена жизнь эстонской городской буржуазии после революции 1905 года. Пьеса «Домовой», в которой беспощадно высмеивается и разоблачается буржуазия, ставилась в пятидесяти театрах Советского Союза.

В годы Советской власти книги Вильде выходили на эстонском, латышском, русском и украинском языках.

Карл МИХКЛА

Советские легкоатлеты приняли участие в зимнем открытом первенстве США по легкой атлетике. Этот снимок показывает финал борьбы двух сильнейших прыгунов в длину — американца Ральфа Бостона и советского спортсмена Игоря Тер-Ованесяна. Перед нами зал «Мэдисон сквер-гарден» в Нью-Йорке. Бостон (сидит третий слева) смотрит, как прыгает Тер-Ованесян. Длина их прыжков одинакова — 7 метров 98,2 сантиметра. Но судьи присудили первенство легкоатлету СССР. У него в серии из шести прыжков второй результат оказался более высоким, чем у Бостона,— 7 метров 95 сантиметров.

Тер-Ованесян во второй раз завоевал звание чемпиона США. Чемпионами Америки стали также Тамара Пресс и Валерий Брумель.

Фото ЮПИ.

1945

Юрий ЖУКОВ

1965

В боях за выход к Балтийско-
му морю отличились развед-
ки полковника Н. В. Рогова.
первыми водрузили со-
й флаг на побережье в

И С

20 лет назад, в радостную пору приближения нашей Победы, читатели «Огонька» познакомились с одним из тысяч героев великой битвы — танкистом Владимиром Бочковским. В № 15—16 журнала за 1945 год была опубликована эта его фотография с лаконичной подписью: «Герой Советского Союза гвардии капитан Владимир Бочковский. Танковый батальон, которым он командует, один из первых вышел на реку Одер».

Какими дорогами шел танкист к Победе, как сложилась его судьба за двадцать минувших лет! Об этом рассказывает в своем очерке писатель Юрий Жуков.

↑
Герой Советского Союза гвар-
ии капитан Владимир Бочков-
й. Танковый батальон, кото-
он командует, одним из
вышел на реку Одер.

Впервые я познакомился с этим интересным человеком в памятный ветеранам битвы на Курской дуге тяжелый день 7 июля 1943 года, о котором в очередной сводке Советского Информбюро было сказано так: «Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено до 520 немецких танков. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 229 самолетов противника».

Мы встретились на пыльном, изрытом воронками белгородском шоссе, южнее Обояни. Три грозных раненых танка с ревом выходили из боя. На их горячей броне лежали девять мертвых гвардейцев, и боевые друзья стояли рядом, держась за поручни машины.

На обочине шоссе, пока механики возились у моторов, молодой летами, но уже опытный танкист, командир роты Владимир Бочковский устало, хрипловатым голосом рассказал о бое, который только что прошел.

Обстоятельства сложились так, что в дальнейшем мы встречались с этим человеком много раз и продолжаем встречаться сейчас, когда пишутся эти строки, то есть двадцать лет спустя после войны. Много интересного и удивительного произошло в жизни Владимира Бочковского за эти годы, но скажу, забегая вперед, что своей специальности он не изменил — остался танкистом. Только погоны у него на плечах менялись много раз: начав с лейтенанта, он дослужился до генеральского звания.

Когда мы с ним познакомились, Бочковский воевал уже второй год — свое боевое крещение он принял на Брянском фронте летом 1942 года, когда танковый корпус Катукова преградил путь гитлеровцам, рвавшимся на восток и северо-восток. Я был тогда в Первой гвардейской танковой бригаде и хорошо запомнил, как батальоны Бурды и Бойко стояли насмерть, уцепившись за невысокие холмы и тихие русские речки в знаменитых тургеневских местах. В те дни и вступила в бой группа молодых танкистов, только что прибывших из Первого харьковского танкового училища. Среди них был Владимир Бочковский, за год до этого окончивший десятилетку.

Военная карьера юного лейтенанта чуть-чуть не оборвалась трагически, когда его танковый взвод прорвался за линию фронта, чтобы вести глубокую разведку в тылу противника. Здесь он попал под жестокий огонь. Танк Бочковского был подбит, его самого тяжело ранило: осколок снаряда перебил бедро.

Выручил лихой сержант Виктор Федоров, примчавшись издалека к лейтенанту на своей легкой танкетке «Т-60». Танкисты положили Бочковского на броню, сели рядом, поддерживая его перебитую ногу на весу. Федоров во весь дух помчался к своим, лавируя среди разрывов снарядов, ускользая от фашистских автоматчиков.

Лечили Бочковского в госпитале в Мичуринске. В свой батальон Володя вернулся в ноябре, когда корпус Катукова воевал уже на Калининском фронте, под Нелидовом. С тех пор пули и снаряды щадили его. Он уцелел даже в том кромешном аду, в который превратились в эти жаркие июльские дни скромные деревушки — Яковлевка и Прохоровка. На склонах высоток южнее деревни Яковлевки, которую надо было любой ценой удержать в течение суток, и стала рота Бочковского.

Еще только рассветало, когда немцы сунулись по дороге, ведущей к селу, группой в семь — десять средних танков, с полком автоматчиков. С этими было просто... Первым открыл огонь Соколов, он тремя выстрелами подбил два немецких танка, и тут же командир корпуса по радио передал приказ о награждении его орденом Отечественной войны 2-й степени. Бессарабов и Шеландин точными ударами зажгли еще две немецкие машины. Остальные тут же откатились. Но гвардейцы понимали, что это — только начало.

И действительно, в четыре часа утра Бочковский заметил в свете восходящего солнца сразу три колонны тяжелых немецких машин с «тиграми» впереди — они вытягивались параллельными курсами по направлению к деревне. «Тигры» прерывисто ревели и, как обычно, швырялись тяжелыми снарядами. Тут же послышалось гудение с неба: группы самолетов одновременно заходили с разных концов и начинали бить по всей площади, на которую был нацелен танковый удар.

Даже видавшим виды гвардейцам пришлось тяжело. Своими восемью танками они держали деревню, как и было им приказано, весь день, а точнее говоря, тринадцать часов — с трех часов ночи до четырех часов дня. Помощи никто не просил и не ждал.

Солнце поднялось к зениту и уже начало склоняться к закату, а бой все еще продолжался. Напряжение достигло высшей точки. Немцы, видимо, догадались наконец, что против них действует лишь горсточка лихих танкистов. Они утроили натиск.

Вот еще одна бомба разорвалась рядом с танком Соколова. Машина ранена. Накренившись, она съехала в глубокую воронку и застряла в ней. Бессарабов поспешил на выручку другу и взял раненую машину на буксир.

Шаландин броней своей машины загораживает товарищей и прикрывает их огнем. Но вытащить танк из глубокой воронки дьявольски трудно. Машина Бессарабова ревет изо всех сил, а дело не подвигается. Немецкие машины почти рядом. Как быть?

Бочковский, дравшийся неподалеку, тревожно наблюдал за маневрами Бессарабова. Он вывел из строя уже два немецких танка и одну пушку, когда стрелок-радист взволнованно сказал ему:

— Соколов опять просит помощи: машина Бессарабова не тянет...

Бочковский оценил обстановку. Его рота уже выполнила свою задачу, можно отходить на новый рубеж, но как уйти, оставив друзей, попавших в беду? Подав Соколову второй буксир, Бочковский и Бессарабов двойной тягой потянули подбитый танк из воронки. Миг спасения был уже близок, когда вдруг два вражеских снаряда одновременно подбили еще раз и подожгли раненую машину — у нее отлетел ствол пушки, и пламя взметнулось над мотором. С болью в сердце танкисты отцепили теперь уже бесполезные буксиры. Развернувшись, Бессарабов и Бочковский снова открыли огонь по насевшим фашистским машинам, принимая их снаряды на свою надежную лобовую броню.

Но вот и Бочковский почувствовал глухой удар — снарядом сшибло гусеницу. «Гусеницу натянуть!» — скомандовал командир, и танкисты без колебаний выскочили из машины под огненный дождь, чтобы исполнить приказ. К сожалению, было уже поздно: вторым снарядом немецкий артиллерист зажег машину. Бессарабов остановил свой танк. Экипажи двух подбитых танков и четыре мотострелка, до последнего мгновения оборонявшие свой рубеж, кое-как уместились на его броне. Машина Бессарабова с гневным рокотом ушла из деревни, маневрируя под градом бомб и снарядов.

Утром 7 июля бой возобновился. В распоряжении Бочковского теперь оставалось всего пять машин. И рота снова стеной стала на пути вражеских танковых колонн. Всего за эти два дня она уничтожила 35 фашистских танков, из них немало «тигров».

Конечно, и сама рота понесла потери, тяжелые, невозвратные,— не вернутся больше в строй ни Шаландин, расстрелявший два «тигра» и два средних танка, ни Соколов, уничтоживший одного «тигра» и один тяжелый танк, ни Мажоров, зажегший два «тигра». Не вернутся и многие другие...

Раненые танки, выведенные из боя на ремонт, снова двинулись. Механики оживили их.

— Нам пора,— сказал Бочковский,— приказано завтра быть на рубеже.

Он махнул рукой туда, где высоко вздымались к небу дымы взрывов, отдал команду, и танкисты легко взлетели на броню.

Танки двинулись по взрытому бомбами шоссе на север...

* * *

Второй раз судьба свела нас с Владимиром Бочковским осенью тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда война уже отхлынула на многие сотни километров к западу. Слава Первой танковой армии генерала М. Е. Катукова, в рядах которой попрежнему служил молодой командир, снова прогремела на весь мир: она осуществила блестящую операцию на подступах к Карпатам. За участие в этой битве оба корпуса армии — 8-й и 11-й — были названы Прикарпатскими, на знаменах ее воинских частей добавилось восемнадцать орденов, а среди солдат и офицеров — еще двадцать семь Героев Советского Союза. Одним из них был Владимир Бочковский.

Я еще в Москве слыхал, что Бочковский стал одним из лучших танкистов Катукова — ему теперь поручалось выполнение самых от-

---

Очерк из книги «Мера мужества», выходящей в Издательстве политической литературы.

ТОРИЯ ОДНОГО ТАНКИСТА

ветственных операций. Именно он занял город Чертков и захватил важные переправы через реку Серет, и именно он в течение двух суток осуществил с группой из двадцати танков и самоходных орудий смелый рейд на город Коломыю — опорный узел гитлеровцев на подступах к Чехословакии. Имя Бочковского было названо в приказе Верховного Главнокомандующего о взятии Коломыи, и ему салютовала Москва — случай не такой уж частый для комбатов...

И вот снова встреча... Батальон только что прибыл в новый район. Опушка леса. Несколько домиков с вишневыми садами — отдаленный хутор. Танки уже отведены в глубь леса и замаскированы. Танкисты, сбросив шлемы, ловко орудуют топорами и лопатами, готовя блиндажи. Командует ими капитан в забрызганном грязью комбинезоне. Увидев, что кто-то залез на вишню, где соблазнительно алеют ягоды, он сердито кричит: «Назад!» У него очень молодое, с легким пухом на щеках лицо, большой русый чуб аккуратно зачесан назад, ясные голубые глаза настороженно разглядывают незнакомого пришельца.

— Корреспондент? Позвольте взглянуть на ваши документы...

— Мы с вами уже встречались на Курской дуге!

— На Курской?.. Вряд ли, я там в тылах не бывал. Разве что до четвертого июля...

— Нет, я могу сказать совершенно точно: восьмого июля, когда вы выходили из боя с телами убитых танкистов на броне, близ развилки дорог у Зоренских дворов.

Капитан отступает на шаг, пристально вглядывается мне в глаза, потом порывисто пожимает руку.

— Теперь помню. То интервью было необычное... Пойдемте, пойдемте в хату...

Заметив, что Бочковский немного прихрамывает, я вспоминаю, что еще на Курской дуге его звали «Кривой ногой» — после ранения в бедро хирургам пришлось укоротить его ногу на пять сантиметров. Перехватив мой взгляд, капитан говорит:

— Видите, приходится толстую подошву носить. Но это еще терпимо, а вот лопатка...— он осторожно повел плечами,— лопатка еще дает о себе знать.

Оказывается, он снова был ранен в бою у станции Попельня, когда ему поручили отразить контратаку немецких танков. Осколок снаряда рассек Бочковскому лопатку и ребро. В госпитале он не залежался, сбежал в батальон — и теперь хронический остеомиелит; капитан носит постоянную повязку.

Мы вошли в просторную чистую хату. На столе, покрытом белой скатертью, стоял букет свежесрезанных роз. Капитан вышел умыться, а я разглядывал его жилье. В глаза бросилась какая-то официальная бумага, вставленная в аккуратную рамочку — она стояла за букетом; видимо, капитан собирался повесить ее на стену. Я подошел поближе и прочел. Это был приказ заместителя народного комиссара обороны СССР маршала Василевского о зачислении погибшего в боях под Яковлевкой на Курской дуге гвардии лейтенанта Шаландина навечно в списки 16-й роты Первого ордена Ленина харьковского танкового училища.

Передо мною вновь встала запомнившаяся в мельчайших деталях драматическая встреча с танкистами, только что вышедшими из этого страшного боя на Обоянском шоссе, когда Бочковский, чертя прутиком на дорожной пыли схему боя, рассказывал мне, как погиб Шаландин.

— Да, вожу этот приказ с собой. Как только приходит пополнение, перечитываю его перед строем. Помогает!..

Услышав голос Бочковского, я обернулся. Передо мной стоял уже совсем другой офицер, в чистой, отлично отглаженной гимнастерке с белоснежным подворотничком, и начищенных сапогах. На груди у него — Золотая Звезда, орден Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медаль «За отвагу» и гвардейский знак. Уж так повелось в армии: ордена носили повседневно.

Капитан пригласил меня сесть и немного церемонно сказал:

— Простите, но водки я не пью и угостить не смогу. В батальоне спиртного летом не держу...

Он подчеркнуто прям, выдвинул вперед свой крутой подбородок, — чувствуется, что ему в его двадцать лет («Через месяц будет двадцать один»,— уточняет он) очень хочется казаться человеком военной косточки, настоящим гвардейским офицером. Отсюда и эта напускная педантичность и любовь распоряжаться, командовать... Но постепенно все это внешнее, немного искусственное отступает, разговор становится теплее, душевнее, и вот уже передо мной простой, с открытой и чуткой душой советский паренек, сердце которого опалила война.

Мы снова беседуем о битве на Курской дуге, о летних, зимних и весенних боях, в которых участвовал батальон, о знакомых танкистах, о том, что они за этот год совершили. Тогда, в июле 1943 года, на Обоянском шоссе бой вели десять выпускников харьковского танкового училища. Война безжалостна: уже в первом сражении погибли пятеро — Шаландин, Соколов, Малороссиянов, Прохоров и Чернов. Бессарабова похоронили зимой. Литвинов погиб в марте, когда батальон брал Коломыю.

Духов и Катаев по-прежнему служат в батальоне. Ну, а сам Бочковский... Что ж, факты говорят за себя: был командиром роты, стал комбатом, начальство не ругает. Твердо решил, если удастся дожить до победы, пойти в военную академию и стать кадровым офицером. Такая уж видно судьба...

— Ну, это же все наши, так сказать, семейные дела,— говорит вдруг Бочковский.— А что же рассказать вам такого, что пригодилось бы для вашего репортерского пера? — Он любит этакие кудреватые обороты и щеголяет ими, подчеркивая свое южное произношение: «шё» вместо «что», частое употребление приставки «же», мягкое, с придыханием «ч»... Бочковский родился в Тирасполе, а детство провел в Сочи и в Крыму. У его отца была самая что ни на есть мирная профессия: он работал кондитером в санаториях.

Я прошу его рассказать о знаменитом рейде на Коломыю — том самом, за который Бочковскому салютовала Москва. Ведь это за Коломыю ему дали звание Героя Советского Союза. Капитан усмехается: нет, Звезду Героя он получил за взятие Черткова.

— А за Коломыю мне не досталось никакой награды...

Его представили тогда к званию дважды Героя, а всех участников операции — к ордену Ленина. Ребята свои ордена получили, а Бочковский второй Звезды так и не дождался: больно высоко было заслано представление, и там, наверное, рассудили, что не стоит так часто давать Золотые Звезды одному и тому же молодому капитану. А о том, чтобы дать ему другую награду, так и не подумали. Впрочем, Бочковский не в большой обиде: впереди еще много боев...

А рейд на Коломыю — это действительно была примечательная операция, и капитан охотно соглашается о ней рассказать: это будет интересно для молодых танкистов, так сказать, «страничка боевого опыта»...

...На рассвете 27 марта Бочковского, который был тогда заместителем командира батальона, вызвал вместе с комбатом комбриг Горелов: только что с самолета был сброшен вымпел с картой-приказом, на карту нанесена боевая задача и здесь же знакомым почерком командарма написано: «Выдвинуть отряд под командованием капитана Бочковского в направлении города Коломыя, сломить оборону противника и занять город».

— Видишь, Володя,— сказал комбриг,— командарм тебе лично дает задание. Дело трудное, понимаешь сам. Разрешаю тебе отобрать самому экипажи для этого рейда...

Бочковский задумался. Он мысленно перебирал всех командиров танков батальона, все были отличные, обстрелянные мастера своего дела.

Вот старший лейтенант Духов, однокашник по танковой школе, худенький, быстроглазый паренек невысокого роста. Очень трудно свыкался с войной, на Курской дуге его сгоряча чуть не исключили из кандидатов партии по обвинению в трусости, а он не то чтобы трусил, просто робел с непривычки под огнем. Потом в наступательных боях приобрел совершенно необходимое военному человеку чувство превосходства над противником, и робость пропала. Ходил на танке в разведку вместе с Бессарабовым. Уничтожил двух «тигров». Командует ротой, на груди три ордена. Конечно, Духова надо брать! Какой может быть разговор!

Младший лейтенант Бондарь... Это совсем молодой паренек, пришел с пополнением, когда бригада была уже под Шепетовкой. Но сразу проявил себя как смелый и дерзкий танкист. Награжден уже двумя орденами Красного Знамени. Такой не подведет!..

Лейтенант Шарлай. Это ветеран, воюет в батальоне давно. На Курской дуге работал на легком танке «Т-70» — обеспечивал связь. Под Казатином ему дали «тридцатьчетверку». Воевал отлично. Наград пока не имеет, но это — дело случая... Надо взять и его.

Лейтенант Катаев... Тоже однокашник. Вот у кого действительно запутанная фронтовая биография!

Вначале все шло хорошо: уничтожил «тигра», получил орден Красного Знамени, грамоту ЦК комсомола. И вдруг под Казатином, близ села Хейлово, произошло несчастье. Танк Катаева был подбит. Механик-водитель в панике бежал. Катаев попытался сам завести заглохший мотор — не сумел... Ушел из танка в надежде, что потом машину удастся вытащить и отремонтировать. На командном пункте его отругали за то, что не задержал водителя и не заставил его отремонтировать мотор под огнем, и тут же дали другую машину. Катаев снова пошел в бой, и снова ему не повезло: танк разбили, когда он прорвался за линию фронта, экипажу пришлось с боем пробиваться обратно. На этот раз Катаева судили военным судом, приговорили к восьми годам тюрьмы, но, принимая во внимание старые заслуги, оставили воевать в батальоне... В весеннем наступлении Катаев вме-

сте с Духовым все время шел впереди и получил два ордена. Судимость с него сняли. Этот медлительный с виду, долговязый, светловолосый и голубоглазый парень в бою буквально преображался и становился сущим дьяволом. Нет, он, конечно, не подведет и на этот раз...

Перебрав всех командиров танков батальона, капитан остановил свой выбор и на лейтенанте Большакове, которого он помнил еще с Курской дуги, и на младших лейтенантах Игнатьеве и Кузнецове, комсомольцах, хорошо зарекомендовавших себя в боях. Взял и старшего лейтенанта Сирика, отличившегося в бою за Чертков, Котова и еще двоих.

Всего, таким образом, в рейд отправлялось двенадцать танков, считая и машину Бочковского. Бочковский собрал командиров, разъяснил задачу, подбодрил. Запаслись боеприпасами до отказа, набрали горючего сверх всякой меры: идти-то очень далеко да еще в распутицу! Приняли на броню десант автоматчиков — и в путь...

Головной машиной вызвался идти Духов. «Только попробуйте отстать от меня!» — шутливо пригрозил он остальным. Обещали не отставать. Вторым шел Катаев, третьим Бочковский. Приказ был такой: действовать дерзко, деревни проскакивать с ходу, ведя максимальный огонь, с мелкими подразделениями в драку не ввязываться, главное — как можно быстрее ворваться в Коломыю и захватить переправу через Прут.

После долгих затяжных дождей выглянуло солнце, но земля еще не подсохла. По обе стороны дороги расстилались раскисшие поля. Только свернешь туда — и танк проваливается по самое брюхо. Это очень тревожило танкистов: возможность маневра ограничена до минимума. Оставалось одно: гнать вперед по шоссе, рассчитывая на эффект психической атаки. Так и сделали. Промчавшись через городок Гвоздец с ходу, взламывали наспех организованную оборону противника.

Можно было ожидать, что гитлеровцы попытаются зацепиться за реку Турка, и действительно, у селения Подгайчики танкистов встретили артиллерийским огнем. Мост горел.

Наткнувшись на сопротивление, машины, шедшие в голове колонны, укрылись за домами и открыли огонь. Тем временем Бочковский повел остальные танки в обход деревни. Гитлеровцы, увидев советские машины у себя в тылу, немедленно развернули все свои двенадцать противотанковых орудий против группы Бочковского. Завязался бой, а тем временем Игнатьев, Шарлай и Духов, а с ними Катаев и Бондарь, воспользовавшись тем, что дорога оказалась свободной, рванули вперед и помчались дальше — к Коломые. Пока Бочковский со своей группой добивал гитлеровцев в Подгайчиках, они уже ушли далеко...

Сборный пункт перед решающей атакой на Коломыю был назначен в селении Цинява, но свою передовую группу Бочковский там уже не застал. Он встревожился: было ясно, что за Коломыю гитлеровцы будут жестоко драться, и прежде, чем начинать атаку, надлежало провести разведку и хорошо продумать план действий. Поэтому Бочковский немедленно передал танкистам по радио приказ остановиться и ждать его. Но было уже поздно: пять танков с ходу врезались в Коломыю, и теперь оттуда доносилась яростная канонада. Как и опасался Бочковский, они попали в трудное положение.

Танкисты докладывали по радио, что встретили сильное сопротивление. Шарлай торопливо говорил: «Вижу справа и слева огневые точки противника... Подавили уже четыре пушки, автоматчиков скосили штук до двадцати, но их тут много». Потом слышался голос Игнатьева: «Веду бой. Сопротивление сильное. Есть «тигры»...» Духов докладывал коротко: «Приняли удар на себя. Выстоим...»

Когда капитан с группой танков примчался к Коломые, к этому довольно большому, живописному городку, раскинувшемуся на реке Прут, близ чехословацкой границы, он увидел страшную картину: возле железнодорожной станции из засады ведет огонь «тигр», а увлекшийся погоней за бегущей пехотой Шарлай идет прямо на него. Удар!.. Прямое попадание — с «тридцатьчетверки» слетает башня. Машина горит. Шарлай погиб. Его заряжающий Землянов продолжает вести огонь из лобового пулемета (за этот бой рядовой Землянов получил звание Героя Советского Союза). Игнатьев, укрывшийся за домом, открывает по «тигру» огонь, но лобовая броня мощной немецкой машины неуязвима для наших снарядов. «Тигр» дает ответный выстрел и пробивает машину Игнатьева. Башенный стрелок убит, сам Игнатьев тяжело ранен... Духов успел отскочить вправо, за другой дом. Немец ударил по нему, но Духов уже за третьим домом. Оттуда он ударом в борт поразил наконец «тигра», и, как с восторгом выразился Бочковский, «тигр» показал свои «светлые глазки» — загорелся.

Обстановка складывалась весьма неблагоприятно: соотношение сил далеко не в пользу наших танкистов. Станция была буквально забита гитлеровскими эшелонами, позже их насчитали около сорока. На аэродроме Коломыи то садились, то взлетали самолеты. Раздумывать некогда, вокруг рвались снаряды: это открыли огонь шесть «тигров», стоявшие на платформах эшелонов, готовых к отходу. Как на беду, подоспевшие на помощь Духову танки, совершая обходный маневр по пахоте, застряли в раскисшей жирной земле. Бочковский скомандовал по радио: «Духову вытаскивать танки буксиром, всем машинам вести огонь по «тиграм». Он сам припал к прицелу и открыл огонь. Один «тигр», получив несколько прямых попаданий, опрокинулся с платформы. За ним второй. Но другие продолжали стрелять. Засвистел паровоз, и эшелон медленно пополз по направлению к станции Годы.

Бочковский даже зубами заскрипел от сознания собственного бессилия, когда увидел, что за первым эшелоном вытягивается второй, третий, четвертый... К счастью, Духову в это время удалось вытащить на дорогу танки Бондаря и Большакова, и капитан скомандовал всем троим по радио: «Гоните к станции Годы! Приказываю догнать и остановить эшелоны!» Катаева и Сирика Бочковский послал «навести порядок» на аэродроме. Они раздавили там несколько самолетов.

Тем временем Бочковский с остальными машинами выбрался на дорогу, ведущую к селению Пядыки, и вдруг из леса на них бросается в атаку туча гитлеровцев при сильной поддержке артиллерийского огня. Наши автоматчики встретили их огнем, но гитлеровцев было раз в пять больше. Танки били по атакующим из пушек. Неожиданно у Бочковского заклинило башню. Танкисты выскочили из машины и под огнем развернули башню. Бой продолжался...

Схватка длилась уже около двух часов, когда вдруг на дороге послышался знакомый рев «тридцатьчетверок»: это возвращались Духов, Бондарь и Большаков. Им удалось догнать и остановить несколько эшелонов. Успех обеспечил смелым и расчетливым ударом танк Бондаря: его опытный водитель старший сержант Телепнев умело вывел машину на невысокую железнодорожную насыпь и толкнул боком отчаянно свистевший паровоз эшелона. Паровоз накренился и рухнул направо, а Телепнев резко свернул влево, уходя от рушившейся громады эшелона: вагоны лезли друг на друга! Тем временем Духов и Большаков вели беглый огонь по эшелону. Следовавшие позади составы были вынуждены остановиться. Танкисты расстреляли их. Поручив десанту автоматчиков собрать сдавшихся в плен солдат и взять под охрану трофеи, они помчались обратно. И прибыли на помощь Бочковскому вовремя...

Гитлеровцы, ошеломленные стремительным натиском танкистов, сдались в плен. Командир полка по приказу Бочковского выстроил своих солдат — их было 847 человек — и сдал 18 орудий 160 лошадей и много оружия...

Но Коломыя все еще была в руках у немцев. У Бочковского силенок оставалось совсем немного. К тому же горючее и боеприпасы на исходе.

День клонился к вечеру. Капитан связался по радио с комбригом. Условным кодом доложил об обстановке и попросил прислать, если можно, еще несколько танков взамен вышедших из строя. Он дал понять, что атаку на город намерен предпринять ночью. На подбитом, но сохранившем способность передвигаться танке Игнатьева капитан отправил в тыл раненых, в том числе и самого Игнатьева: у него было перебито бедро.

Комбриг одобрил план Бочковского, и около полуночи старший лейтенант Демчук привел еще 8 танков и самоходных орудий. Танки несли на броне бочки с горючим и ящики с боеприпасами. Теперь в отряде Бочковского было уже 16 машин, и он воспрянул духом.

В два часа ночи капитан созвал командиров машин в хатке у дороги с Цинявы на Пядыки и посвятил их в свой план: надо обойти Коломыю по Станиславскому шоссе, вырваться к переправе через Прут, а затем уже ударом с тыла брать город. Духов, Катаев и Бондарь, чуть не испортившие все дело своей горячностью, были расстроены, но Бочковский, жалея их, не стал напоминать о допущенной ошибке, стоившей жизни Шарлаю и тяжелого ранения Игнатьеву, тем более что Духов и Бондарь только что отличились, перехватив гитлеровские эшелоны. Пока капитан излагал свой план, фельдшер группы Николаев делал ему перевязку: открытая рана на лопатке, съедаемой остеомиелитом, сильно давала о себе знать.

В три часа ночи Бочковский двинул танки в обход Коломыи, оставив перед станцией одного Бондаря. Ведя огонь и маневрируя, Бондарь создавал видимость подготовки к атаке и отвлекал внимание гитлеровцев на себя. Первым на этот раз шел Катаев, за ним Духов и все остальные. Со Станиславского шоссе танкисты свернули на дорогу, шедшую вдоль реки Прут, и в четыре часа утра свалились как снег на голову на часовых, охранявших переправу. Железнодорожный мост уже был взорван, но шоссейный стоял: видимо, его берегли для связи с Коломыей.

Расстреляв часовых из пулемета, Катаев влетел на мост. Выглянув из машины, он увидел нечто такое, от чего у него похолодело в груди: немцы успели поджечь бикфордов шнур, дымок быстро бежал к мине, заложенной под мостом. Дело решали секунды. Катаев прямо с башни прыгнул через перила моста и весом своего тела — в воздухе — оборвал шнур. Мост спасен! Много позже, когда к переправе подоспели наши саперы, они вытащили из-под моста четыреста килограммов тола...

(Окончание следует).

РЯЗАНСКИЕ ДЕВЧАТА

Ах, какие в Рязани девушки! Полюбуйтесь на них: пройдите по городу в конце дня, часа в четыре. Веселая, шумная толпа наполняет улицы. Студенты пяти институтов — медицинского, политехнического, педагогического, сельскохозяйственного, радиотехнического. Работницы завода искусственного волокна, операторы нефтеперерабатывающего, инженеры сельмаша, станкостроительного. Штукатуры, маляры... Тридцать три тысячи одних невест, если верить статистикам.

Иные старики, обгоняемые этой пестрой и громкой толпой, ворчат по привычке: мол, не та нынче молодежь пошла.

— Верно, не та! — подтверждает Надежда Чумакова, мэр города Рязани.— Не та и внешне и внутренне. Одеваются элегантно, от московской моды не отстают. А заговорите с ними. Вы увидите, какой грамотной стала молодежь.

Что ж, заговорим! Вот идет высокая девушка с тонкими и строгими чертами лица. Откуда? С завода счетно-аналитических машин. Куда? В техникум. Валя Сахарова работает на сборке точных приборов. Впереди — радиотехнический институт.

У Риммы Поповой профессия вроде попроще. Она маникюрша в дамском салоне «Березка». Учится на мастера. Считает, что у парикмахера предназначение высокое. «Понимаете? Каждому хочется уйти от нас красивым».

...А вот из проходной электролампового выпорхнула целая стайка смешливых, звонкоголосых девчат. Эти все — на концерт. На свой собственный. Вокальный ансамбль завода существует несколько лет. О чем мечтают юные артистки?

— Чтоб наш ансамбль никогда не распадался,— со всей серьезностью ответила Зоя Гришаева, ветеран октета.

— О хорошем парне! — озорно улыбнулась Татьяна Притчина, ясноглазая русская красавица...

Пусть сбудется! Пусть сбудется все, о чем мечтают славные рязанские девчата, работящие, сердечные, неунывающие.

В. КРУПИН

Фабрикой красоты называют рязанцы дамский салон «Березка». У зеркала «священнодействует» Римма Попова. Фото М. САВИНА.

Интересно ли работать на нефтеперерабатывающем заводе? Галина Путилина, Лариса Конюхова и Валентина Кривова отвечают на этот вопрос утвердительно. Ведь именно здесь начинает свой замысловатый путь большая химия, которая дарит женщинам и шубки из лавсана и нейлоновые чулки...

Субботним вечером в Солотчинском бору.

Речка Лыбедь скована льдом, но к услугам любителей плавания в Рязани открыт бассейн. Его постоянные посетительницы — Наталья Филатова и Альбина Арнаутова, студентки пединститута.

В Малом театре — премьера: «Страница дневника». Пьесу эту — своеобразное творческое размышление драматурга о новых днях, новом звучании жизни и человеческих судеб — написал А. Корнейчук; поставлена она главным режиссером театра Евгением Симоновым.

Мы попросили его рассказать нам о спектакле. Но режиссер посоветовал обратиться к актерам: пусть они сами говорят о своих героях.

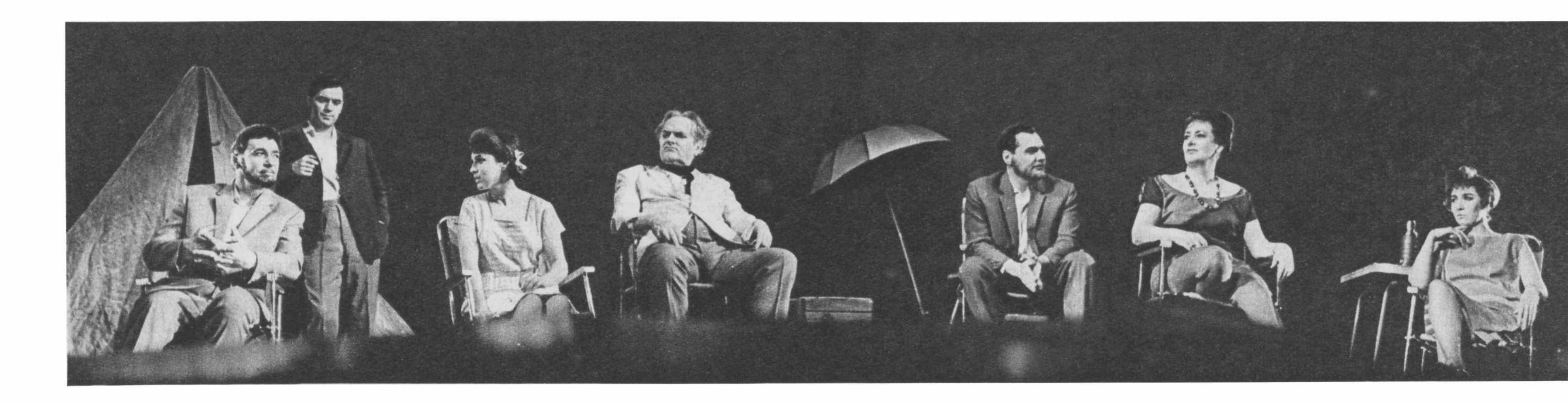
Мы так и поступили.

АКТЕРЫ О СВОИХ ГЕРОЯХ

Римма ЛИХАЧ

Г. КАРНОВИЧ-ВАЛУА

Ролью Леонида Край я дебютирую в Малом театре. И с драматургом Корнейчуком это тоже моя первая актерская встреча. Леонид Край наделен противоречивыми чертами. Поначалу мне это казалось странным и даже непреодолимым. Но в работе я обрел вкус к образу, а теперь уже хорошо понял своего героя: это человек, любящий искусство. Основное теперь для него — найти точку приложения своих сил, своей жажды творчества...

В. КОРШУНОВ

Макар Брага — наш современник, соль земли. Встретиться с Макаром Брагой мне приятно: это человек шестидесятых годов нынешний молодой рабочий, мыслящий, интеллектуальный. В пьесе Корнейчука он поставлен рядом с людьми творческими. Я стараюсь находить и то, что сближает с ними Макара, и то, что позволяет им видеть в нем отражение главных черт времени.

Н. КОРНИЕНКО

Еще очень молода Оля Богутовская и поэтому жадна к жизни. Но она чиста и непосредственна. Ее коробит фальшь. Поэтому мне кажется, что из нее вырастет человек с богатой и щедрой душой. Она привлекает меня именно своим будущим, в которое хочется глядеть, как в зеркало.

Н. АННЕНКОВ

Трагедия художника Богутовского — трагедия времени. Он глубоко страдает и от своей непонятости и оттого, что сам не понимает окружающих... Сильный, талантливый человек чрезмерно ушел в себя, а замкнувшись, потерял друзей. Недостатки в его глазах ныне заслоняют все хорошее в жизни. Образ — сложный, воплощение его не может быть закончено в день премьеры, и внутренний рост героя будет продолжаться.

Д. ПАВЛОВ

Драматург Аркадий Искра пересматривает и свое прошлое и свое отношение к жизни. Искренний и ищущий, он понимает, что нужно глубже заглянуть в себя, чтобы осмыслить: каким ты был и каким надо быть. А это процесс глубокий и нелегкий.

Искра понимает, что в душах и сознании людей все еще идет борьба с последствиями культа личности. Он хочет найти свое место в новой жизни. Значит, найдет!

И. ЛИКСО

Яркость характеров — свойство Корнейчука-драматурга. Моя Магдалина кажется хищницей, но она просто ограниченна, хотя и убеждена в правильности своих взглядов на вещи. Она ломает жизнь своей дочери, но делает это, искренне желая ей добра. Положительна она или отрицательна? Магдалина позволяет думать, что в каждом человеке живет сто человек, и прежде чем определить, кто же он, надо все взвесить, тогда и решать!

Р. НИФОНТОВА

Веронику Край я поняла и приняла с первого слова. Она больше всего любит искусство, любит театр. И прельщает ее не актерская слава, а труд — тяжелый и увлекательный. И еще я рассматриваю роль как мою заявку на комедию. Образ Вероники дал мне возможность «зацепиться» за комедийность, и это меня вдохновляет.

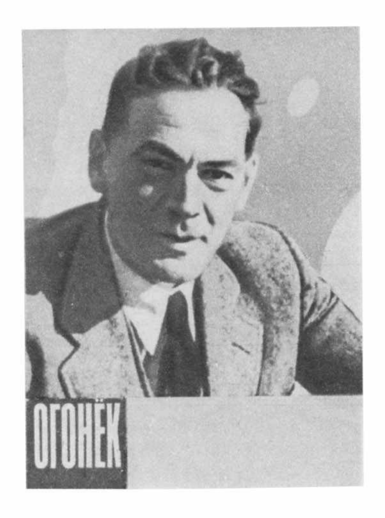

М. ЖАРОВ

Мой солдат Гроза — великая жертва той опустошительной войны, рубцы которой не зажили до сих пор. Грозе дорога его дочь Юлька, такая же жертва войны; он несет ее тайну и свою трагедию через всю жизнь, и это — тяжкий гнет. Мой герой — глубоко сердечный, добродушный человек, но он бесконечно несчастлив, а людям, не знающим его жизни, он кажется страшным. Гроза внутренне кричит: «Люди, будьте же друг к другу внимательней, ближе!» И я буду рад, если это поймут все.

Л. ЮДИНА

Я полюбила свою Юльку, и мне хотелось раскрыть романтику образа, его необычность. А в то же время хотелось создать характер современницы — светлой, живой, порывистой девушки. Несмотря на трагичность и сложность Юлькиной судьбы, она вся открыта жизни и принимает людей с неизменным дружелюбием. Юлька — надежный человек,— вот что в ней главное.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

1

Рихард поднялся в свой номер. На два оборота запер дверь на ключ. Прихрамывая, прошел в комнату.

В комнате было сумрачно и зябко. Как всегда в это время года да еще в непогоду, ныли нога и плечо: застарелые раны давали о себе знать. Рихард включил верхний свет и электрокамин. Квадрат окна потемнел, а в комнате стало уютней и теплей. Тогда он наконец достал конверт и стал внимательно разглядывать места склейки. Хотелось рвануть конверт, жадно выпотрошить его содержимое. Но он не торопил себя. Он привык никогда не ослаблять внимания и напряжения воли, не давать себе поблажки даже в малом.

Склейки повреждены не были. Письмо доставлено из Центра в полной сохранности. Рихард разорвал конверт. Обычные слова привета от старого друга.

Он перевел текст на язык цифр, цифры сверил с кодом. И, удивленный, снова перечитал письмо: «Подготовь хозяйство к передаче. В ближайшие дни жди вызова в Москву».

Что это значит? Нет никаких сомнений: его отзывают. Так и написано: «Подготовь к передаче». Почему? В Центре недовольны результатами? Рихард привык трезво и по возможности объективно оценивать обстановку. Нет, при нынешних условиях здесь, в самой штаб-квартире гоминдановцев, в городе, кишащем английскими и японскими контрразведчиками, лучших результатов добиться трудно. Он был в курсе всех событий на обширной территории — от Шанхая до советской границы — и заблаговременно сообщал о подготовке новых провокаций на КВЖД, о предстоящей заброске белогвардейских семеновских и прочих банд на нашу территорию, о начале агрессии Японии против Северо-Восточного Китая и об образовании марионеточного Манчжоу-го. Манчжоу-го — плацдарм для нападения на Советский Дальний Восток. Агрессивные замыслы Японии приобретают все более отчетливый характер, понимал он. Может быть, эти его донесения расценивают в Москве как дезинформирующие? Нет. Месяц назад Старик прислал записку: «Ты молодец». Что же могло стрястись за этот месяц?..

Рихард подошел к окну. За стеклами сеялся тоскливый дождь. Внизу, по мокрой серой улице чешуйчатым драконом ползла под зонтами толпа. Ревели клаксоны, и визжали тормоза автомобилей. Надрывались голоса рикш. Стекающие по стеклу струйки воды размывали вечерние огни.

Он стал припоминать, как происходила встреча со связником. Да, все состоялось строго по распорядку. Он сидел в маленьком многолюдном ресторанчике, отгороженном от улицы занавесом из тонких бамбуковых палочек, потягивал пиво и листал «Пекин — Тяньцзин таймс». Когда в углу зала старинные часы захрипели и с сипом начали бить, бамбуковая завеса заколебалась.

Раздвинув жердочки, в зал вошел посетитель — молодой клерк-европеец, с зонтиком, в котелке и с широким по моде галстуком. Он бросил бою мокрый зонтик и котелок, скучающим взглядом обвел помещение и, словно бы нехотя, направился к свободному креслу за столиком Рихарда.

— Не возражаете, сэр?

— Пожалуйста, если вам будет приятна моя компания,— безразлично ответил Рихард и, вчетверо сложив газету, сунул ее в карман. Клерк достал портсигар.

— Не желаете?

— Благодарю. Я предпочитаю сигару.

— Графин пива и соленых креветок! — крикнул клерк бармену.

Кто мог обратить внимание на эту случайную встречу совершенно незнакомых людей за одним из столиков одного из бесчисленных шанхайских ресторанов? И, даже прислушавшись к их разговору, что, кроме безразличных фраз вежливости, мог бы посторонний уловить? Но для Рихарда место, время, одежда пришедшего и каждое сказанное им слово имели свой сокровенный смысл. Даже то, какой марки сигарету он закурил. Точно так же, как для «клерка» было совсем не безразлично, какую Рихард читал газету, как ее сложил и в какой положил карман.

Рихард опорожнил свой графин первым. Вежливо раскланялся, бросил бою несколько монеток и растворился в мокрой, шуршащей зонтами и плащами толпе. В кармане лежал конверт... Москва вызывает его.

Значит, до свидания, Шанхай! Скорее всего, не до свидания, а прощай!.. Что бы там ни было, но скоро он сможет сбросить с себя, как опостылевшую одежду, свою постоянную напряженность и настороженность, снять уже, казалось, затвердевшую маску. Может быть, его оставят на работе в управлении? Или он вернется к научной деятельности? Нет... Неужели он полюбил эту свою профессию? Не подходит к ней слово «полюбил». Впрочем, летчик-испытатель, тоже каждый час идущий на смертельный риск, ведь любит свое дело...

Он снова посмотрел в окно. На улице стало еще сумрачнее. Все так же висела над городом пелена дождя. Он представил: вместо этой противной слякоти там скрипит снег, мороз горячит щеки, по улицам с гиком проносятся сани. А самое главное — там Катя!

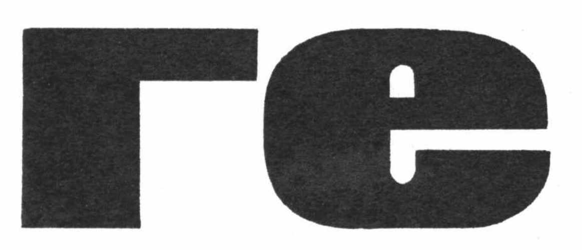
Он попытался представить ее лицо. У него была превосходная память, к тому же обогащенная многолетним опытом конспирации. «Чтобы легче запомнить лица, разделяй их на три основных типа: круглые, квадратные, удлиненные. Затем...» Он научился запоминать нужные ему лица с первого раза — и, наверное, навсегда. Но вот Катино лицо, хотя больше всего им дорожил, запомнить не мог. Он представлял отдельно ее глаза: то веселые, блестящие, то затуманенные грустью. Ее губы. Ее темные, заплетенные в косу волосы. Ее гибкую, подвижную фигуру. И в то же время в целом представить не мог. По законам конспирации он не имел права хранить ее фотографии и ее письма — и не хранил их. Но и на фотографиях Катя была совсем не такой, как в жизни. Какое же у нее лицо? Круглое или удлиненное? Нет. Милое. И как хорошо, что он скоро его увидит!..

Рихард чиркнул шершавым колесиком зажигалки и поднес к узкому пламени листок.

2

Наташа прислушалась. Музыка! Массивная дверь была прикрыта неплотно, и из кабинета Берзина слышались четкие звуки шумановской токкаты. Хорошо! Наконец-то Павел Иванович отдыхает... Наташа уже привыкла: в редкие минуты отдыха, ближе к полуночи, он доставал пластинки, включал радиолу и, откинувшись в кресле, прикрыв ладонью глаза, слушал. Он любил только серьезную музыку.

Утром Наташа первой приезжала в управление, открывала уборщице кабинет начальника. И, пока та вытряхивала пепельницы и смахивала пыль с кресел и резных с гербами шкафов, она тоже включала радиолу. Ящик стола был заполнен пластинками доверху. В ярких глянцевых пакетах на разных языках. Близкие друзья Берзина, зная о его страсти, непременно привозили ему в подарок черные диски, когда возвращались из «спецкомандировок». Наташа сама недавно вернулась из такой командировки, затянувшейся без малого на два года. Но свой подарок добавила к коллекции Старика тайком. Уж очень большим начальником был он для нее, хотя с другими и про себя она тоже фамильярно и подружески называла его Стариком. Начальника все так называли. Может быть, пото-

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

му, что он и на самом деле был старше их, и многие пришли сюда позже его, а вернее, многих он сюда и привел. А скорее всего потому, что был он хоть не старый, но седина густо посолила его темноволосую голову. С шестнадцати лет, с того дня, когда он был порот казачьими шомполами и в первый раз приговорен к расстрелу. А может, еще и потому, что в подполье, в царских тюремных казематах прошел он такую закалку огнем; в ВЧК и здесь накопил такой опыт, мера которых — совсем не годы жизни человека.

Когда Павел Иванович в 9.00 приходил в управление, Наташа уже сидела в приемной за секретарским столом с папками «К докладу», с пакетами, опечатанными оплывшим сургучом. И в большом и прохладном кабинете начальника молчаливые шторы, поглотившие последние аккорды музыки, не выдавали Наташиной вольности.

Но уже много дней музыка в кабинете Павла Ивановича не звучала. Сам Старик не выдвигал ящик с пластинками с того дня — она точно запомнила дату — 30 января, когда из Берлина поступило сообщение: президент Германии Гинденбург назначил новым канцлером Адольфа Гитлера.

Их небольшое здание в тихом московском переулке, которое они называли «шоколадным домиком», подобно метеорологической станции где-нибудь в центре Розы ветров, принимало на себя все удары бурь и гроз. Его волновали события, происходившие в мире — и у самых границ страны и за тысячи километров от ее рубежей. В этом доме события не только регистрировались. Здесь определялось, к каким последствиям они приведут. Не завтра или через месяц, а через год и даже десять лет... Прихода Гитлера к власти здесь ожидали, к нему готовились. И все же это событие взбудоражило всех. Наташа по взволнованным лицам своих товарищей, привыкших скрывать свои чувства, по учащенному ритму совещаний в кабинете Старика, по тому, что в управлении появились новые люди — с ромбами в петлицах, в скрипящих портупеях, поняла: наступают большие перемены в их работе.

Сообщения из Германии отодвинули на второй план все другие события — даже дальневосточные, столько лет державшие всех в напряжении. Старик требовал в любое время суток передавать ему шифровки из Берлина. Один за другим уезжали туда товарищи.

А в столовой, в Наташиной приемной, на утренних политинформациях — как в любом другом учреждении, как по всей стране — не прекращались споры, словесные схватки. Здесь, в управлении, знали об истинном положении дел в Германии лучше, чем где-либо. Но все равно не могли ответить: кто кого? Тревожные вести сменяли одна другую. Гитлер распустил рейхстаг и назначил новые выборы. Коммунистическая партия призвала рабочих к всеобщей забастовке и созданию народного фронта. Правые лидеры социал-демократов и профсоюзов ответили отказом. Гитлер объявил черный террор против компартии, запретил собрания и демонстрации рабочих. И, наконец, 27 февраля вечером запылал рейхстаг. За неделю до новых выборов, которые должны были, по расчетам нацистов, передать им всю полноту власти...

Из-за двери звучала музыка. На мгновение она смолкла. Зашипела игла. Потом запела скрипка. «Концерт Вивальди,— узнала Наташа.— Я привезла...»

Вошел начальник шифровальной службы.

— Павел Иванович у себя?

Старик требовал, чтобы все донесения немедленно показывали ему. Но сейчас Наташа медлила. Не хотелось обрывать мелодию. Не хотелось прерывать его отдых... Наташа сердито бросила:

— У себя!

Начальник шифровальной службы открыл дверь кабинета.

Павел Иванович не сидел, откинувшись в кресле и прикрыв ладонью глаза, он расхаживал по комнате вдоль шкафов, обхватив ладонью подбородок и поскрипывая пальцами по отросшей к ночи щетине. Она заметила на столе пустой графин. Значит, опять ему нездоровится. Каждое утро Наташа наливала ему в графин свежую воду. В книжном шкафу на полке стояла целая батарея лекарств. Старик не хотел, чтобы его товарищи знали, что их начальник нездоров. А старые раны ныли. И сказывался плохо залеченный туберкулез. К вечеру начинала болеть голова. Казачья пуля так и сидела в теменной кости... Наташа узнавала, как он себя чувствует, по этому графину — сколько из него отпито воды — и по его глазам. Когда ему было совсем плохо, глаза белели. Точно так же, как когда он был сердит. Сослуживцы так и спрашивали у секретаря: «Какие у Старика глаза?» И она отвечала: «Голубые. Иди» — или: «Белые. Лучше не суйся». Но держался он и в радости и в гневе одинаково: никогда не повышал голоса.

Старик остановил проигрыватель.

— Что у тебя?

Взял донесение, вслух прочитал:

— «Выезжаю. Буду второго. Рихард». Хорошо.

Он вызвал Наташу.

— Забронируй на второе номер в «Гранд-отеле». А сейчас позови ко мне Оскара и Василия.

Он перехватил взгляд Наташи, усмехнулся и стал складывать пластинки в нижний ящик стола.

Через несколько минут Оскар и Василий, оживленно переговариваясь на ходу, прошли в кабинет Берзина. Из их разговора она уловила имя «Рихард».

«Рихард Зорге. Наш товарищ в Шанхае. Деятельный. От него всегда приходит большая почта, и Старик всегда просматривает ее с интересом...» Она стала припоминать, какой он из себя, этот Рихард Зорге. Кажется, она однажды видела его. Даже дважды видела. Да, еще до своей «спецкомандировки». Она сидела за этим столом, когда Зорге в первый раз пришел к Старику. Потом он пришел и во второй раз. Довольно высокий. С крепкой фигурой спортсмена. Прихрамывал на правую, да, на правую ногу. Волосы темные, слегка вьющиеся, а глаза светлые. Когда выходил из кабинета, лицо у него было строгое, а глаза сияли. Впрочем, почти все выходят от Старика с такими глазами. Умеет он зажигать людей. Наташа вспомнила о графине и с тревогой подумала: надолго они там? На часах уже было половина второго...

Москва. 1933 год. Фото Рихарда Зорге.

Павел Иванович все так же вышагивал по ковру вдоль шкафов и слушал. Василий сидел на стуле верхом, как на коне, обхватив руками спинку. Оскар сидел на подоконнике. Такие вольности в кабинете начальника могли позволить себе только они, самые близкие друзья Старика, его ученики и его помощники. Оба недавно вернулись из-за границы. Оскар — из Германии, Василий — с Дальнего Востока.

Говорил Оскар:

— Это невозможно. Опасность будет подстерегать его на каждом шагу. У него очень много знакомых. Среди коммунистов. Среди социал-демократов. Даже среди нынешних нацистов. Его еще не забыли и полицейские Зеверинга, а многие из них стали теперь штурмовиками. Я уверен, что в полицай-президиуме на него хранится целое досье. И первая случайная встреча...

— А я бы на его месте поехал! — вскочил со своего «коня» горячий Василий.— Без риска нет и разведки, без смелости нет

и разведчика! Зато кто лучше его знает и язык, и обычаи, и нравы? Немного грима, побольше апломба — и успех обеспечен. Тем более, что эти вчерашние лавочники не такие уж умницы.

Павел Иванович, когда выверял особенно трудные задания, если была возможность, старался обсудить их именно с Оскаром и Василием. Рассудительный, чрезвычайно осторожный Оскар и горячий, темпераментный, готовый на самые отчаянные решения Василий как бы дополняли друг друга. Они были столь же разными и внешне: черноволосый, смуглый и худощавый, подвижный, как мальчишка, Василий и высокий, спокойноглазый Оскар, с мягкими, уже седыми волосами. Одно в них было общее — работа в военной разведке, а перед этим — годы революции и гражданской войны. Такие разные — и так одинаково надежные. На них Павел Иванович мог положиться так же, как на самого себя.

Сейчас он не был согласен ни с тем, ни с другим.

— Не возносись,— остановил он Василия.— Сегодняшние гитлеровцы не все вчерашние лавочники. Среди них — и позавчерашние контрразведчики Вильгельма, и вчерашние контрразведчики Штреземана, и сегодняшние гестаповцы рейха. Пусть враг даже дурак и тупица, но мы всегда должны строить расчет на то, что он чрезвычайно умен и изощрен, и побеждать его превосходством своего ума, своим мужеством, дерзостью и находчивостью.

— Вводная лекция,— проворчал Василий, снова усаживаясь на «коня».

— Значит, так давно слушал, что успел забыть.— Голос Павла Ивановича посуровел.— В нашей работе смелость, дерзание, риск должны сочетаться с величайшей осторожностью.

Оскар согласно закивал. Но Василий уступать не хотел.

— Риск — и осторожность! Диалектика! — сказал он.

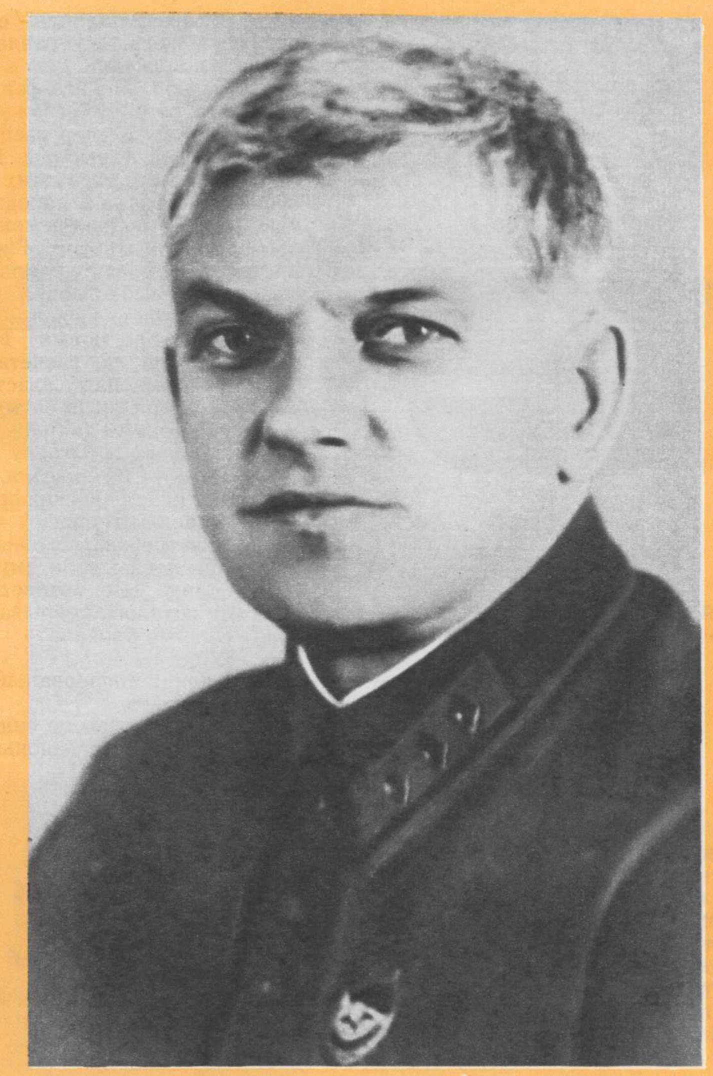
— Да, диалектика,— нарочно не заметил насмешки в его голосе Старик.— Диалектика, которой мы должны овладеть в совершенстве.— Павел Иванович повернулся к Оскару.— И все же путь в Токио лежит для него через Берлин. И поехать он должен туда не под гримом и с фиктивным паспортом, а под своим настоящим именем.

— Под своим настоящим? — Тут уже настал черед удивиться Василию.— Невероятно!

Действительно, план, разработанный Павлом Ивановичем, казался невероятным. Но во многом от этой внешней невероятности его и зависел успех. У Старика был «собственный» враг: образ, составленный из самых сильных качеств всех тех противников, с которыми довелось Берзину за многие годы работы вступать в единоборство. Как шахматист высокого класса, умеющий играть одновременно с двух сторон доски, полностью сосредоточиваясь то на белых, то на черных фигурах, так Старик разрабатывал свои операции. И после долгих поисков приходил к такому решению, которое собственный его враг разгадать не мог. В тот день, 30 января, когда чаша весов в Германии склонилась наконец в сторону Гитлера, он понял, что нужно подготовить новую долговременную разведывательную операцию. До прихода к власти немецких фашистов наиболее агрессивным государством по отношению к Советскому Союзу была Япония. Ныне в облике нацизма реальная опасность возникла на Западе. Уже теперь ясно, что внешнеполитические задачи гитлеровской Германии — антикоммунизм и война — и империалистической Японии — антикоммунизм и война — совпадают. Это делает их потенциальными и наиболее вероятными союзниками. Союзниками против кого? Прежде всего против СССР. И наши вооруженные силы должны точно знать, какая опасность грозит Республике Советов. Такова была идея операции. Но как ее осуществить?

Если Гитлер станет искать союза с Японией, наиболее информированным обо всех планах Берлина будет германское посольство в Токио. Значит, наш разведчик, хотя это и особенно трудно, должен оказаться именно там. В таком случае он будет в курсе не только планов гитлеровцев, но и планов японской военщины.

Кто осуществит эту операцию? Подобно режиссеру, Берзин искал исполнителей на эти — он понимал — невероятно трудные роли. Подобно драматургу, он и создавал их — роли не вообще, а предназначенные для конкретных людей. Главная роль — он уже определил — была предназначена для Рихарда Зорге.

Старик.

Катя.

Товарищ Оскар.

Берзин много лет, еще до того, как в 1929 году пригласил Зорге в разведку, наблюдал за ним, как обычно наблюдал за всеми своими будущими товарищами по работе. Зорге привлек его внимание прежде всего страстностью, с какой выступал он по острым политическим вопросам в своей партячейке, в немецком клубе, громя троцкистов. За этой страстностью Берзин чувствовал непоколебимую убежденность марксиста и глубокие знания. Эти качества в будущем разведчике для Старика были решающими. Но, кроме того, у Зорге был немалый опыт подпольной работы в Герма-

нии. Он знал несколько языков. Показал себя как талантливый, умеющий хладнокровно и логически мыслить публицист. Из его статей, появлявшихся в крупных московских журналах, Берзин видел, что Зорге серьезно разбирается в сложнейших проблемах мировой экономики и политики. Из него может получиться незаурядный ученый. Но для незаурядного разведчика этого всего еще недостаточно. Нужны специальные знания, их можно приобрести упорной учебой. А главное, нужны особые волевые качества. Их выверяют и закаляют в работе: солдат становится настоящим солдатом только в бою...

Зорге стал таким солдатом. Он блестяще справился с шанхайским заданием. Но эти полные напряжения и риска три года в тылу гоминдановцев — лишь подготовительный курс по сравнению с той работой, какую ему предстоит сделать теперь. Да, новая операция даже ближайшим помощникам Берзина кажется невыполнимой. И тем не менее она должна быть осуществлена!

— В Токио — это правильно,— согласился Оскар.— Но с каких это пор путь в Токио лежит через Берлин?

— Павел прав,— возразил Василий.— Без рекомендаций из Берлина Рихарду в германское посольство в Токио не пролезть. Немцы в Японии держатся обособленно.

— Наоборот, ему следует быть там тише воды, ниже травы, пусть явится туда как мелкая сошка,— не отступал Оскар.

— У тебя европейский кругозор,— не преминул упустить случая, чтобы съязвить, Василий.— В Японии в любом случае каждый иностранец, как в стеклянной банке. И тут лучше уж держаться с апломбом.

Берзин не вмешивался: Оскар — великий тактик, а Василий — дока в дальневосточных делах. Он только спросил:

— А в каком качестве ему лучше всего заявиться в Токио?

— Рихард — отличный журналист, а пресса имеет доступ туда, куда простому смертному попасть и не снится,— начал развивать свою мысль Василий.—Но журналистам в Токио должно быть известно имя своего собрата по перу. Рихард же писал из Китая в берлинский «Социологише магазин» корреспонденции под своим собственным именем. Да, загвоздка...

— Напротив. Поэтому-то ему и надо поехать в Токио под своим собственным именем. И журналистский корпус примет его как своего, так ведь? — Теперь Берзин обращался к Оскару.

— Резонно. Но без личной явки Рихарда в редакцию ни одна немецкая газета своего удостоверения ему не предоставит. К тому же сейчас любое разрешение должно исходить от нацистского комиссара, прикрепленного к каждой редакции. Значит, Зорге должен приехать в Германию. А в Германию ему приезжать нельзя: я уже говорил, что многие знают Зорге как коммуниста. Вот в этом-то и невероятность всего столь блестящего плана,— завершил логическое построение Оскар.

— Нет, именно в этом его и успех! — наконец-то раскрыл карты Старик.— На этой кажущейся невероятности и построен весь замысел. Поставьте себя на место самого отъявленного гестаповца, самого хитроумного контрразведчика. Разве сможет он предположить, что сейчас, в дни наивысшего разгула фашистского террора, прямо к нему в лапы заявляется известный коммунист, да еще требует направления на работу за границей? Да, в полицай-президиуме лежит досье на Рихарда. Но сейчас гитлеровцам недосуг копаться в архивах: им достаточно дел на улицах, в рабочих районах. Именно сейчас, а не через год или даже через полгода. Конечно, риск есть. Но не столь большой.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Василий.— А в случае чего Рихард сумеет выкрутиться.

— Только надо, чтобы он получше вызубрил всю эту нацистскую фразеологию, эту мерзкую «Майн кампф» и модную у них сейчас брошюру «Родословная как доказательство арийского происхождения»,— хмуро добавил Оскар.

— Все это пусть подготовят твои сотрудники.

Старик прошелся от стены к стене, остановился около Оскара.

— А самому тебе придется вернуться в Берлин, устроить для Рихарда рекомендательные письма в газеты. Организовать ему явки. И постараться уберечь его от опасностей.

— Слушаюсь, товарищ корпусной комиссар!

— Ты же, Василий, возьмешь на себя всю подготовку операции в Токио. В помощь Рихарду мы пошлем Бранко Вукелича и радиста Бернхарда. Надо подумать и о том молодом художнике.

— О Мияги? Хорошо.

— Да. Его подготовкой займешься тоже ты. Теперь осталось последнее. Надо зашифровать операцию.

Павел Иванович задумался. Подошел к столу, остро отточенным карандашом что-то написал на листе.

— Как там у японцев? «Банзай»? А наша операция будет называться «Рамзай».

3

Он шел по Москве. Все было так, как он представлял там, в шанхайской гостинице. Громыхали и лязгали трамваи. Только снег не скрипел под подошвами, а пружинил и пушисто сеялся сверху, забирался за воротник. Снег уже был мягкий, мартовский. Рихард поскользнулся на накатанной ребятней ледяной дорожке, чуть не упал, нелепо замахал руками. Парочка на скамейке засмеялась. Он сам засмеялся. Тут же, словно со стороны, зарегистрировал: дал волю чувствам. И с легкостью, с радостью подумал: теперь не надо сдерживать и контролировать свои чувства, теперь он может быть самим собой — и какое это наслаждение!

Было уже поздно. Улицы тонули в темноте. Редкие фонари желтыми пунктирами обозначали тротуары. Большинство окон в громадах домов было уже погашено. Может быть, не следует так поздно приходить? И что его ждет там? Что могло произойти за эти целых три года безмолвия? Все, что угодно. Все самое невероятное. Но сейчас его переполняла такая радость, что он отгонял недобрые мысли и убыстрял шаг.

Свернул с бульвара на улицу, прошел несколько кварталов, безошибочно, не обращая внимания на приметы, определил: вот он, Нижне-Кисловский переулок. У старого краснокирпичного дома перевел дыхание. Спустился по выщербленным ступеням в полуподвал, нащупал в темноте кнопку звонка.

«Я волнуюсь!—со стороны отметил он.— Я еще могу волноваться?»

Услышал, как из глубины квартиры приближаются шаги. Тапочки без задников шлепают по полу. Пауза. Одна тапочка, наверно, соскочила с ноги. И снова: шлеп, шлеп... Звякнула цепочка. Громыхнул засов. Щелкнул ключ. Не боится открывать. Может быть, кто-то еще есть в доме?..

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Катя. В бумазейном халате. В пуховом платке, наброшенном на плечи. Она вглядывалась в темноту.

— Кто?

Он шагнул на свет.

— Рихард!

Она рванулась к нему, уткнулась венцом косы в его лицо. Но сразу же отстранилась. Подняла на него заблестевшие глаза.

— Проходи. Извини, так неожиданно...

Он сидел в ее комнатке и с радостью отмечал, что ничего за эти годы не изменилось. Все та же скромная, если не сказать бедная, обстановка, узкая кровать в углу, горки книг на столе, подоконниках, на шкафу. И сама Катя почти не изменилась. Может быть, немного располнела, и эта зрелая округлость линий еще больше шла к ней. Может быть, уверенней и спокойней стали ее движения... Что произошло в ее жизни за эти три года? Вроде бы и ничего. В двадцать шестом она окончила институт сценического искусства у Вивьена, с успехом играла в театре. Но потом, в двадцать девятом, как он знает, пошла на завод. Так с тех пор на одном и том же заводе «Точизмеритель». Правда, теперь уже не просто аппаратчицей, а бригадиром. Друзья? Да, все так же собираются здесь те самые «говоруны», с которыми так любил спорить до утра еще тогда Рихард.

Катя рассказывала, а сама собирала на столе традиционный московский чай, переодевалась за дверцей шкафа. И Рихард видел, как взметаются из-за дверцы, будто взывая о помощи, ее красивые руки и шелестит торопливо платье.

— А ты, Рихард?

— Я все так же, Катя...

— Надолго ты?

— Не знаю...

Движения за дверцей замерли. Наступила пауза. Потом она сказала:

— Наверное, ожидание — мера всему...

Он не стал спрашивать: чему мера? Они уже давно понимали друг друга с полуслова: мера дружбе, мера ненависти, мера... Но вправе ли он?..

Катя вышла из-за шкафа. Он ахнул:

— Какая ты красивая! — И заторопился: — Совсем забыл! Я привез тебе подарок.

Лицо ее оцепенело. «Слава богу, хватило ума не привозить китайских шелков или кофточек,— с облегчением подумал он.— Обиделась бы насмерть». И достал продолговатую коробку.

Катя осторожно, холодно взяла, открыла. И вскрикнула от удовольствия:

— Прелесть! Ох, прелесть!

В коробке, переложенные рисовой ватой, лежали искусно вылепленные глиняные женские фигурки. Катя стала расставлять их шеренгой на столе.

— Это целый набор: женщины разных стран,— пояснил Рихард, радуясь, что Кате пришелся по душе подарок.— Эта, с медными кольцами в ушах, негритянка. С кувшином на голове и с красным пятном на лбу, конечно же, индианка. Вот эта китаянка. А эта, наверное, русская...

Он засмеялся и посмотрел на Катю. Фигурка русской женщины в представлении мастера из Шанхая была с пышной золотой прической, с осиной талией и жеманно сложенными ручками... Как непохожа эта фигурка на эту его русскую женщину, черноволосую, с большими грустными глазами, с бровями вразлет!.. Как красива она в этом своем единственном крепдешиновом, не по сезону, для него только надетом сейчас платье!..

Сколько раз приходилось ему испытывать волю! Он, как гимнаст свое тело, умел подчинять этой воле чувства и желания. Но сейчас ему показалось, что не хватит никаких сил встать и уйти из этой комнаты.

Он посмотрел на часы. Уже за полночь. А Кате завтра чуть свет на завод.

Он пристально, чтобы наконец-то запомнить, посмотрел на нее.

— Ты чего так смотришь?.. Налить тебе еще?

Он поднялся.

— Пора.

Катя подошла к нему, мягко усадила в кресло.

— Посиди еще.

Провела пальцем по его лбу, под его глазами.

— Какой ты стал...

— Старый? Мне всегда давали на пять лет больше, чем есть на самом деле. И я на десять лет старше тебя...

— Нет. Не старый, а усталый. Ты очень устал.

Она обняла его щеки ладонями и тихо, будто их кто-то мог услышать, прошептала ему в ухо:

— Тебе никуда не надо уходить, Рихард.

(Продолжение следует.)

ЧИТАТЕЛЬ-ЧИТАТЕЛЮ

Много писем пришло в редакцию с дружеским обращением: «Дорогие Люда и Валя!»...

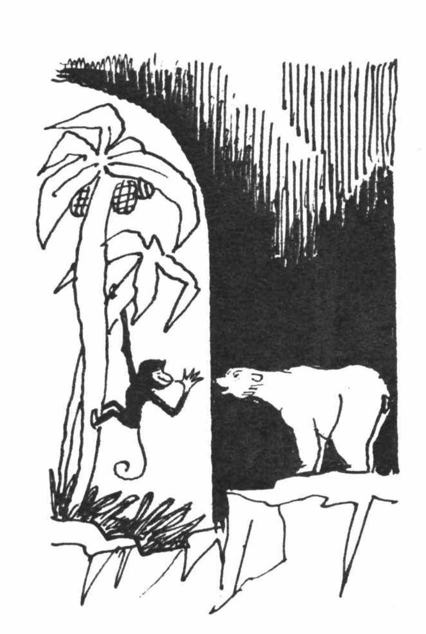
Это ответы на письмо двух школьниц-подруг, которое мы опубликовали в № 1 «Огонька».

Хватит ли на их долю глухих, нехоженых мест, хватит ли больших строек?— спрашивали подруги.

Мы печатаем некоторые страницы дружеской переклички.

* * *

...28 лет назад молодым учителем я приехал в Западную Сибирь из Воронежской области.

В те далекие годы в обиходе нашей речи не было слов «романтика труда», «романтика жизни», «романтика подвига». Была ли романтика подвига в том, что с яблочной и вишневой стороны я приехал туда, где не вырастали даже помидоры, не говоря уже о садах?

Нет, у меня было простое желание работать там, где, мне казалось, я больше нужен.

И я работал. В октябре 1937 года в своем дневнике я писал: «Через 25 лет в Сибири будут помидоры, будут цвести сады, будут шоссейные дороги».

25 лет прошли. За это время десятки моих учеников-сибиряков стали врачами и учителями, агрономами и офицерами, бухгалтерами и студентами вузов страны. А в колхозах и совхозах, в школах и частных садах весной цветут яблони и вишни. Идет большое строительство жилых домов, школ, больниц. Протягиваются асфальтированные ленты дорог. Изменяется облик Сибири, изменяется руками советского человека.

А все ли нами сделано здесь?

Нет! Все то, что сделано нами, только начало необъятного моря работ. На нашей тюменской земле обнаружены огромные залежи нефти и газа. А чтобы по-настоящему, по-хозяйски использовать эти богатства, нужны знания. Вот почему вы должны учиться. А когда окончите вуз и станете специалистами, приезжайте к нам в Сибирь. Нам нужны и учителя и врачи, агрономы и зоотехники, строители и геологи, счетные работники и повара. Каждый найдет применение своим знаниям в нашей кипучей жизни.

Хороша наша сибирская земля, много в ней романтики. А еще больше будет романтики, если такие, как вы, Люда и Валя, романтику своей мечты сделают романтикой действительности.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ,
учитель

Станция Голышманово, Тюменской области.

* * *

...Нет, друзья! Нам предстоит построить еще больше, чем нашим отцам. Да, Сибирь уже открыта, но разве это все то, что можно открыть? В той же Сибири можно сделать еще тысячи новых открытий. А разве полет на Луну — это не новые стройки? Новые стройки и открытия! По-моему, именно мы должны посадить яблони на Марсе. Это мечта отцов, но осуществить ее нам. И на Марсе будут сады, и на других планетах будут города — вот наши стройки! Вы, может, скажете, что все это просто фантазия, а я буду возражать. Жить в коммунистическом обществе — только радоваться изобилию? Нет и еще раз нет! Только труд сделал человека, труд создал и мечту.

Мечту человека нельзя остановить — человек должен постоянно что-то открывать, что-то строить. Так что не стоит горевать, дело найдется и нам!

ИЛЮХИНА Тамара,
ученица 9-го класса

г. Калининград.

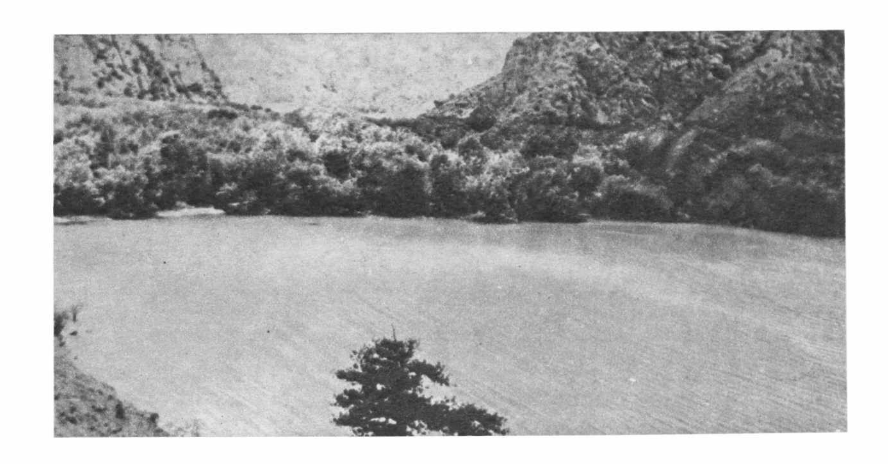
* * *

Меня, человека в годах, захватило ваше короткое письмо больше, чем иной длинный, умный рассказ. Знаете, девчата, когда я в свое время изучал в школе историю, нам рассказывали про Александра Македонского, который в детстве вздыхал и мучался, что отец не оставит ему для порабощения ни одной страны, ни одного народа. У нас в Прибалтике капиталистический строй длился до 1940 года. Нам, подрастающим, много подсовывали американских книг, которые рассказывали о том, как газетные мальчишки становились миллионерами. Практически же нас ожидало неоконченное образование, так как обучение стоило огромных средств. Но где брать деньги, когда безработица росла из года в год и все время ухудшалось положение трудящихся?

Но вы, счастливые дети Советской страны, не мечтаете стать миллионерами, вы хотите строить новые города не для себя, а для всего народа. Владимир Ильич Ленин мечтал о таком времени, когда люди будут именно такими, будут так относиться к жизни. Отсюда и берет начало коммунистическое общество. Не бойтесь! Быстро летящее время не сможет отнять у вас мечту. Наша постоянно растущая промышленность нуждается в новых городах, в красивых и удобных квартирах. И кому же, если не вам, молодым энтузиастам, доверить это строительство, кто всем сердцем думает о завтрашнем дне нашего народа! А вы заметили, что ваше письмо помещено в «Огоньке» рядом с письмами трех космонавтов? И что вы подумаете, если предположить, что через несколько лет «Огонек» напечатает сообщение о строительстве первых космодромов, обсерваторий на Луне и среди фотографий этих героев будут нам улыбаться Люда и Валя?! Пока это далекая мечта, но у нас, советских людей, есть волшебная палочка — советская действительность, и она поможет осуществить любую мечту.

Элмо ПЛООМ

г. Выру, ЭССР.

ПОСАДИМ Н

* * *

Мы прочли ваше письмо в «Огоньке» и очень рады, что можем вам на него ответить. Вы не бойтесь, что для вас не останется строек, когда вырастете. Недавно мы на уроке русского языка читали письмо М. Горького детям, в котором он пишет, что надо много работать и всю землю обработать, как сад! А в рассказе нашего писателя Мишка Кроньца «Дед и внук» (какой это чудесный рассказ!) дед говорит своему внуку: «...Родину — ее нужно вечно строить. Если она сегодня уже совершенна, завтра ей надо опять что-то новое, что-то красивее, лучше...» И дальше дедушка говорит: «Когда будешь очень взрослым и если будешь умный и честный, будешь строить большой, огромный дом. Этому дому имя — Мир...»

Итак, дорогие подруги, для вас останется еще много строек. Надо нам строить и свою родину и весь мир обработать, как сад. И мы с вами будем строить мир!

Давайте пойдем вместе!

Крепко вам жмем руки!

Югославские товарищи — ученики начальной школы Врньци.

* * *

Прочитали мы с мужем в первом номере журнала «Огонек» ваше письмо, и очень захотелось поделиться с вами.

Вас сейчас интересует то, что и нас интересовало когда-то в вашем возрасте. В 1956 году нам исполнилось по восемнадцать. Молодежь отправлялась на освоение Крайнего Севера. Мы решили не отставать: с первой партией уехали из Ленинграда в город Норильск. Заполярный город встретил нас радушно, но в нем не было палаток, как нам представлялось. Перед нами раскинулся город (правда, небольшой) с трех- и пятиэтажными домами. Немножко огорчились: где же романтика? Но прошло несколько месяцев, и мы все поняли. Город надо было строить и строить.

Теперь уже прошло девять лет с тех пор, как мы живем в Норильске. Город стал родным, своим, потому что во всем этом большом строительстве находим частицу своего труда.

Не огорчайтесь, девочки, если вам придется начать свою трудовую жизнь с обжитого места. На нашей земле много богатств открыто, а еще больше неоткрытых. К тому времени наши первые вестники строек — геологи постараются найти новые богатства.

Приезжайте к нам на Север. У нас еще предстоит потрудиться много, чтобы исчерпать то, чем богат наш край.

Супруги ГАПОНОВЫ

г. Норильск.

* * *

...Не правда ли, красивое озеро? Лежит оно в горах на достойной высоте — 2 150 метров. Площадь невелика — 7,5 километра, а глубина вызывает уважение — 72 метра, с июльской температурой плюс 8 градусов. Это Искандер-Куль — голубое сердце Фанских гор в Таджикистане.

От лета до лета закрыто оно заснеженными перевалами. И от лета до лета буквально отрезана от мира горстка людей метеорологической станции на его берегу. Как видите, озеро обжито, но... белые пятна остались.

Начнем с того, что в озере нет рыбы. А было бы неплохо закинуть удочку и вытащить бойкую маринку или сверкающую форель! Нет электростанции. А она просто необходима, ибо окружающие горы прямо кишат ртутью, рудами — каменным, жидким и благородным золотом! Совсем недалеко от озера, в долине реки Фан-Дарья, уже две тысячи лет горят — не потухают угольные пласты! Вот бы погасить этот подземный пожар и брать уголь, как говорится, еще тепленьким!

Есть где разгуляться смелым идеям юного поколения! Для пытливого человека всегда останутся белые пятна.

Г. ДИТРИХ,
художник

г. Душанбе.

* * *

...Давайте вместе подумаем. Своими глазами вы видите, как растет, развивается и хорошеет ваш маленький Каспийск. Пройдет несколько лет — и расправит свои плечи ваш родной городок. Он станет настоящим современным, благоустроенным городом.

Но строится не только Каспийск. Вся наша Родина представляет собой гигантскую строительную площадку.

Все это делается для советского человека.

1980 год! Все ждут прихода этого года и своим самоотверженным трудом приближают его ежедневно.

Однако 1980 год не означает, что на территории Советского Союза нечего будет делать тем, кому сейчас двенадцать-тринадцать лет. Нет! Работы, плодотворной, радостной и творческой, хватит не только вам, но и тем, кто еще сидит на маминых руках.

А теперь немного пофантазируем. В летние месяцы тысячи тружеников города и села устремляются к Черному морю. А нельзя ли сделать наоборот, чтобы жители предпочитали Северный Ледовитый океан?

Вы, наверное, читали или слышали о проектах по превращению Севера в богатейшие зеленые пастбища и превосходные пляжи. По воле человека Ледовитый океан может отступить, тундра преобразится и на обширной площади возрожденной земли вырастут красивейшие города, изменится климат планеты.

— Это же фантазия,— возразите вы.

Верно, но человек не может не фантазировать, не мечтать.

Мы верим: будет на планете вечная весна!

В. ГОЛУБЦОВ,
директор школы

г. Коммунарск.

* * *

...Вам хочется строить новые города именно в глухой тайге? Но разве не героизм — построить город в степи, в пустыне?

Я хочу рассказать об одном городе, которого тоже еще нет на географических картах.

В самом центре целины, в Баранкульских степях Целиноградской области, есть совхоз имени Ленинского комсомола. Замечательные люди живут в этом совхозе. В прошедшем году они вырастили и сдали государству свыше трех миллионов пудов хлеба! И вы знаете, эти люди строят город. Да-да, настоящий совхоз-город, город-сад. А имя ему — Зерноград.

Пусть большая половина этого города еще только на планах архитекторов, но каждый строитель уже сейчас видит свой город в асфальте улиц, в зареве огней многоэтажных домов, в шумящей листве парков, на берегах неказистой степной речушки Талдык.

Это город будущего. Ради этого стоит потрудиться!

Думаю, что алые паруса юности приведут вас сюда, на целину, планету романтиков, землю героических людей, строить степные города. Если хотите получить одну из специальностей города будущего — механизаторскую, оканчивайте 8 классов и приезжайте к нам в училище. Наш адрес такой:

Целинный край,
Кокчетавская обл.,
Зеренда. УМСХ № 86.

Е. ЛЫНЬКОВ,
преподаватель

* * *

На ваше письмо, помещенное в «Огоньке», без раздумья можно ответить: вы будете строить и города, и заводы, и гидроэлектростанции. Я работник строительства Иртышгэсстроя, которое построило Усть-Каменогорскую ТЭЦ, Бухтарминскую ГЭС и успешно ведет работы на строительстве канала Иртыш—Караганда. Скажу прямо, работа увлекательная, но трудная. В наше время вы сможете быть кем хотите, но при условии — учиться на «4» и «5». На строительствах работают сложные машины, сложна технология строительства. Поэтому стройкам нужны грамотные и волевые люди. Если вы будете хорошо учиться, вам будут открыты все дороги в жизни.

Н. ЛЫСЕНКО

Восточный Казахстан,
г. Зайсан.

* * *

...Пишет вам строитель-каменщик из города Абакана, Красноярского края.

В детстве мне тоже казалось, что время идет очень медленно, и я думал, что когда вырасту, то все интересные дела будут уже сделаны людьми старшего поколения. После службы в армии я приехал на стройку в Сибирь. И вот теперь, когда я стал взрослым человеком, побывал в Казахстане, на Урале и сейчас вот здесь, в Сибири, я вижу, как много еще нужно нам строить. Нужно строить город Солнечногорск на востоке и Саяно-Шушенскую электростанцию на Енисее и в Саянах. Поворачивать реки вспять, и искать железную руду, золото, нефть и газ в тайге, и там, где это найдут, строить дороги, поселки и города. Придет время, когда вы вступите на широкую дорогу жизни, вольетесь в ряды нашего замечательного трудового советского народа и будете хорошими строителями коммунизма.

Ю. СЕВАСТЬЯНОВ

г. Красноярск.

* * *

...Я уже два года работаю на стройках. Наша бригада строила и жилье, и заводы, и спортбазы.

В настоящее время мы строим кислородный цех Криворожского металлургического завода имени В. И. Ленина. Как видите, можно строить не только в тайге, но и там, где вы живете.

Допустим, вы поедете в тайгу, а кто же, по-вашему, будет застраивать ваш Каспийск, чтобы он крупным городом появился на карте? Я уверен, что когда вы станете самостоятельными, то в вашем городе будет еще больше строек.

Взять, к примеру, Кривой Рог.

Десяток лет назад это был город, ничем не отличающийся от многих городов нашей страны.

А сейчас это город спорта, студентов, центр Криворожского бассейна. Сколько стоило труда строителям, чтобы построить шахты, стадионы, возвести новые дома! И это еще далеко не все!

В. ЖУРАВЕЛЬ

г. Кривой Рог.

* * *

...То, о чем вы пишете, волнует и нас. Наша биография — это школьные годы, потом работа на производстве, а сейчас служба в армии.

Наша главная мечта — строить. Мы уже договорились после службы поехать туда, где сегодня еще леса и болота, где властвует трескучий мороз и неистово ревет буран.

Вы спрашиваете редакцию «Огонька», останутся ли подобные места к тому времени, когда вы подрастете.

Мы отвечаем уверенно: да!

Когда наши отцы после Октябрьской революции начинали строить нашу страну, то она тогда была сплошным белым пространством. В настоящее время это белое пространство очень сузилось. Однако наша страна настолько большая, что в ней еще найдется место для тысяч новых городов, заводов и электростанций. Хочется добавить вам, Валя и Люда, что обживают это пространство романтики-мастера, то есть люди не только романтического склада, но и закаленные, мужественные, отлично знающие свою трудную профессию строителя.

М. ПРИБЫТКОВ,
Г. ФЕТКУ,
военнослужащие

* * *

Милые девушки сами того не подозревая, подняли важнейший вопрос нашего времени.

Строить города! Строить их мы, разумеется, будем. Разные города! Строить долго, до тех пор, пока будет существовать наша планета, наша Вселенная.

Когда мы говорим о новинках архитектуры, об экспериментах в этой области, то чаще всего вспоминаем Москву и другие немногие крупные города. А почему? Почему одна столица стала любимицей зодчих? Почему забыт, скажем, Донбасс? Тот самый Донбасс, который и по населению и по развитию экономики равен крупной промышленной стране! Каждая шахта, каждый завод — городок или поселок. Сколько их? Сколько излишних километров различных дорог, водо- и газопроводов, канализации, линий связи и прочее, прочее! Сколько средств идет на ремонт и поддержание неисчислимых одноэтажных коттеджиков!

А почему бы на базе нескольких шахт или предприятий другого рода не начать строительство новых городов с многоэтажными домами?

Хотелось бы увидеть и прочесть в «Огоньке» выступления градостроителей — мастеров своего дела, представителей Госплана СССР, узнать с нашими любопытными девочками: какими все же будут наши города?

Н. БЕСЕДИН,
горняк, студент философского факультета

г. Золотое-1,
Луганская область.

ЯБЛОНИ А МАРСЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Девушка, освещенная солнцем.
1888 год.

РОЖДЕНИЕ ГЕРКУЛЕСА

«На наших глазах, очевидно, неумолимо совершается эволюция в искусстве. Никакими искусственными мерами, ни борьбой, ни поощрениями излюбленного жанра уже нельзя повернуть искусство к прискучившим мотивам. Никакие опасения за кажущееся падение искусства никого не пугают».

И. Репин. 1897 год.

ПИСЬМО МАРИ

Дорогие сестры, это мое последнее письмо, может быть. Вся Франция на дорогах, бежит — пешком, на велосипедах, даже на похоронных дрогах — до того давление немцев велико. Мы окружены справа, слева и с севера, я думаю — я буду расстреляна как довольно пожившая. Что же Россия не приходит к нам на помощь?.. Шум адский со всех сторон. Это конец света. Прощайте.

Мари.

Это письмо из Парижа пришло в Москву. Оно кружило по Скандинавии и попало к адресату лишь в июне 1940 года.

Кто автор этого письма? Кто эта женщина?

Мари — это «Девушка, освещенная солнцем», так хорошо знакомая нам и любимая нами, задумчивая и немного грустная девушка Маша, написанная Валентином Александровичем Серовым летом 1888 года.

Полвека разделяет мирные, погожие июньские дни в русском имении Домотканове, когда молодой, еще неизвестный художник усердно писал портрет юной Маши Симонович, от тех пахнущих гарью дней, когда Мария Яковлевна Львова-Симонович писала письмо к сестрам в Россию. Как драматичны и велики перемены в истории земли и в судьбах людей за эти пятьдесят лет!

Думается, что история создания Серовым изумительной картины «Девушка, освещенная солнцем» и судьба скромной русской девушки Маши и ее семьи, так много сделавших доброго автору шедевра,— это история замечательная и говорящая о многом.

* * *

Шестьдесят лет хранила у себя Мария Яковлевна как самое дорогое письма и рисунки Валентина Серова, хранила как святую память о России, о днях юности, о счастье.

Но за несколько недель до войны, будто предчувствуя неминуемую беду и желая сохранить для Родины эти реликвии, она посылает из Парижа в адрес Третьяковской галереи бесценный дар.

Вот одно из писем юного Серова к Маше:

«13 апреля 1879 года. Москва.
Маша!
...Когда ты была в Москве, не правда ли, ты нашла во мне перемену, перемена эта та, что прежде я недолюбливал девочек... они мне все не нравились.

Ты вот да Надя (Лелю не знаю) первая простая девочка, с которой можно говорить по душе, хотя и видел вас мало...

Мне бы очень хотелось быть часто у вас — мы бы много прочитали хороших вещей и подружились уж как следует. Живу я как и прежде, занятия идут обычным порядком, рисую довольно много и с охотой, и если теперь поеду с художником Репиным в деревню, то за лето сделаю огромные успехи.

Видел портреты ваши, довольно худы, у тебя рот немного крив, только ты не обижайся этому.

Извини, что так размашисто.

В. Серов».

Это письмо интересно тем, что все люди, названные в нем: и художник Илья Репин и девочки — Маша, Надя Симонович и Леля Трубникова — пройдут через всю жизнь Валентина Серова: будут помогать ему, спорить с ним, любить его...

ПАРИЖСКИЙ УЧЕНИК РЕПИНА

Никому из грубых педелей мюнхенской фольксшуле не приходило в голову, что маленький русский Серов, принятый в школу осенью 1872 года, вот уже второй год, несмотря на их строгий надзор, живет в своем таинственном и удивительном мире. Для них он просто средний ученик, не очень прилежный и порою угрюмый, которого приходится наказывать за нерадивость и рассеянность.

Часто на уроках Тоша (так прозвали малыша) забывался и глядел в окно, где за черными острыми крышами домов жалким клочком мерцало чужое небо. Он мечтал о широких лугах, о веселых ветрах, о резвых лошадках, о ярком, добром небе России. Грубый окрик, а порою удар линейкой возвращали его из мира грез.

Лишь длинными вечерами в тесном и полутемном номере гостиницы, вздрагивая от неведомых шорохов, мальчик оставался наедине со своими мечтами. Он мечтал... и рисовал. В рисунках Тоша вспоминал все, что ему было дорого. Белые странички альбомов заполняли острые недетские кро́ки.

И когда поздно ночью мать возвращалась домой с концерта или из оперы, она нередко заставала сынишку уснувшим над рисунком.

Детство Валентина сложилось трагично. Шестилетний малыш теряет отца — Александра Николаевича Серова, замечательного русского композитора. Мать, Валентина Семеновна, любя музыку, оставляет мальчика на руках друзей и уезжает за рубеж продолжать занятия композицией. Лишь через два года знакомые привозят Тошу к матери в Мюнхен.

Мир музыки, владевший всеми помыслами Валентины Семеновны, не мог заслонить от ее внимания необычайное дарование сына, и она принимает решение везти Тошу в Париж к Репину, которого близко знала.

Так и встретились на Монмартре девятилетний Серов и тридцатилетний, уже признанный художник.

...Ежедневно маленький Тоша взбирается на мансарду к Илье Ефимовичу Репину и там, в его мастерской, штудирует гипсы, пишет натюрморты. А придя домой, рисует, безудержно рисует огромный мир, который его окружает. У него нет друзей-сверстников, и он растет «дичком». Бесконечной вереницей тянутся дни, заполненные рисованием и живописью.

С недетской энергией преодолевает юный Серов трудности школы. Вот что вспоминает о тех днях Репин:

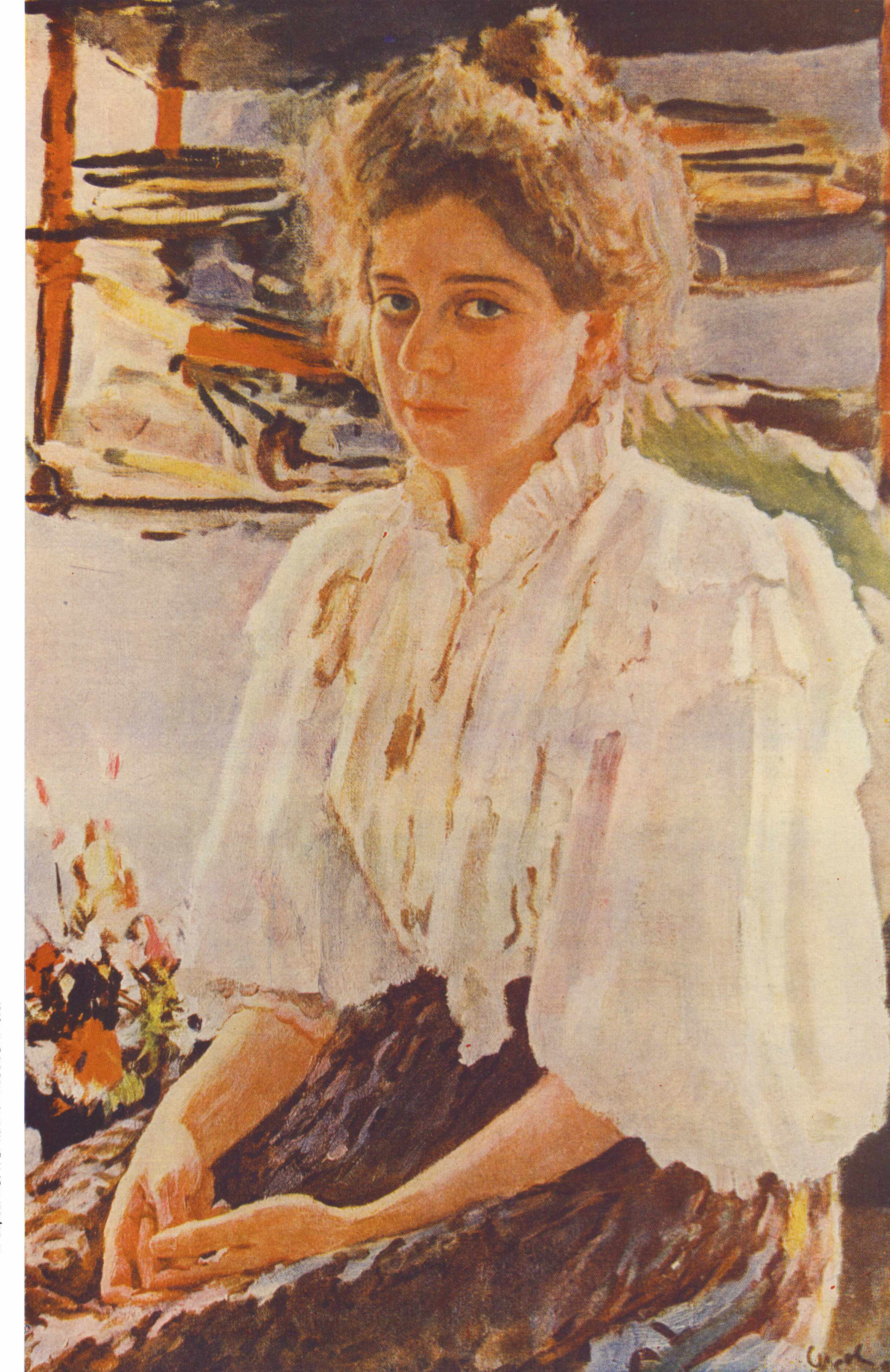
«...В мастерской он казался старше лет на десять... Его беспощадность в ломке не совсем верных, законченных уже им деталей приводила меня в восхищение: я любовался зарождающимся Геркулесом в искусстве. Да, это была натура!»

Геркулес в искусстве! Эти слова написаны о мальчике десяти лет.

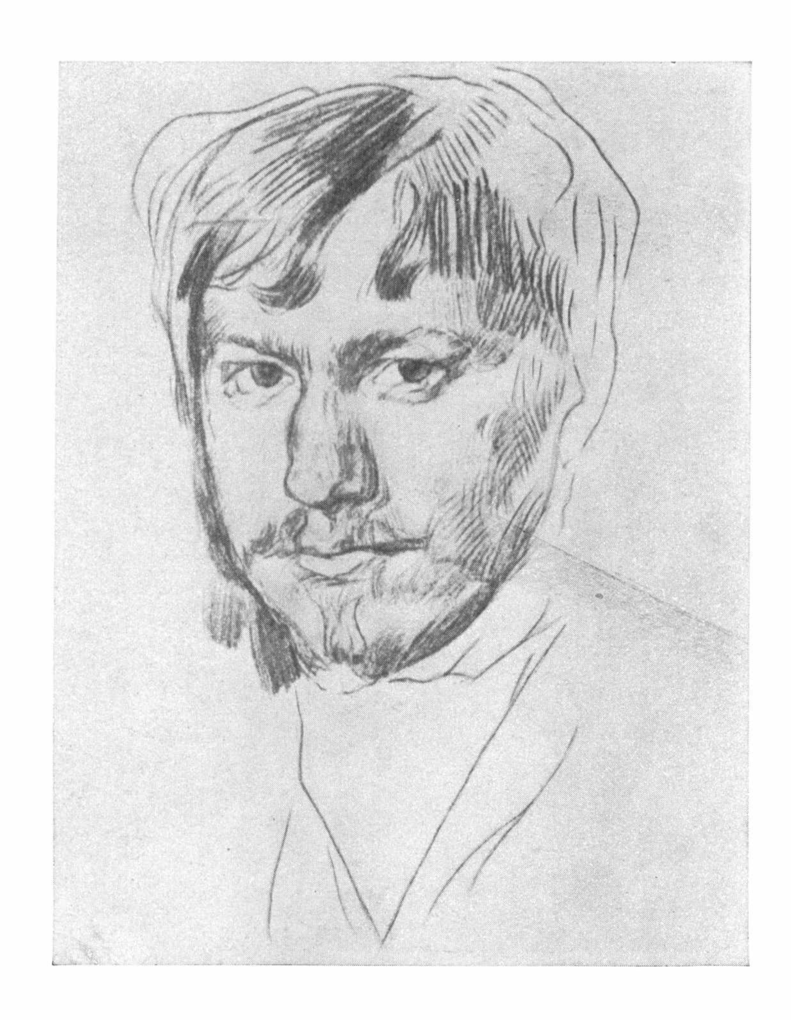
Мать радовалась успехам сына. В редкие дни, когда она была свободна от занятий музыкой, Тоша водил ее по музеям Парижа, поражая своей эрудицией.

Наступило лето 1875 года, и судьба переносит юного Серова с берегов Сены в Россию.

«Серов рос не по дням, а по часам», — рассказывал друзьям Виктор Васнецов об успехах молодого художника.

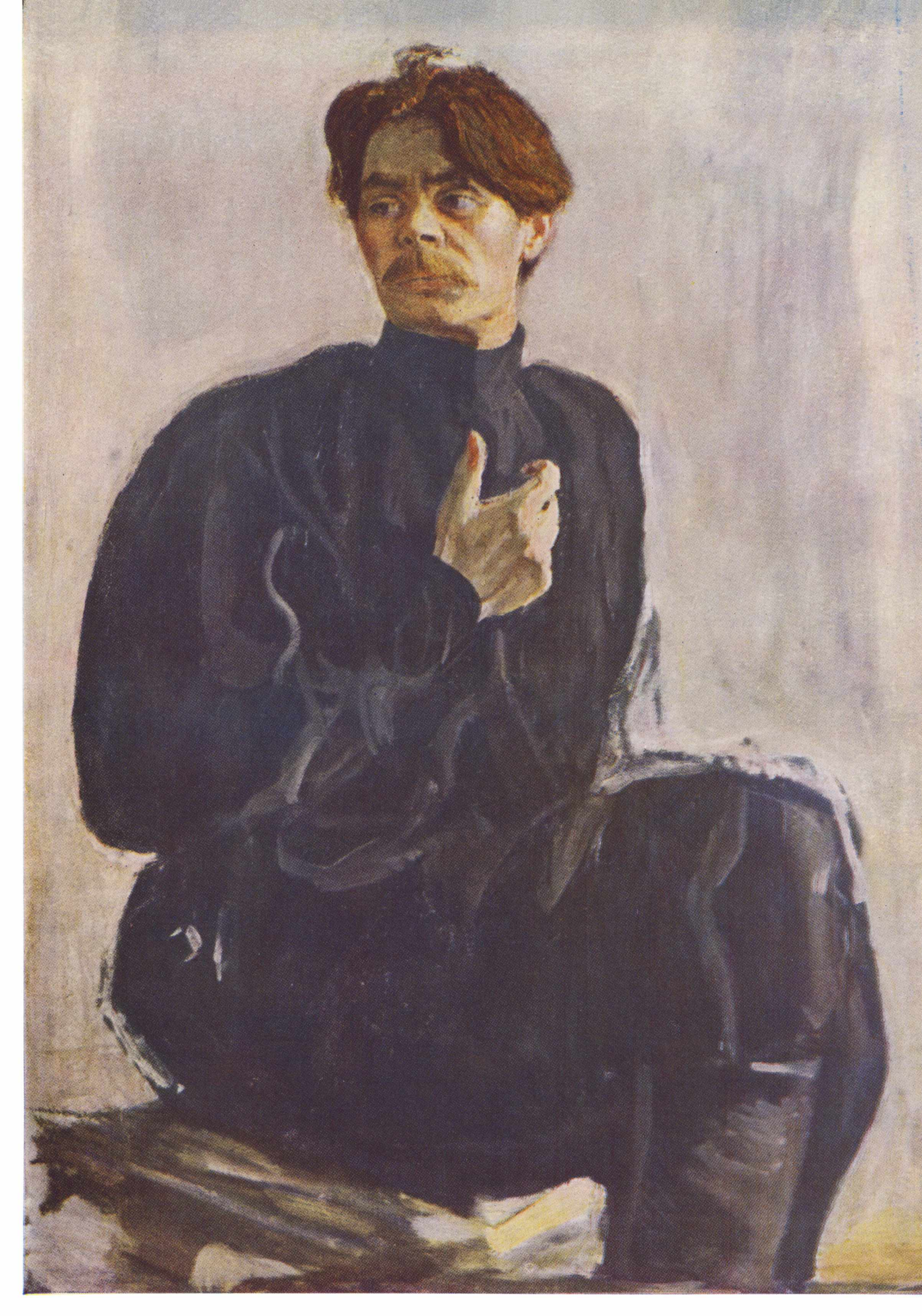

В. Серов. ПОРТРЕТ МАРИИ ЛЬВОВОЙ. 1895.

В. Серов. АВТОПОРТРЕТ. 1887.

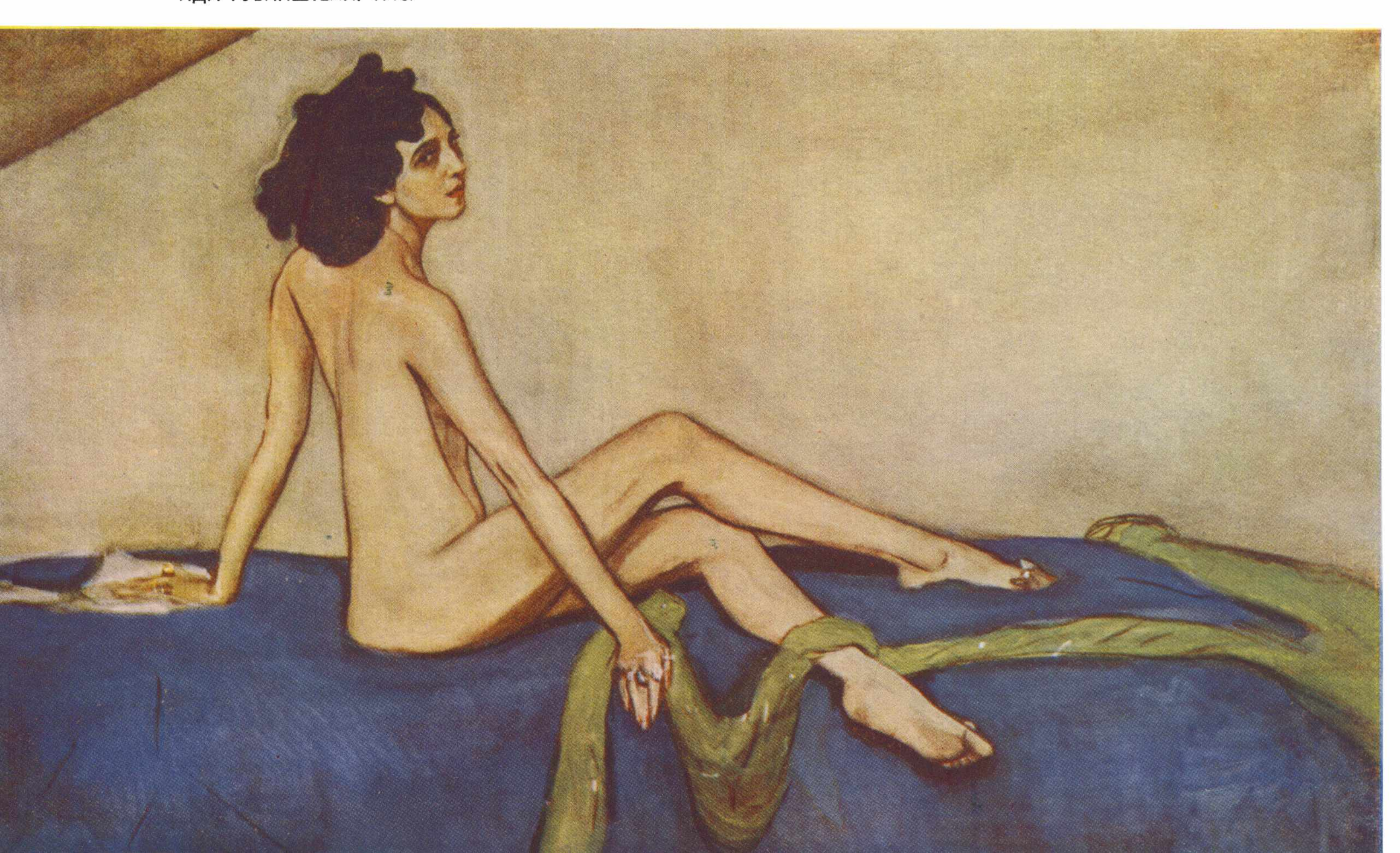
В. Серов. СТРИГУНЫ НА ВОДОПОЕ. 1904.

ПОРТРЕТ М. ГОРЬКОГО. 1905.

В. Серов. ОДИССЕЙ И НАВЗИКАЯ. 1910.

ИДА РУБИНШТЕЙН. 1910.

Репин, его любимый учитель, у которого он работал в мастерской и жил последние годы на правах члена семьи, однажды, разглядывая этюд, написанный при нем с натуры, сказал:

«Ну, Антон, пора поступать в Академию» (Антон — это Валентин, Валентоша, Тоша, Антоша).

...Пятнадцатилетнего Серова в порядке исключения зачислили вольнослушателем в класс к учителю Репина и Сурикова — Павлу Петровичу Чистякову.

ТРИ ДРУГА

«Ученики — что котята, брошенные в воду: кто потонет, а кто и выплывет,— часто говаривал Чистяков.— Выплывают немногие, но уж если выплывут,— живучи будут».

Молодой Серов поплыл сразу, и своим, особым стилем. Павел Петрович позже не раз повторял, что он не встречал такой одаренности, какая отпущена была природой Серову. И рисунок, и колорит, и композиция — все было у ученика в превосходной степени.

В Академии юноша крепко сдружился с академистами Врубелем и Дервизом; они рисовали и писали вместе и стали неразлучными.

Вскоре Антон познакомил их с семьей своей тетушки Аделаиды Семеновны Симонович. Каждую субботу, чуть темнело, друзья спешили на Кирочную улицу, где их ждали рисование, стихи, музыка и старые знакомые—сестры Маша и Надя Симонович и их подруга Оля Трубникова.

Судьбе было угодно крепко связать жизни этих молодых людей. Владимир Дервиз вскоре женится на Надежде. В этом доме начнется роман Валентина Серова с Ольгой, который после ряда трудных лет приведет их к счастливому браку.

Михаил Врубель влюбился в Машу.

В работах Врубеля есть отражение этого увлечения — Тамара в иллюстрациях к «Демону». В рисунках переданы поэтичные черты Машиного характера. Потом он звал Машу ехать с ним в Киев, но мать не отпустила ее.

Будь иначе, мы не познакомились бы с серовской «Девушкой, освещенной солнцем»...

Академия с ее рутиной опостылела Серову. Из нее ушли его лучшие друзья Врубель и Дервиз, с которыми он провел столько дней в трудах и поисках. С их уходом распалось их знаменитое акварельное трио.

Серов сдает научные предметы за весь курс и получает диплом, и, кажется, всего небольшое усилие отделяет его от конкурсной картины, но... академическая работа перестала быть желанной, и все чаще приходит ему мысль: «А что, если ее к черту послать?»

Правда, он бесконечно благодарен Чистякову за его школу, но в стенах Академии, где, по словам Репина, «трудно вывести этих крепко вцепившихся клопов старого», молодому Серову нечего было больше делать.

Он едет к своей невесте в Одессу, куда вскоре приезжает Врубель. Серов обрадован встречей с другом...

...Весной 1887 года Серов посетил Италию.

«Милая моя Леля,— пишет он невесте.— Да, да, да. Мы в Венеции, представь».

И дальше, восторженно отзываясь о художниках Ренессанса, об их творениях, говорит: «Я хочу таким быть — беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное».

По словам Серова, эта весна была «весной сердца», самой счастливой порой его жизни.

Художнику открылся новый мир гармонии, и он сразу перешагнул порог, недоступный многим, порог, за которым живет сама красота. И он вдруг откинул все наносное, школярское, обрел самого себя.

И когда поезд примчал его с берегов Адриатики на берега речушки Вори — в Абрамцево, по-новому, с невероятной остротой ощутил он свежесть русской природы, чарующие краски северного края, прелесть любимой родины.

Он пишет свой первый шедевр — портрет Верочки Мамонтовой.

ГЕРКУЛЕС В ДОМОТКАНОВЕ

В тени деревьев было прохладно и тихо. Птицы приумолкли в часы зноя, зато бойкие кузнечики немилосердно трещали вокруг. Но эти звуки не мешали Серову.

Художник был очарован природой, игрой солнечных бликов, юностью девушки, ее чистотой. Юноша был наполнен ощущением красоты и свежести, и все это рождало в нем какую-то непонятную тревогу и грусть.

Почему?

Ему было трудно ответить на этот вопрос...

И он писал, писал исступленно, стараясь как одержимый запечатлеть явившееся ему диво.

Вот что рассказывает «модель» Серова — Маша, позировавшая ему в парке усадьбы Домотканово:

«Помнится, Серов взял полотно, на котором было уже что-то начато, не то чей-то заброшенный портрет, не то какой-то пейзаж, перевернув его вниз головой, другого полотна не было под рукой.

«Тут будем писать»,— сказал он...

...Усаживая с наибольшей точностью на скамье под деревом, он руководил мною в постановке головы, никогда ничего не произнося, а только показывая рукой в воздухе с своего места, как на полмиллиметра надо подвинуть голову туда или сюда, поднять или опустить.

Вообще он никогда ничего не говорил, как будто находился перед гипсом, мы оба чувствовали, что разговор или даже произнесенное какое-нибудь слово уже не только меняет выражение лица, но перемещает его в пространстве и выбивает нас обоих из того созидательного настроения, в котором он находился, которое подготовлял заранее, которое я ясно чувствовала и берегла, а он сохранял его для выполнения той трудной задачи творчества, когда человек находится на высоте его...

Маша Симонович. 1889. Фотография из книги «Воспоминания о Валентине Александровиче Серове». Книгу написала Нина Яковлевна Симонович-Ефимова, сестра Маши.

Он все писал — я все сидела.

Часы, дни, недели летели, вот уже начался третий месяц позирования... да, я просидела три месяца!

...И я со спокойной совестью сбежала, именно сбежала в Петербург. Только теперь, на расстоянии пятидесяти лет, в спокойной старости, можно делать анализ чувств, нас так волновавших. Время молодости, чувства бессознательные, но можно сказать почти наверное, что было некоторое увлечение с обеих сторон».

...Занималась заря, когда Серов пришел домой. Он проводил Машу на станцию. Мокрый от росы, брел по седой траве. Утренний холод заставлял зябко ежиться.

Небо было сумрачно и пустынно, лишь в неведомой бездне мерцала одинокая звезда. Он вошел в парк и побрел по аллее. Кругом была тишина и свежесть.

На душе у Серова было грустно и одиноко. Казалось, он отдал самое дорогое, что у него было. Отдал без остатка.

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА

Мало кто в истории русского искусства получил такое категорическое признание с первой своей выставки, как Серов.

«Впечатление, которое произвела... выставка,— вспоминает Грабарь,— не поддается описанию. Впервые... особенно ясно стало, что есть не один Репин, а и Серов».

Правда, не обошлось и без ворчания. Старый маститый художник Владимир Маковский пришел в невероятную ярость оттого, что «сам Третьяков» купил у молодого Серова «Девушку, освещенную солнцем».

Именно о такого рода блюстителях искусства писал Репин: «...блестящий талант совсем ослепил наших академиков: старики потеряли последние крохи зрения, а вместе с этим и последние крохи своего авторитета у молодежи. Рутинеры торжествуют свое убожество...»

Иной, менее крепкий талант, чем Серов, захлебнулся бы в море похвал. Но молодой художник встретил по-своему, по-серовски поток восторгов — работой, учебой, трудом.

Любимым его изречением было: «Надо знать ремесло, рукомесло, тогда с пути не собьешься». И Серов великим трудом стремился достичь простоты. Серов, пожалуй, был одним из тех русских художников, которые оказались достойными требований, предъявляемых к современникам Крамским:

«Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется справедливым, чтобы художник был одним из наиболее образованных и развитых людей своего времени; он обязан не только з н а т ь, на какой точке стоит теперь развитие, но и м е т ь мнение по всем вопросам, волнующим лучших представителей общества, мнения, идущие дальше и глубже тех, что господствуют в данный момент, да вдобавок иметь определенные симпатии к разным категориям жизненных явлений...»

КАБАЛА

Биариц. Поздняя осень. В океане шторм, ветер гонит огромные волны, пляжи пустынны, давно опустели и виллы богачей. Курорт безлюден.

Но лишь одна из роскошных дач не покинута владельцами. Миллионеры супруги Цетлин не могут уехать. Не могут, несмотря на неотложные дела: ведь портрет хозяйки виллы М. С. Цетлин пишет сам Серов.

Все нервничают, томятся, но портрет «не идет».

«Да, кажется, я больше не выдержу близости океана — он меня сло-

мил и душу издергал — надо бежать,— пишет Серов жене.— Портрет тоже (вечная история) не слушается, а от него зависит отъезд... Ты мне все говоришь, что я счастливый... Не чувствую я его и не ощущаю...»

Двадцать тысяч франков гонорара за портрет. 1910 год — вершина славы художника, любящая жена, чудесные дети, и... нет счастья.

...Серов, как никто до него из русских художников, знал мир буржуа. Поэтому его «деловые» портреты с небывалой остротой раскрывают души портретируемых, как бы искусно они ни прикрывали свое «я», в какие бы изящные одежды ни рядились.

И, несмотря на то, что «у Серова писаться опасно», несмотря на то, что из-за его откровенности за ним ходит молва «ужасного, невоспитанного человека», отбоя от заказов нет.

Серов становится первым портретистом России.

Но ни в позолоченных интерьерах княжеских особняков, ни на фешенебельных раутах московских меценатов — нигде и никогда не покидала художника забота о завтрашнем дне, о хлебе насущном.

Он писал портреты мучительно долго, часто по 70—90 сеансов, и поэтому постоянно не вылезал из долгов.

Когда жестокий недуг свалил Серова и юристы начали составлять завещание, они были поражены. Ничего, кроме красок, кистей да одномесячного жалованья в училище живописи, завещать семье художника было нечего...

...Надменные сановники, модные адвокаты, дегенеративные русские бары, стареющие светские львицы — вся эта напомаженная, раздушенная публика, себялюбивая и честолюбивая, подобно стае зловещих птиц, слеталась на яркий огонь таланта Серова.

Один из его учеников, Н. П. Ульянов, пишет: «Приобретя известность, Серов поступает «в общее пользование», принимает заказы от «всяких» людей... напрягает силы, берет даже «в гору».

Наступает кабала портретиста, кабала до самой смерти...»

«МОЖНО ПОПРИЗАДУМАТЬСЯ»

Старомодный купеческий дом с мезонином в Большом Знаменском переулке. Здесь снимает квартиру семья Серовых.

В просторном зале мастерская. На мольберте очередное полотно — огромный портрет Марии Николаевны Ермоловой. Правда, обычно художник писал портреты вне дома и лишь некоторые привозил и заканчивал в студии.

Серов не любил развешивать дома картины. В большой квартире висело на стенах всего три произведения: акварель Бенуа, рисунок Сомова и зимний пейзаж самого Серова — родное Домотканово.

...В гостях у Серова бывали К. Коровин, А. Бенуа, П. Кончаловский, М. Врубель, Ф. Шаляпин.

Гостила у Серовых и наша старая знакомая, Маша. Она вышла замуж за врача Львова, эмигрировавшего во Францию, и бывала наездами в Москве.

По вечерам после чая в большой гостиной разгорались споры. А поспорить было о чем. В искусстве происходили жаркие битвы. Многое было неясно. Художник Бакст пишет:

«В общем все немного сбиты, стащили старых идолов с пьедесталов, новых не решаются поставить и бродят вокруг чего-то, что-то чувствуют, а нащупать не могут!»

Новые идолы. Сезанн, Ван-Гог, Матисс...

Матисс. Серов говорит о нем в письме к жене из Парижа: «Хотя и чувствую в нем талант и благородство — но все же радости не дает — и странно, все другое зато делается чем-то скучным — тут можно попризадуматься».

«Можно попризадуматься» — эти слова пишет художник с мировым именем, создавший признанные шедевры.

Но в этом был весь Серов.

«В ЭТОМ ДОМЕ Я БОЛЬШЕ НЕ РАБОТАЮ»

В 1907 году Серов вместе с Бакстом путешествует по Греции.

«Акрополь,— пишет Серов жене,— нечто прямо невероятное. Никакие картины, никакие фотографии не в силах передать этого удивительного ощущения от света, легкого ветра, близости мраморов, за которыми виден залив...»

Теплые ветры Адриатики навеяли много идей, много новых тем. Вот одна из них.

Могучий Зевс (если верить мифу) без памяти влюбился в юную прекрасную Европу, дочь финикийского царя Агенора, и решил ее похитить. Он превратился в быка и вплавь задумал доставить возлюбленную на остров Крит...

Родилось прелестное полотно «Похищение Европы»... А за ним «Одиссей и Навзикая», пронизанное солнцем и светом.

Поиски простоты, более обобщенных решений, повышенная декоративность — это был ответ Серова на вопрос, куда идти...

...В районе бульвара Инвалидов парижские извозчики запомнили любопытного пассажира.

Каждое утро рано-рано, не глядя на погоду, он появлялся у их стоянки с неизменной свежей красной розой в зубах, брал извозчика и ехал в Лувр. Судя по большому альбому, который он носил под мышкой, это был художник. Он был добр, весел, хорошо платил.

Художнику легко работалось в Париже. Он вспоминал здесь свою юность, много бродил по музеям, забывая о портретной заказной кабале, копировал, рисовал.

Много энергии, времени, сил отдал Серов созданию театрального занавеса для постановки в дягилевском театре «Шехерезады». В нем он продолжает поиски новых, оригинальных декоративных решений. Тогда же им написано полотно «Ида Рубинштейн».

Художник непрестанно рисует с натуры. Для этого он ежедневно посещает улицу Нотр-Дам — студию Колоросси. Там в основном рисовала молодежь. Серов часто был недоволен своими рисунками и выдирал листы из альбома, выбрасывал их.

Кто-то сказал ему: «Вы бросаете кредитные билеты».

«Ну, какая я знаменитость,— ответил Серов.— Знаете, есть такой табак — «выше среднего». Вот я такой табак — не больше».

В Париже Серов часто встречается с Машей Львовой.

Как-то в небольшой компании они едут осенним, серым днем в Шантили. Долго гуляют по прекрасному парку этой бывшей резиденции Наполеона, любуются дивными рисунками Клуэ, дворцами.

Серов и Маша бродили по пустынному осеннему лесу молча...

* * *

Валентин Серов был по-настоящему образованный, интеллигентный художник, и, что самое главное, он был прогрессивно настроенный человек, ненавидевший пошлость, несправедливость, насилие.

Его угнетала обязанность первого портретиста России принимать заказы царского двора.

...В 1900 году Серов заканчивал портрет Николая II. В зал дворца зашла царица. Она взглянула на портрет, на царя, взяла сухую кисть из ящика с красками и сказала художнику: «Тут слишком хорошо, здесь надо поднять, здесь опустить».

Кровь ударила в голову Серову, он взял из ящика палитру и, протянув ее царице, сказал: «Так вы, ваше величество, лучше уж сами пишите... а я больше слуга покорный...»

...События 1905 года глубоко потрясли Серова.

«...Даже его милый характер изменился круто,— вспоминает Репин.— Он стал угрюм, резок, вспыльчив и нетерпим, особенно удивили всех его крайние политические убеждения, проявившиеся у него как-то вдруг; с ним потом этого вопроса избегали касаться...»

Серов выходит из Академии художеств, навсегда отказывается выполнять заказы царского двора. На телеграмму с просьбой написать портрет царя отвечает короткой телеграммой: «В этом доме я больше не работаю».

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Осенью 1911 года Серов приехал отдохнуть от московской суеты в Домотканово.

Русское раздолье радовало глаз, веселило душу. Художник бродил по дорогим сердцу аллеям старого парка, подолгу сидел там...

Погожие, теплые дни, ядреный осенний воздух развеяли хандру, и Серов был на редкость весел и бодр. Он забыл о болезни сердца, омрачавшей его жизнь в последние годы.

Как-то добрым сентябрьским днем молодежь усадьбы затеяла игру в городки в старой липовой аллее. Валентин Александрович решил тряхнуть стариной. Он ловким ударом разбил один «город», другой. Но, внезапно почувствовав боль в сердце, бросил биту...

В тот же день домоткановцы проводили его в Москву. В Москве его встретила мать.

«Как умер отец, расскажи»,— были первые его слова. Мать с тревогой посмотрела на него.

«Его бравурность меня смущает,— вспоминает Валентина Семеновна.— Он такой осторожный, такой мнительный — вдруг как будто переродился. Невольно вспоминается отец, собиравшийся накануне смерти в Индию. То же беспокойство, та же лихорадочность...»

...В ноябре Игорь Грабарь решил показать Серову новую экспозицию его работ в Третьяковской галерее. Вот что он пишет об этом памятном дне:

«Я никогда не забуду... как мы стояли с ним перед этим портретом (Девушка, освещенная солнцем.— **И. Д.**). Он долго стоял перед ней, пристально ее рассматривая и не говоря ни слова. Потом махнул рукой и сказал не столько мне, сколько в пространство: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь сколько ни пыжился, ничего уж не вышло: тут весь выдохся». Потом он подвел меня вплотную к картине, и мы стали подробно разбирать все переливы цветов на кофточке, руках, лице. И снова он заговорил: «И самому мне чудно́, что я это сделал — до того на меня не похоже. Тогда я вроде с ума спятил. Надо это временами: нет-нет да малость спятишь. А то ничего не выйдет...»

Почти четверть века отделяло этот ноябрьский день от жаркого июньского дня, когда молодой художник писал Машу. На Серова глядела с портрета его юность, юность, ставшая вечной.

Он невольно отвел глаза в сторону и увидел себя в стекле висевшей рядом картины: на него грустно взглянуло усталое лицо пожилого, повидавшего многое человека.

...Холодное ноябрьское утро 1911 года. Впереди обычный день, нагруженный до отказа. Ждет у подъезда извозчик.

В особняке Щербатовой (портрет которой начал писать художник) раздался звонок телефона.

«Папа не может сегодня быть»,— прозвучал по телефону мальчишечий голос.

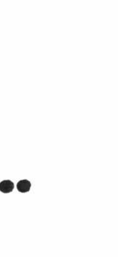
«Но почему, его ждет позировать княгиня?»

Телефон помолчал с минуту, и наконец рыдающий голос промолвил: «Он умер».

...А что сталось с Машей? Она надолго пережила Серова. Мария Яковлевна Львова скончалась в Париже в 1955 году. Ей было девяносто лет.

Джон ОКАЙ (Гана)

ЧЕЛОВЕК, СЫН ЧЕЛОВЕКА...

ПТИЦЫ АФРИКИ

I

Птицы Африки так непохожи
друг на друга. И все же
все они птицы.
А люди? Люди Земли?
Но сначала о птицах.
Наши птицы
знают, где им приютиться,
убежать от жары, покормиться.
Просто: слетаются вместе они
без забот
на зерна и на плоды
или станут крылом к крылу у воды,
пьют с достоинством, не спеша,
ноги — их сторожа.
Вместе птицы живут круглый год.

2

Наши птицы,
хоть разные у них голоса
и разные клювы
и глаза,
знают, что глаз у каждой — пара.
И ни одна не клянется богами,
что именно у нее
самые острые когти,
что она выше всех в полете,
что походка ее величавей,
а голос сильней,
чем у прочих,
а горло
шире, чем устье Конго
в сезоны дождей!

3

Наши птицы,
хоть разные шейки у них
и крылья и разные лапки,
знают, что лапок у каждой — пара.
И никто им не запрещает
почесать ушибленный бок,
потянуться перед рассветом,
втянуть или выпустить коготок
и при этом
засвистеть от восторга,
напугать обезьян,
насытившись,
зернышком поиграть,
посидеть у слона на бивне
и печально вздохнуть
с наступлением ливней.

4

Наши птицы,
хоть разные у них языки,
на которых они говорят,
и крылья разных цветов,
знают, что крыльев у каждой —
пара.
И ни одна
красным деревом не клянется,
что она
просыпается раньше других,
всех быстрее бежит по земле,
что ростом
она выше прочих,
и хвост у нее,
какой и не снился павлину,
а спину
такую
в Африке и не видели.

5

Наши птицы,
с шейками непохожими,
с головками, самыми разными —
синими, серыми, красными,—
знают,
что никто им не запрещает
покинуть родное гнездо,
а потом возвратиться,
со стаей других полетать,
поискать муравейник богатый
и пруд,
из которого пьют
птицы,
буйволы,
козы,
ужи.
Наши птицы свободны —
птицы Африки.

6

Наши птицы —
это дети Земли,
дети Неба и Солнца,
живущие в этом мире,
в мире,
в братском единстве.
Потому что все они птицы,
и они это знают.
Ютится
бездомный
под этим же небом бездонным,
презираемый и гонимый
человек.
О человек, знай: не одни мы!
Человек, сын Человека,
твое время настало!

Перевел с английского Анатолий Кошеида.

ВОИНСТВУЮЩИЙ ОДИФОЛИНГОЙ *

I

Жизнь человека течет, как ручей,
от рожденья до смертной
тризны...
Есть сорок дней
и сорок ночей,
пролагающих русло жизни.
Есть сорок дней
и сорок ночей,
когда с затаенной болью
ты производишь без лишних
речей
жестокий суд над собою.
И если ты честен,—
себя казни
спокойно и беспристрастно
за все промелькнувшие ночи и дни,
которые прожил напрасно.
Когда ж,
побеждая себя
в себе,
из испытания выйдешь,
получишь право
судить
о судьбе
людей, которых ты видишь.

II

Нет ничего на свете горчей,
нет ничего прекрасней,
чем сорок дней
и сорок ночей
наблюдать человечьи страсти.
Я вижу ребенка —
он счастлив, как бог,
чист его детский разум.
Я вижу солдата
без рук и без ног,
с кровоточащим глазом.
А вот богач —
он кичится, смеясь,
хотя он неправ глубоко...
Втаптывая
всех ближних
в грязь,
погряз он в пучине порока.
Я вижу надменность —
напрасно она
пытается спорить с веком!

Я вижу хромого —
походка трудна,
но лицо пронизано светом...

III

Сорок дней
и сорок ночей
я наблюдал, не смыкая очей.
Перед очами моими
зловеще
закружились странные вещи.
Плыли они из неведомых сфер
в нехоженые пространства...
Но вывел меня
ослепительный свет
из состоянья прострации.
Все входы и выходы я увидал
и смог, просветленный, вглядеться
в концы всех концов и начала
начал,
в женщин, мужчин и младенцев.
Познал я удел
всех, кто не у дел,
всех занятых созиданьем;
и понял,
как беспределен предел
высокого мирозданья.

IV

Во мне прозренье звучит, как гимн,
но, к сожалению, часто
я слышу:
«Живи и дай жить другим!» —
извечный лозунг мещанства.
К покорности
тянут меня
они,
но разве привыкнет разум
для них на флейте
играть все дни,
когда мне мотив подсказан?
Так что же,
и дальше людям ползти
по той же старой дороге?
Позволить другим
нас по жизни вести,
как будто они полубоги?
Они, как слепцы, блуждают средь
тьмы
и с жизнью играют в прятки...
О нет,
не пустые призраки мы
в этом Верховном порядке!
Одни
вечно стремятся ввысь,
другие
ползут, как слизни.
Для человека
создана жизнь,
а не человек — для жизни!

*Одифолингой — человек, верящий в себя (язык га).

Перевел с английского Эдмунд Иодковский.

ДНЕВНИК ГЕРОЯ

«Он жил, чтобы видеть и рассказать о самой великой войне...» — писал о себе Герман Занадворов. С этим замечательным человеком читателей «Огонька» познакомил писатель Николай Воронов в очерке «Рукописи, посланные на воздушном шаре» (№ 15 за 1963 год). В том же номере был помещен и рассказ Занадворова «Увертюра». А недавно его книга «Дневник расстрелянного» вышла в Южно-Уральском книжном издательстве. В сборнике — глава из романа, рассказы и дневник, который писал Занадворов в фашистской оккупации. Дневник этот — исторический документ. Там только факты да зашифрованные подчас фамилии. Занадворов рассказывает подробно, день за днем, час за часом, все, что происходило с ним, его близкими и односельчанами под тяжким гнетом фашистов.

Читаешь сжатые, часто отрывочные фразы дневника и представляешь, как писал Герман, забравшись на лежанку, при свете коптилки, предварительно наглухо закрыв двери и занавески на окнах и все время прислушиваясь к недобрым ночным шорохам.

Но больше всего мучило Германа то, что слова его, написанные кровью сердца, не могут быть прочитаны людьми. И вот однажды, вспомнив далекое детство, он сделал воздушный шар, накачал его нагретым воздухом и ночью запустил на восток — к своим. А к шару привязал пакет с рукописями на имя своего друга Бориса Палийчука.

Сверток, видимо, где-то затерялся. И очень жаль, что людям долго оставались неизвестны прекрасные рассказы Занадворова: «Молитва», «Сливки», «Колыбельная»...

Герман Занадворов — журналист. Когда началась война, он работал в политотделе, выступал в газете с репортажами и очерками. В окружение попал, находясь вместе с женой в 5-й армии. Пытался вместе с армией пробиться в Киев и не пробился. Под Оржицей армия сделала попытку с боями прорваться на Восток, но и эта попытка не удалась. Германа, тяжелобольного, вынесли с поля боя друзья и жена. Еще раз пытались они выбраться из окружения и снова потерпели неудачу. Герман оказался в колонне военнопленных. Умирающего его вызволила из-за колючей проволоки его жена. И вот с большим трудом им обоим удалось добраться к родным, в село Вильховая, Грушковского района.

Как только Герман выздоровел, он стал приглядываться и искать людей, чтобы продолжать борьбу против фашистских захватчиков.

К 1943 году в Грушковском районе фактически сложилась подпольная организация «Красная звезда» во главе с Германом Занадворовым.

«Последнее время нарастание событий заставило меня заняться практикой... Если выживу, смогу рассказать о людях, об их делах... Если ж не выживу...» — так кончается дневник Германа Занадворова.

Он не выжил. Темной мартовской ночью 1944 года его и жену расстреляли предатели, расстреляли всего за несколько дней до освобождения села частями Красной Армии.

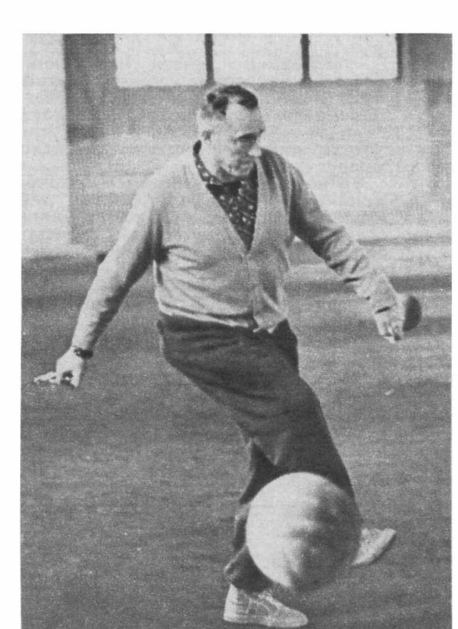
Но произведения Германа Занадворова живут. И небольшая его книжка не оставит людей равнодушными.

Т. ТРОИЦКАЯ

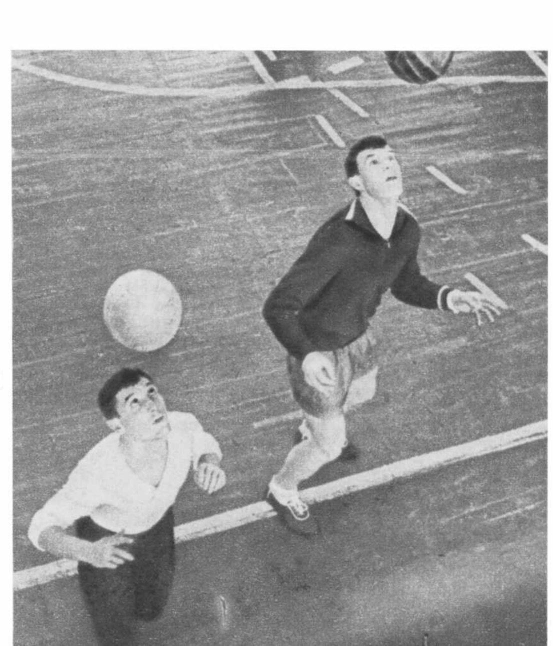
Что-то покажет «Локомотив», возвратясь в число сильнейших!

ФУТБОЛ-СКО

Вся его долгая жизнь — в футболе. Это Борис Андреевич Аркадьев.

Спартаковское пополнение — В. Житкус и В. Янишевский.

Достойный сын своего отца Володя Федотов (ЦСКА) и соратник отца тренер В. Чистохвалов.

PO!

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

На днях я встретил знакомого мастера футбола, человека, играющего не первый год в высшей группе команд. Он выглядел подтянутым, похудевшим немного.

— Трудновато приходится?

— Да, нелегко! Скорее бы уж сезон начинался, что ли...

Сказано это было в шутку и не в шутку. В наше время действительно трудновато достаются футболистам месяцы накануне первых весенних игр. Куда там десятиборцы! Двадцатиборцами хочется назвать ребят, когда посмотришь, чем они занимаются в спортивных залах и на свежем воздухе зимы. В удивительно добром согласии уживаются здесь лыжные тропы и зеленоватая вода бассейна, легкая баскетбольная корзина и тяжесть металлической штанги, спринтерский бег и долгие кроссы... Попробуйте представить себе в одном лице Валерия Брумеля и, скажем, Леонида Жаботинского. Конечно, не такого немыслимого сочетания добиваются тренеры, однако в идеале каждый рад вобрать в себя этот чудесный сплав легкости и силы, обильно сдобренный еще и выносливостью марафонца. Ведь все это необходимо, нужно обязательно для того, чтобы четырехсотграммовый кожаный мяч стал рабски послушен воле спортсмена.

День за днем, час за часом ближе наш большой футбол. И труд спортсменов становится все напряженней. Труд, и поиски, и раздумья, и заочные и очные споры о том, как лучше играть, что нужно делать для того, чтобы прочной стала удача и редким исключением — неудача.

«Мы должны учиться у тех, кто превзошел нас, но вместе с тем мы должны искать и сами, творить, экспериментировать и дерзать.

Я думаю, что на смену фундаментальным системам с их слишком жесткими тактическими каркасами должно прийти более свободное тактическое мышление тренеров и футболистов, которые творили бы перед матчем и в ходе его текущую тактику игры».

Эти слова принадлежат одному из старейшин нашего футбола, заслуженному мастеру Борису Андреевичу Аркадьеву. Я охотно повторяю их потому, что, как мне кажется, именно в этом сжатая программа, наиболее присущая советскому футболу. Не оттого ли стали чемпионами динамовцы Тбилиси, что умели в каждом матче минувшего года играть так, как это было наиболее выгодно в ходе поединка? Не оттого ли снова изобретательно и виртуозно заиграл Михаил Месхи, что получил полную свободу для своей неистощимой игровой фантазии — свободу, рожденную духом творчества в коллективе? И не потому ли снова вышли вперед московские торпедовцы, что игровое смелое творчество на поле Валентина Иванова, Валерия Воронина, Бориса Батанова, с радостью поддержанное молодыми друзьями по обновленной команде, стало характерной приметой популярного московского «Торпедо»?

Годы и годы прошли от чемпионата мира в Швеции, когда в первый раз команда Пеле и Гарринча продемонстрировала сенсационное новшество: 1 + 4 + 2 + 4. Бесспорно, это была великолепная находка, из тех, которые случаются на футбольных полях раз в десятилетия. И правильно сделали наши тренеры, восприняв новую тактическую систему как явление прогрессивное и современное, достойное подражания. Но не слишком ли загипнотизировала она при этом некоторых? Не слишком ли иные наставники футбола увлеклись точным воспроизведением ее, подзабыв при этом, что любое тактическое новаторство останется лишь схемой, если не будет обогащено живым поиском дальнейшего совершенствования? Невозможно себе представить, будто система 1+4+2+4 появилась на белый свет как итог вдохновения одного теоретика, пусть самого мудрого. Сама жизнь, рост футбольной техники потребовали иных тактических форм для более успешной защиты и более глубокой подготовки атак. Естественно, что новое тактическое построение властно требовало, в свою очередь, соответствующих исполнителей — футболистов, которые могли бы наиболее полно претворить новаторство в жизнь на поле. В иных наших командах не оказалось да и до сих пор нет такого ансамбля. Отсюда нередко новая тактическая система выглядела однобоко, как сугубо защитный вариант, рождала скучные матчи с нулями на досках счета.

Надо надеяться: это позади. Все чаще слышны голоса призыва к более смелому творчеству на поле, все более упрямо трудятся футболисты над тем, чтобы круглый и капризный мяч был так послушен, что его и не замечаешь. Они ведь знают: только так можно чувствовать себя хозяином на поле, все видеть, все понимать...

— Откуда ты знаешь? Может, скоро будут играть десять впереди и столько же в обороне? Было же такое время, когда в баскетболе трое нападали, а двое стояли в защите. Теперь все нападают и все — в защите...

— А волейбол? Я сам помню, как бывало, только двое бьют, остальные тянут. Теперь все бьют и все тянут!

Этот разговор я слышал в футбольном клубе. Шел снег, крупный и веселый. Есть такой клуб футбольных стоиков, функционирует в любое время года, в любую погоду. Это у ограды московского стадиона «Динамо», прямо как выйдешь из метро. Здесь можно узнать все. И о том, кого пригласит на свой юбилейный матч англичанин Стенли Метьюз, и о том, кто куда перешел накануне сезона.

— Слыхали? Урушадзе — в тбилисском «Динамо»!

— Как дела пойдут у спартаковцев? Придутся ли ко двору Житкус и Янишевский? Сергей Сальников — технарь. Он будет как тренер в самый раз в паре с Никитой Симоняном...

— Интересно, что покажет, братцы, «Локомотив»! А кто знает, почему Лобановский перешел в одесский «Черноморец»?

— Вячеслав Соловьев тренирует московское «Динамо», а Михаил Якушин приглашен в «Пахтакор»... Пора бы знать такие вещи!

Они, между прочим, стояли у ограды и летом вместо того, чтобы сидеть на трибунах, потому что на зеленом футбольном поле была глухая тишина: редко, очень редко в погожие летние дни назначались матчи. Они все откладывались на осень, поглубже, поближе к зиме. Почему? Оттого, что сборным командам надо было проводить ответственные международные встречи. Люди огорчались. Я сам слышал: «Неужели так уж бедны футболистами армейцы, динамовцы или торпедовцы, что не могут играть нормально в календаре, если взяли у них двух-трех в сборную? Неправильно это! Тут-то и показать себя молодежи!»

О чем только не говорят в футбольном клубе у ограды! И ругают порой наш футбол и болеют за него душою.

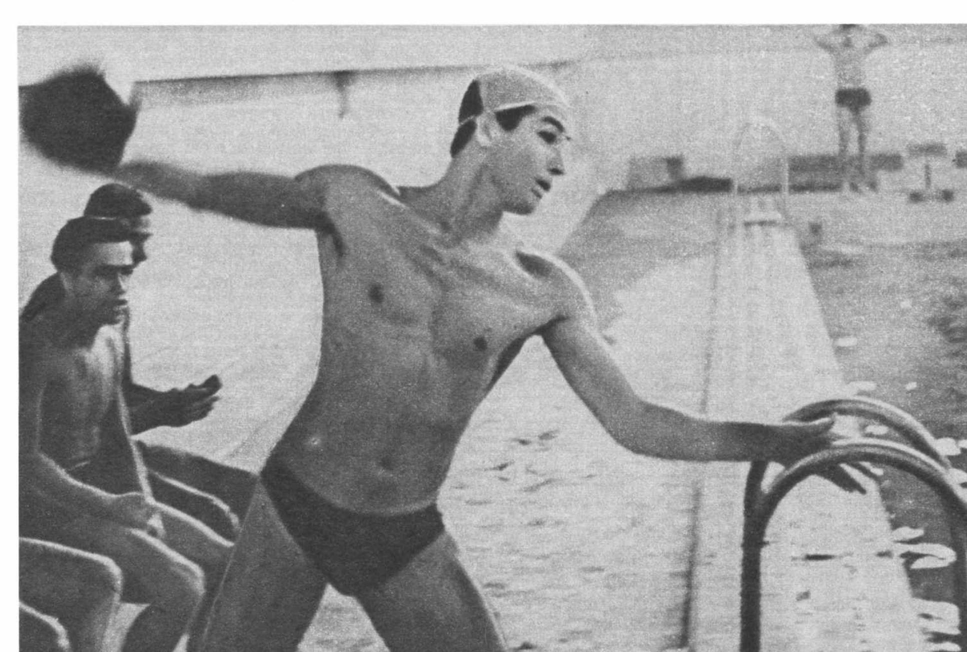
Скоро начнется футбольный сезон, скоро все станет ясно: кто и как к нему подготовился.

Упорно трудятся ребята-футболисты. Они ведь тоже знают, что существуют такие нигде не зарегистрированные футбольные клубы, где их любят, где их ругают, где им безгранично верят...

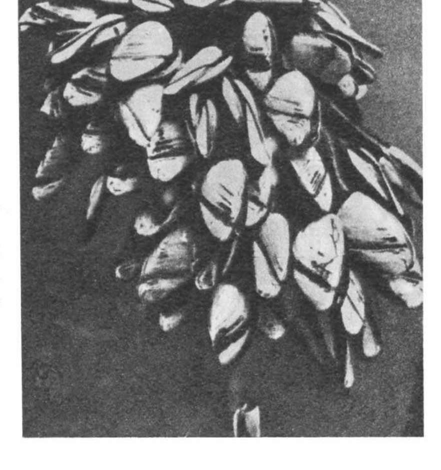
Вячеслав Соловьев теперь тренирует динамовцев Москвы.

Многоборцы! Да! Водное поло тоже нужно футболистам. Играет торпедовец Валерий Воронин.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

МОРСКИЕ ЖЕЛУДИ

На морском берегу я нашел выброшенную волной бутылочную пробку с интересными раковинами.

Моряки мне объяснили, что такие существа кочуют на плавающих предметах, населяют подводные скалы, камни. Этих животных из числа усоногих ракообразных называют морскими желудями. Они устраиваются даже на голове кита и его плавниках.

В. ВОЛЖСКИЙ

Ленинград.

ОПЕКУН

Наседка вывела цыплят и бросила их. К нашему удивлению, опекать сирот стал кот Мурзик. Он настолько полюбил цыплят, что проводит с ними целый день, не подпуская к ним кур.

К. КОНОВАЛОВА

Магадан.

УМЫШЛЕННАЯ КАТАСТРОФА

Эта машина преднамеренно была направлена на бетонный столб. Британский институт по безопасности движения провел такой опыт, чтобы проверить надежность предохранительных поясов, прикрепленных к куклам.

НЕ ВЕЛИК, НО УДОБЕН

Такой оригинальный двухместный автомобильчик с откидной кабиной выпускается в Италии.

КАРАНГИДА

У нее зеленовато-золотистая спинка и отливающие серебром бока. Поймали эту рыбу — карангиду — в Бенгальском заливе, где советские и индийские специалисты совместно проводили ихтиологические исследования.

Карангида встречается в проливе между Индией и Цейлоном, в Красном море и Тихом океане. Она достигает крупных размеров.

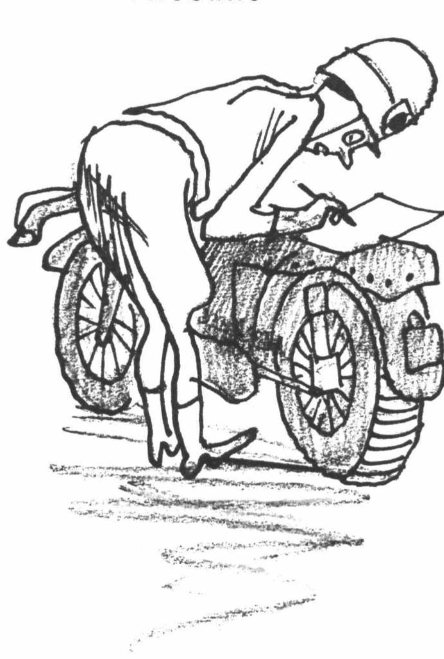
В. КРИВОШЕИН

Ленинград.

На шоссе

РАССКАЗ

В. КУЗНЕЦОВ

Я купил мотоцикл и сразу же помчался на свидание. Только что прошел дождь, и асфальт сверкал, как зеркало. Я летел так, что в ушах у меня гудело, а прохожие, поспешно прикрываясь зонтами, улепетывали по сторонам, словно от бурого медведя.

В тот момент, когда я начал вдавливаться в звуковой барьер, раздался свисток. Резко затормозив, я клюнул носом в фару и остановился.

— Разрешите представиться,— услышал я,— старшина милиции Петров. Позвольте узнать, не на тот ли свет спешит молодой человек?

— Никак нет, я спешу на свидание,— ответил я, фыркая и осторожно ощупывая нос.

— Тогда рубль штрафу.— И старшина развернул тетрадь. Я хотел доставать деньги, и — «А-а-апчхи!»

— Что вы делаете?!

— А что? Уже и чихнуть нельзя?

— Чихайте сколько угодно, но только промокашки не сдувайте. Вон видите? В луже валяется.

— Подумаешь, промокашка! Да я вам завтра десять промокашек вместе с тетрадками привезу.

— Такой промокашки вы мне не привезете: на ней были формулы по электротехнике записаны. У меня скоро экзамены. Как я сейчас буду задачки решать?

— Какие пустяки! Я инженер, и сейчас все вам решу.

— Наконец-то,— облегченно вздохнул старшина.— Первого технически грамотного человека встретил. Все ехали одни гуманитарники. Как они здесь ни потели,— ничего в электротехнике не смыслят.

Старшина передал мне тетрадку и сказал:

— Ты решай, а я за порядком посмотрю, чтобы не шумели — не мешали тебе сосредоточиться.

— Так... Так...Так...— решал я.

— Ну как?

— Все в порядке, товарищ старшина.— Я завел мотоцикл и хотел было ехать.

— Минуточку. А штраф?

— Товарищ старшина...— замялся я.

— Разговорчики!

Я достал рубль, подал и поехал.

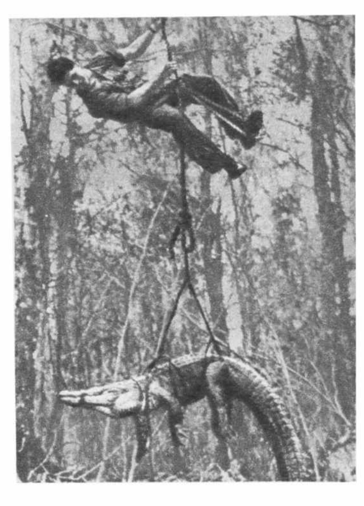
Свисток. Я замер.

— Возьмите квитанцию.

Я схватил квитанцию, плюнул, повернул ручку на полный газ, и опять свисток.

— Ну что еще? — изнеможенно сказал я, чуть не падая с мотоцикла.

— Если вы здорово спешите,— сказал подбежавший старшина,— то я вам советую не ездить через площадь: там мой друг к химии готовится.

ПРЫЖОК НА КРОКОДИЛА С ВЕРТОЛЕТА

2 из 5 000

Популярный латышский скульптор-сатирик Кришьян Кугра удостоен золотой медали Выставки достижений народного хозяйства в Москве. За 60 лет жизни он вырезал из дерева 5 тысяч скульптур на самые разнообразные сюжеты. Здесь вы видите две из них — «Всегда в курсе чужих дел», «Причина прогула».

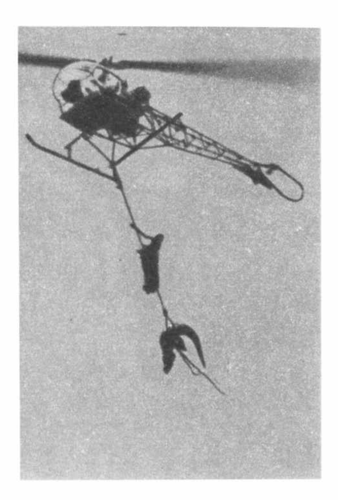
Г. КАРКЛИНЬ

Рига.

Американский естествоиспытатель Том Аллен охотится на животных с помощью вертолета.

Перед вами на снимках изображены моменты единоборства бесстрашного охотника с трехметровым аллигатором в заболоченном районе южной части полуострова Флорида (США). Спустившись на канате с вертолета, Том Аллен стремительно напал на крокодила, затем набросил петлю и обвязал пасть аллигатора. Еще несколько узлов—и хищник пленен. И вот последний этап охоты: победитель и связанный аллигатор на канате поднимаются на вертолет.

дайте жалобную книгу

Есть книги, которые тем лучше, чем меньше спрос на них. Это жалобные книги. Лежат они в магазинах, столовых, ресторанах, ателье — одним словом, в учреждениях, так или иначе связанных с обслуживанием граждан. В каждом городе можно найти несколько очень хороших книжек, то есть с чистыми страницами или со страницами, исписанными в знак благодарности. Попадаются иногда и такие, которые похожи на чеховскую жалобную книгу, с записями вроде: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин».

Но, к сожалению, чаще встречаются такие книги, которые содержат упреки граждан в адрес магазинов, столовых и т. д. Упреки мелкие и крупные, нежные и горькие. И бывает, что упреки эти остаются неуслышанными.

Чтобы способствовать действенности жалоб, «Огонек» решил открыть отдел под рубрикой «Дайте жалобную книгу». Для наглядности этот отдел будет иллюстрированным.

Наш художник-сатирик приходит в магазин, столовую или иное бытовое учреждение и говорит администрации: «Дайте, пожалуйста, жалобную книгу». Затем иллюстрирует ее записи, а рисунки привозит в редакцию. Если администрация пожелает сделать свою книгу более красочной, она может вырезать из «Огонька» эти рисунки и наклеивать их на соответствующих страничках.

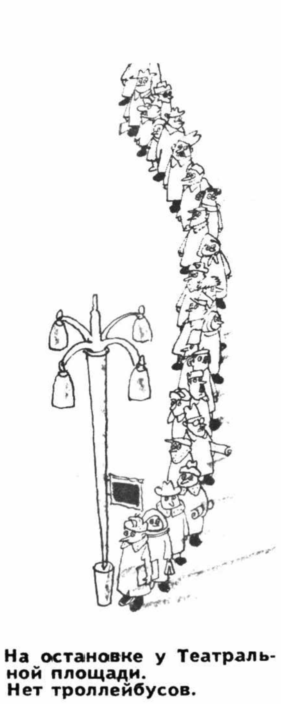
Первое слово художнику Ю. Черепанову, который побывал в Рязани и пользовался услугами городского транспорта

СЕЛ ДА ПОЕХАЛ...

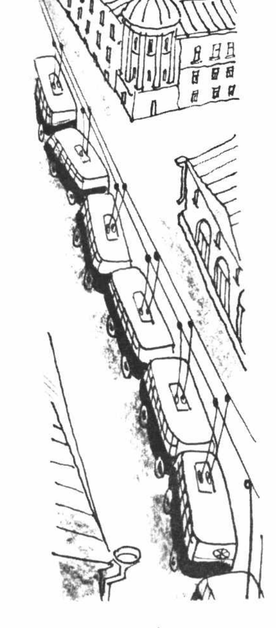
Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Я пришел к диспетчеру автобусной станции, попросил жалобную книгу и наугад прочел одну запись из многих. Вот она: «За последнее время движение автобуса маршрута № 9 не соответствует расписанию. Неоднократно, в частности, уже в 1965 году, автобуса, который должен выходить в 23.10, не было. Приходится ждать 40—50 минут. Акопян Ю. М.»

Поездив в автобусах и троллейбусах, я получил яркое представление о работе рязанского городского транспорта. Свои впечатления я изложил в документальных рисунках.

На остановке у Театральной площади. Нет троллейбусов.

На углу улицы Свободы и улицы Ленина. Нет электрического тока...

Часы пик в Борках.

А в это время руководители городского транспорта мечтают об усовершенствовании.

По сравнению с потерянным временем пуговицы — не самая большая утрата.

В Рязани «поймать» такси в часы пик почти невозможно. А меж тем у вокзала в Москве частенько можно видеть машины с рязанскими номерами...

ПОЭЗИЯ ЗРЕЛОЙ МЫСЛИ

Имя большого белорусского поэта Аркадия Кулешова, младшего брата Янки Купалы и Якуба Коласа, широко известно по всей нашей огромной стране и пользуется заслуженным уважением всюду, где есть книжный магазин и библиотека.

Он написал множество стихотворений и несколько поэм, одна из которых — поэма военного времени «Знамя бригады» — получила высокое народное признание и до сих пор составляет гордость всей советской литературы.

Недавно в издательстве «Советский писатель» вышел переведенный Яковом Хелемским новый сборник стихотворений Кулешова, так и названный им: «Новая книга».

Книга эта, состоящая из пяти разделов, цельна и едина, она написана в одной спокойной интонации, без надсадного крика, без ложных красивостей. Это книга лирических размышлений. Книга, подводящая итоги и одновременно устремленная в близкое и далекое будущее.

Это книга глубоко личная, в ней нет стихотворений, приуроченных к каким-либо датам или посвященных каким-либо определенным событиям. Чуть ли не в каждом стихотворении автор говорит: «я», «мне», «со мною». И в то же время это книга всего нашего поколения, трудно, честно и гордо прожившего вот уже почти пять десятилетий на прекрасной советской земле. В том-то и сила поэта, что его собственные краткие монологи, его личные воспоминания, его думы близки, дороги и понятны дружественному читателю.

Не вслед за Кулешовым, а как бы одновременно с ним этот читатель говорит:

С юных лет у меня
есть одна лишь забота — работа.
Не для славы тружусь,
не для роскоши, не для почета...

Я не против почета,
но в сердце иная забота:
я на трудном посту —
в мире большего нету почета.

Книгу Кулешова нельзя читать наспех, залпом. Это далеко не эстрадная книга. Стихи его не рассчитаны на шумные аплодисменты.

Большинство стихотворений Кулешова, нет, не большинство, а все его стихотворения откроются только вдумчивому взгляду человека, умеющего ценить красоту и поэзию зрелой мысли, умного чувства.

Не берусь разбирать или пересказывать отдельные стихотворения. Я этого делать не умею да и не хочу. Мне важно было только в нескольких словах передать светлую атмосферу этой книги, схожую с воздухом и красками осеннего леса в солнечный день.

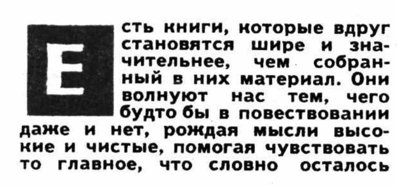
Весь словарь Аркадия Кулешова, весь строй его стихотворений близки к народной поэзии, вышли из нее. Он пишет без недомолвок, строго отбирая крепкие и ясные слова. И в то же время в каждой строке слышна интонация именно этого поэта, видна его индивидуальность, построенная не на ряде каких-либо приемов и штучек, а возникшая на основе собственного восприятия мира, своего, а не заимствованного отношения ко всему на свете.

Для вдохновенья флагам
нужен ветер,
а мне для вдохновенья
нужен флаг,—

говорит Кулешов. Мне эти строки кажутся замечательными еще и потому, что они кратко и точно выражают спокойный пафос «Новой книги».

Ярослав СМЕЛЯКОВ

К СЕРДЦУ ЧИТАТЕЛЯ

Есть книги, которые вдруг становятся шире и значительнее, чем собранный в них материал. Они волнуют нас тем, чего будто бы в повествовании даже и нет, рождая мысли высокие и чистые, помогая чувствовать то главное, что словно осталось за рамками произведения, а вместе с тем составляет его соль, его бродильные дрожжи.

Вот они легли на стол, книги Сергея Смирнова: «Брестская крепость» и «Рассказы о неизвестных героях»...

Очерки, собранные в них, кажется, уже утратили прелесть новизны: ведь нет, наверное, ни одного читающего, да и просто грамотного человека, который не знал бы о поисках Сергея Смирнова, посвятившего себя благородному служению героям войны. Новые сведения о них писатель разыскивает неутомимо, деятельно, со свойственным ему мягким, негромким, но неотступным упрямством. Разыскивает через газеты, через наш «Огонек», по радио и телевидению. Разыскивает, обращаясь во все концы земли с письмами, просьбами, напоминаниями... Разыскивает там, где на первый взгляд не только нет, но и не может быть ни одной зацепки, не осталось ни одного следа.

Когда Смирнов начинал разговор о защитниках Брестской крепости, ему удалось найти в фондах Музея Советской Армии имя Александра Филя. Сейчас известно более трехсот живых героев. Уже одно это потрясает! А сколько пришлось хлопотать Смирнову, чтобы вернуть иным героям право на жизнь: выручить из беды, добиться признания, снять несправедливые обвинения, помочь найти семью...

Обо всем этом Смирнов рассказывает скупо, с той сдержанностью, которая могла бы обернуться сухостью, если б не было таким догадливым читательское сердце. А его не обманешь!

Связанные, как писатель сам выражается, «цепями документализма», очерки Смирнова, остающиеся в точных пределах явно журналистского, публицистического жанра, на мой взгляд, нисколько не утрачивают от этого своей ценности. Напротив! Рожденные живой заботой о людях и нескрываемо обращенные к людям, необыкновенно трогательные, человечные, они являют собою интереснейший материал эпохи, свидетельствуя — именно с документальной неопровержимостью! — о силе души советского человека.

Эта скромная, лишенная хвастовства и бахвальства душевная сила и стала дрожжами войны, на которых взошел, поднялся святой хлеб победы...

Не удивляешься тому, что вчерашний журналист Сергей Смирнов сумел проделать такую работу, создать такую книгу. Добрым, честным делом Смирнов занят и ныне. Здесь кроется то заветное, что одушевляет его книги.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ВЫШЛИ В ЯНВАРЕ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Григол Чиковани. Рассказы. Среди героев новелл современного грузинского писателя Г. Чиковани мы встречаем и участников войны, и зачинателей социалистических преобразований в грузинской деревне, и новаторов-чаеводов. Писатель хорошо знает быт и характеры своих героев, людей щедрой души, и пишет о них ярко и увлекательно. Рассказы Чиковани отличаются глубоким лиризмом, им свойствен яркий народный язык и народный юмор.

Юлий Чепурин. Драмы. В книгу вошли наиболее популярные пьесы известного советского драматурга. Легендарной битве на Волге посвящается пьеса «Есть на Волге утес», которую Ю. Чепурин начал писать еще на полях сражений в 1942 году.

Война и ее последствия — главные темы драматурга, но большое место в творчестве Ю. Чепурина занимает и тема социалистического строительства. О героических буднях советских людей рассказывают «Весенний поток», «Хозяева жизни» и другие пьесы, включенные в сборник.

Василь Лозовой. О чем шумел полесский бор. Это своеобразная повесть в рассказах. Имея право на самостоятельное существование, рассказы дополняют друг друга. Основные события повести происходят в Полесье во время войны и в первые послевоенные годы. Автор реалистически показывает крах бандеровщины — порождения буржуазных националистов — и торжество нового. Острая по сюжету книга В. Лозового привлекает правдивостью содержания.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Притяжение. Сборник стихов молодых поэтов, в котором семь авторов, разных по почерку, выступают под одной обложкой. Любителям поэзии уже знакомы их имена: Петр Вегин, Юрий Денисов, Натан Злотников, Борис Примеров, Алексей Заурих, Александр Челноков и Ростислав Артамонов. Предисловие к книге написал один из советских поэтов — Сергей Наровчатов. В своей первой книге молодые поэты делятся с читателем мыслями и чувствами, которые их волнуют, пытаются передать образ сегодняшнего дня нашей страны. В книге много стихов об искусстве и о любви.

А. Смолян, Д. Ченцов. Здесь, в самом сердце Африки. В центре повести — героическая жизнь сына африканского народа Патриса Лумумбы, бесстрашного борца с колониализмом, человека огромной воли и силы, человечности и доброты. Авторы использовали много фактического материала, документов и писем Патриса Лумумбы и воссоздали яркий образ героя Африки.

ВМЕСТО РУЖЬЯ—ФОТОАППАРАТ

Этой зимой мне удалось сделать в разных концах страны несколько любопытных снимков. Такая съемка возможна при одном из двух условий: надо, чтобы зверь не замечал человека с фотоаппаратом или не питал к нему недоверия.

Щегол съедает в год в среднем в 250 раз больше, чем весит сам. Главная его пища — семена сорняков. А птенцов своих он выкармливает вредными насекомыми. Маленькая птица, но очень полезная.

Лисица мышкует... Уничтожая грызунов, сколько зерна сберегают лисички-сестрички для человека! А неблагодарный человек в некоторых сельскохозяйственных районах, где эта польза несомненна, бездумно ставит лисиц вне закона и даже платит премии за ее уничтожение.

Выдра, вынырнувшая из проруби, доедает рыбу. Ее блестящий от воды мех непромокаем. В пушном товароведении всего мира прочность шкурки выдры является эталоном для всех мехов и принимается за 100 процентов. В носкости она уступает только меху морской выдры — калана.

Далекие родичи наших собак — волки. Угрюмые, злобные и жестокие звери, они «в личной жизни» бывают веселы и добродушны, могут играть и ласкаться. Но пусть никого не обманывают их улыбки,— это опасные хищники, с ними у человека компромисса быть не может.

Н. НЕМНОНОВ

ПОД ЧЕРНОМОРСКИМ СОЛНЦЕМ

1

Мальчиком, влюбленным в поэзию, но не понимающим ее, познакомился я в конце 1921 года в Одессе с Эдуардом Багрицким.

Худощавый, высокий, с ястребиным очерком лица, Эдуард Георгиевич держался со мной как равный с равным, отчего сразу приобрел во мне друга. Таким, кстати, оставался он всю жизнь—удивительно приветливым с детьми.

Расправа Эдуарда Георгиевича над моими вкусами была коротка и свирепа.

— Каких поэтов вы любите? — спросил он, лукаво улыбаясь.

Я назвал Фофанова, Надсона и, чувствуя себя, как на гимназическом экзамене, мучительно сожалел, что нет у меня зажатой в кулаке шпаргалки, которая подсказала бы те имена, которые ему нужны.

— А Пушкина вы любите?

— Люблю.

— Это хорошо! Ищите в стихах живопись. Живопись и музыку. Вот послушайте Пушкина «Виноград». Какое волшебство — это восьмистишие!

И тут же с упоением, раскачиваясь в лад пятистопному ямбу, откидывая со лба капризную прядь, грудным с богатейшими оттенками голосом он прочитал, вернее, пропел вторую строфу пушкинского стихотворения:

...Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

— Какие великолепные зрительные образы! Какие могучие эпитеты! Какое глубокое аллитерирование! А чего стоят «персты девы молодой»!

Потом он читал Александра Блока и Владимира Маяковского, Тютчева и Баратынского, Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова.

Я был очарован. Предо мной на могучей волне его незабываемого голоса, в золоте и багреце парусов проплыл романтический корабль русской поэзии.

Наши встречи участились. В крохотной квартирке на Коблевской улице под свист плененного чижа Эдуард Георгиевич знакомил меня с поэтами пушкинской плеяды: Языковым, Дельвигом, Батюшковым,— перед которыми он преклонялся всегда.

2

В Одессе в 1922 году при клубе железнодорожных «Январских мастерских» существовал литературный кружок «Потоки Октября». Старые кадровики и молодежь наугад, без руководства знакомились с художественной литературой. Эдуарда Георгиевича не приглашали. Он сам пришел. По его почину пришли и мы, его товарищи, прозаики и поэты: И. Ильф, Л. Славин, С. Гехт, С. Бондарин, С. Кирсанов, С. Олендер, А. Югов, Д. Бродский и Г. Захаров.

Обаяние его личности внушало веру. Рабочие, пробовавшие себя в литературе, начинали грамотнее писать. Помню, рабочий Яковлев, человек лет пятидесяти, терпевший на литературном поприще поражение за поражением, прочел на заседании кружка совсем недурные стихи.

— «Звезда в стеклянном колпаке»,— начал Яковлев балладу об электрической лампочке.

Багрицкий насторожился. В зале установилась тишина. Я напряженно следил за Эдуардом Георгиевичем, имевшим обыкновение, слушая стихи, косить куда-то в сторону серыми мечтательными глазами, хрипло откашливаться и нервно ломать длинные пальцы.

Последнюю строку стихотворения заглушили шумные рукоплескания Багрицкого.

— Настоящие, настоящие стихи! — закричал он, ошарашив поздравлением смутившегося автора.

Так росла связь поэта с рабочим коллективом Одессы. Кружковцы запросто навещали сероглазого поэта-птицелова. Разговоры велись уже не только на литературные темы. Багрицкий присматривался к жизни рабочих, прислушивался к их языку, обогащая свой словесный багаж. Если же у посетителя ко всему прочему обнаруживалась страсть к птицам или рыбам, интерес Багрицкого к нему увеличивался вдвое. Багрицкий многих своих приятелей приохотил к разведению рыбок в аквариумах, к певчим птицам, к голубеводству. Из крохотных гонораров за печатавшиеся в «Одесских известиях» и в «Моряке» стихи треть шла на птиц, клетки, корм.

В знойный июльский день, получив в редакции небольшой аванс, он направляется пешком на край города, на Охотницкую. Все подсчитано до копейки. Пара сизых турманов с клеткой превышает по своей стоимости ничтожный капитал поэта. Необходим еще рубль. Он просит взаймы у меня, но откуда достать мне?

Мигом соображаю. Возвращаюсь домой, вытаскиваю украдкой из библиотеки покойного отца полное собрание сочинений Мольера, приложение к «Ниве»— и стремглав в бакалейную лавчонку. Здесь книги скупаются на вес для упаковки бакалеи.

За два килограмма мольеровских бессмертных комедий бакалейщик вручил нам недостающий рубль.

И вот — жужжание, возгласы, суматоха Охотницкой. Не торопясь, как бы желая продлить наслаждение покупкой, Багрицкий идет от продавца к продавцу. С каждым — продолжительный разговор. С ним считаются, как со знатоком. Он долго присматривается к голубю, к его подрагивающему зябкому тельцу, отмечает изъяны в оперении, разглядывает клюв, из которого высовывается розовый острый язычок... Процесс покупки — тоже творческий процесс.

Здесь зарождаются образы его «Голубей». Случайно оброненному слову продавца суждено прочно вклиниться в крепко сколоченные строфы поэмы...

В один прекрасный день 1922 года нам, друзьям Эдуарда, стало ясно, что лучшему поэту города негоже ходить в старой, заплатанной сорочке.

В клубе милиции устроили литературный вечер. На сборы решено было экипировать поэта.

Эдуард блеснул в тот вечер и своими стихами и качаловской дикцией. Он похож был на командарма, одержимого музами. Он, самозабвенно блестя воспаленными глазами, читал «Летучего Голландца». Правая его рука поднималась к самому куполу клуба, большое атлетическое его тело, легко облеченное в красноармейскую гимнастерку, двигалось в такт прекрасным стихам.

Успех был полновесный. Публика почувствовала большого поэта и наградила его грозовым ливнем аплодисментов.

На вырученные деньги приобрели для Эдуарда смушковую серебристую папаху, шевровые сапожки и чудо красоты — шоколадную бекешу на белом меху.

Поэма «Летучий Голландец» была вынесена на суд одесского пролетариата.

Пусть, важной мудростью
объятый,
Решит внимающий совет:
Нужна ли пролетариату
Моя поэма — или нет!

Приговор был единогласный: нужна.

3

Мы с Эдуардом Багрицким подолгу бродили по берегу моря, дышали арбузными соками и огуречным рассолом прибоя.

Оставив за собой омытую прибоем сиреневую полосу гальки, мы вскарабкались, поддерживая друг друга, на утес, выдвинутый в самое море.

Мы долго стояли на утесе и разговаривали о поэзии. Шторм затихал. Море словно приготовилось слушать блоковские «Шаги командора». И Багрицкий неожиданно начал:

— Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?..

Я много раз слушал чтение Багрицким этих стихов.

...Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Эти медные «н», продолжительное их гудение с бездонными «а» всегда гипнотизировали слушателей. Хорошо, что это чтение Багрицкого записано на магнитофонную пленку. И сейчас, спустя тридцать лет после смерти Багрицкого, когда раздается его голос в механической записи, судорога молнией перечеркивает мне спину.

— Помните,— говорил Багрицкий,— как требовал Брюсов: «...с беспечального детства ищи сочетания слов». Всю жизнь мы ищем новые изобразительные средства. Больше того, найдя и применив, мы их отбрасываем и вынуждены искать снова.

Чем написать море? Какие найти ритмы для него? Море, как часы, измеряет время движением волны. Прислушайтесь. Волна — строка. Волна — строка. За волной — пауза, предвестница новой волны. Море пишет стихи, и как гениально!

Он остановился и прислушался к декламации моря.

— Знаете, море мне подсказывает целые строфы для моего «Летучего Голландца». Поэт должен жить у моря. Эгейское море было соавтором Гомера, я в этом уверен. Гекзаметр подслушан в прибое. И сколько еще есть у нашего Черного моря в запасе размеров и ритмов, не говоря уже о метафорах, вы себе представить не можете! Хватит на всех одесских поэтов с гаком!

Встречи Багрицкого с морем были часты, порою драматичны.

Однажды поэт с пятью товарищами пустился на лодке в открытое море. Неожиданный шторм поставил на карту их жизнь. В минуту опасности оказалось, что никто, кроме Багрицкого, не может грести. Поэт, задыхаясь от жестокого приступа астмы, борясь с остервеневшими волнами, привел лодку к берегу.

Эти морские прогулки, эти охотничьи вылазки в пустынные окрестности Одессы с музейным ружьем за плечами и толстенными «Английскими поэтами» в руке; заседания до поздней ночи в «Потоках Октября» и возвращение домой по еще не залеченным после войны мостовым; покупка певчих птиц на авторские гонорары; цветущие акации, девушки и стихи — все это, согретое черноморским солнцем, было молодостью Багрицкого, все это было в те далекие годы...

Осип КОЛЫЧЕВ

У. Бэрчетт в Южном Вьетнаме.

Уилфред БЭРЧЕТТ,
австралийский журналист

Фото автора.

Одним из предлогов варварских «карательных» налетов на Донг-Хой и другие мирные города и деревни Демократической Республики Вьетнам вашингтонские милитаристы выдвигают утверждение, что Армия освобождения Южного Вьетнама снабжается из ДРВ по мифической «тропе Хо Ши Мина». Американские военные эксперты и в Вашингтоне и в Сайгоне знают, что это ложь. Ни один опытный военный, будучи в здравом рассудке, не поверит, что Армия освобождения может проводить крупные операции в дельте Меконга и на подступах к Сайгону, опираясь на базы снабжения, расположенные за тысячу и более километров и связанные с районами боевых действий лишь узенькими тропками, идущими через джунгли и высокие горы Аннамского хребта.

Максуэллу Тейлору нужен миф о «тропе Хо Ши Мина» для того, чтобы прикрыть крах своей теории «особой войны» во Вьетнаме, для того, чтобы объяснить, почему он — американский военный стратег № 1, располагающий самолетами и вертолетами, танками и тяжелой артиллерией, военно-морскими судами и механизированным транспортом, под началом которого полумиллионная армия и двадцать пять тысяч американских войск,— почему он постоянно терпит поражение, тактически и стратегически, и даже в классических дневных боях от крестьян и горных племен.

Я жил и передвигался по Южному Вьетнаму вместе с регулярными частями Армии освобождения, я был в партизанских отрядах и в отрядах местной самообороны. Если не считать самодельного оружия, а также небольшого количества старого французского оружия, которым, кстати, американо-сайгонское командование снабжало свои собственные силы на местах, вооружение бойцов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама состоит из оружия, произведенного в США. Стандартным пехотным оружием является американский карабин, автоматы, минометы, крупнокалиберные пулеметы и базуки американских марок. Да и какой смысл иметь оружие других марок, если Армия освобождения получает боеприпасы из... Соединенных Штатов. Или более точно — с военных постов, с военных складов и от военных транспортов американо-сайгонского командования.

В конце декабря — начале января в сражении под Бинь Жиа США и Сайгон потерпели самое тяжелое поражение в этой войне. Два из одиннадцати отборных батальонов, которые составляют «стратегический резерв» американо-сайгонского командования, были стерты в порошок, а все их вооружение захвачено. Две из трех рот третьего «элитного» батальона были тоже разгромлены.

Та часть Армии освобождения, которая вела это сражение, была сформирована в октябре 1961 года. На вооружении у нее находилось 120 винтовок — самодельных и старых французских, приблизительно по две на каждых пять человек. В свой первый бой эта часть вступила приблизительно через месяц после сформирования: бойцы устроили засаду, захватили три пулемета, 25 винтовок, уничтожили командира округа и взяли в плен его заместителя. Затем в течение года каждый месяц эта часть проводила по меньшей мере одну операцию, включая — в июне 1962 года — дерзкую атаку на центр подготовки парашютистов в Трунг Хоа, в 15 километрах от Сайгона. Все это дало богатый «улов» оружия.

С ноября 1962 года наступил четырехмесячный перерыв для политической и боевой подготовки — это типично и для других частей Армии освобождения. Бойцы подводили итог своим удачам и неудачам, готовясь к более крупным военным действиям, таким, как Бинь Жиа, например. Операции начались снова в марте 1963 года, и в последующие двенадцать месяцев эта часть провела четырнадцать крупных боев. К этому времени она располагала 600 единицами оружия американского производства, включая самое разнообразное автоматическое и тяжелое оружие, вплоть до крупнокалиберных 37-миллиметровых пулеметов. Взводы тяжелого оружия и роты поддержки в этой части имели полный состав и имели на своем вооружении 60-миллиметровые и 81-миллиметровые минометы, 12,7-миллиметровые крупнокалиберные пулеметы и 57-миллиметровые базуки.

— В 1963 году,— говорил мне командир части, тридцатишестилетний крестьянин с солдатской выправкой, который партизанил еще в первой войне за освобождение,— мы оставляли себе треть захваченного оружия. Остальное распределялось между отрядами самообороны, которые создавались, когда мы освобождали «стратегические деревни». С начала 1964 года мы распределяли все трофеи, за исключением тяжелого оружия, которое партизаны использовать не могут.

Все оружие, захваченное под Бинь Жиа, было распределено среди партизан прямо на месте — фактически партизаны и собрали его. Тяжелое оружие было передано регулярным частям, а партизаны взамен получили винтовки — по нескольку штук за каждый крупнокалиберный пулемет или базуку. Между прочим, после успеха под Бинь Жиа общее количество трофеев 1964 года достигло таких цифр:

Легкие пулеметы и автоматы	— 635
Крупнокалиберные 12,7-миллиметровые пулеметы	— 45
Другие крупнокалиберные пулеметы	— 141
60-миллиметровые минометы	— 122
81-миллиметровые минометы	— 17
106-миллиметровые минометы	— 2
57-миллиметровые базуки	— 6
105-миллиметровые артиллерийские орудия	— 2
20-миллиметровые пушки	— 22
Винтовки и другое оружие	— 16 500

В поле — с винтовкой.

Я спросил начальника штаба одного из полков, гостем которого был во время второго визита в Южный Вьетнам, случается ли им атаковать вражеские посты для того, чтобы добыть какой-нибудь специальный тип оружия.

— Так это же происходит все время,— сказал он.

И повторил мне то, что я уже

ВОЙ

Где-то на опушке джунглей...

знал: в регулярных частях теперь точно установлено, какое оружие нужно, чтобы сформировать взвод тяжелого оружия в роте, роту тяжелого оружия в батальоне, подразделение тяжелого оружия в полку.

— В районе наших действий,— рассказывал мне начальник штаба,— нам известно совершенно точно, какой род оружия и в каком количестве находится на различных вражеских постах. Точно так же нам известно, какие там боеприпасы и сколько их. Иногда — до последней базуки, до последней мины. Среди марионеточных войск всегда есть патриоты, которые постоянно снабжают нас информацией.

Часто,— продолжал он,— когда мы решаем превратить взвод в роту или роту в батальон, командование дает нам для начала 81-миллиметровый миномет или 57-миллиметровую базуку. Подразделение использует это оружие при нападениях на вражеские посты, добывает себе необходимое количество вражеского вооружения, чтобы образовать подразделение тяжелого оружия, и затем возвращает «одолженное» командованию.

Я спросил, как они научились обращаться с тяжелым оружием. Во время войны против французских колонизаторов, за исключением некоторых ударных частей, патриотические силы не умели

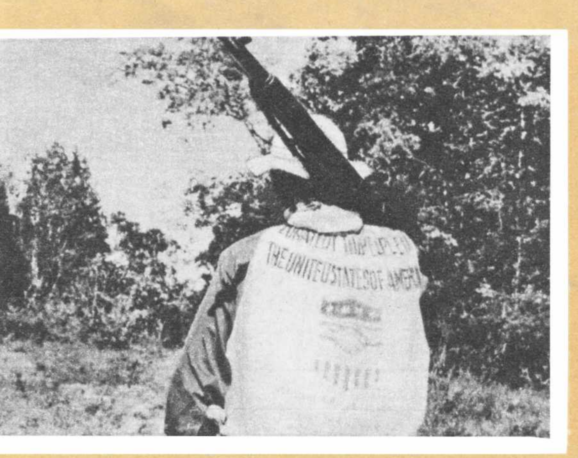
НУ ВЕДЕТ НАРОД

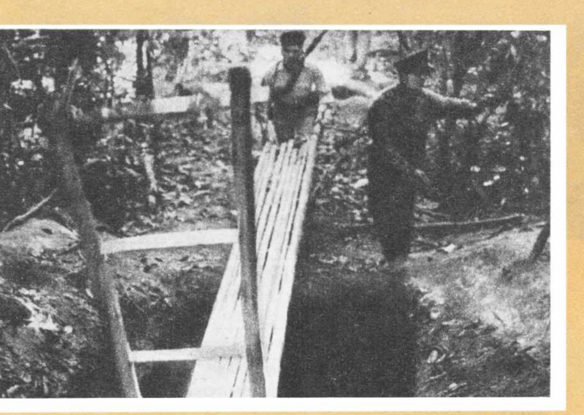
Американская базука на вооружении патриотов.

Боеприпасы «поставляют» Соединенные Штаты.

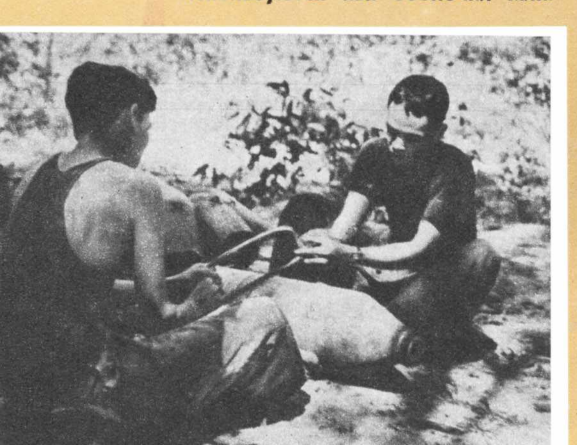

Рюкзак партизана — это мешок из-под американской муки.

С помощью таких мостков-лестниц патриоты штурмуют военные посты врага.

Невзорвавшиеся американские авиабомбы партизаны распиливают пополам и извлекают оттуда взрывчатку. Половинки авиабомб используются как оболочки мин.

использовать минометы, которые им удавалось захватить.

— В отличие от французов, которые боялись, что тяжелое оружие будет обращено против них,— говорил он мне,— американцы обучали марионеточные войска обращению со всеми видами оружия, рассчитывая вести войну чужими руками. Для этого им пришлось издавать боевые наставления по использованию различных видов оружия на вьетнамском языке. И, конечно, многие из наставлений попали нам в руки. На нашу сторону постоянно переходят специалисты по тяжелому оружию, которых обучали американцы. Мы используем их как инструкторов.

Регулярные части Армии освобождения способны теперь с огромной эффективностью использовать любое оружие, которое попадает в их руки.

После фантастического подвига в Бьен Хоа, когда регулярные части Армии освобождения в двадцати километрах от Сайгона просочились сквозь самую «неуязвимую», сильно охраняемую оборону противника и уничтожили 21 бомбардировщик «Б-57» и больше десятка других американских самолетов, мир заговорил о меткости минометного огня партизан. Бойцы Армии освобождения усиленно тренируются, шлифуя свое мастерство использования тяжелого оружия так, чтобы ни один снаряд не пропадал даром. После боев они подводят итоги, обсуждают, почему один снаряд достиг цели, а другой нет, делятся своим опытом с другими подразделениями и с соседями. Они изучают брошенные танки и подбитые вертолеты, чтобы найти в них самые уязвимые места, по которым надо сосредоточивать огонь. Начальник штаба полка, о котором я говорил, сообщил, что патриоты, находящиеся в рядах марионеточной армии, часто находят способ передать информацию о наиболее уязвимых местах определенных типов самолетов или вертолетов.

Овладевать современной техникой не так просто. Хин Мин, бывший крестьянин, человек неунывающий и сильный, который руководил нападением на Бьен Хоа, рассказал мне, что когда его партизанский отряд захватил первые минометы, патриоты не имели ни малейшего представления, как надо пользоваться угломером. В конце концов они послали ночью разведчиков, снабдив их веревкой, чтобы измерить расстояние до цели.

— И даже тогда наши первые выстрелы достигли цели,— сказал Хин Мин.— Позже наш отряд был включен в состав регулярной армии, и мы начали серьезно изучать минометы, крупнокалиберные пулеметы и базуки. Теперь мы умеем стрелять из минометов с абсолютной точностью. Мы знаем, как пользоваться угломером, но мы можем использовать минометы и без него, без опорной плиты и без сошек, если этого требуют чрезвычайные обстоятельства.

Когда на аэродроме в Бьен Хоа «Б-57» стали взрываться один за другим, стало ясно, что слова «абсолютная точность» не преувеличение. Кстати, Хин Мин и практически каждый боец его отряда были крестьянами из района Бьен Хоа. Их прогнали с родной земли, когда американцы решили использовать рисовые поля для расширения этой авиабазы.

Американцы утверждают, что у них есть точная информация о «проникновении» с Севера. Странно, что они могут обнаружить и пересчитать «проникших» в районы, которые они, по их собственному признанию, не контролируют, но не могут обнаружить или пересчитать таких, как Хин Мин и его отряд, которые прошли последовательно три линии обороны, созданные вокруг всего аэродрома в Бьен Хоа. Они не смогли обнаружить отряд, который осуществил дерзкую атаку на базу Холлоуэй вблизи Плейку. Они не обнаружили тех, кто в самом центре Сайгона подложил бомбу в офицерской гостинице «Бринк» 24 декабря прошлого года, хотя в этой гостинице соблюдались самые строгие меры безопасности, включая проверку вьетнамского персонала до третьего колена, чтобы убедиться, что в их венах не течет «коммунистическая» кровь. Не пересчитали американцы и тех, кто 10 февраля этого года поднял на воздух американские казармы в Куи-Ньоне, где висела табличка «Вход только американцам». Американцы не могут контролировать даже того, что творится у них под носом.

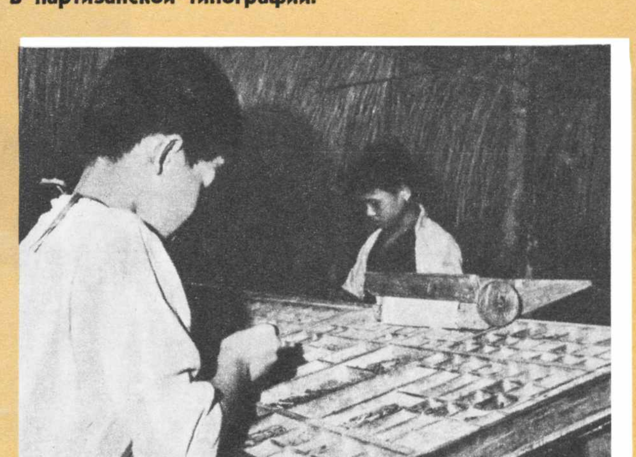
Войну в Южном Вьетнаме ведет и выигрывает сам народ Южного Вьетнама, если не считать одного любопытного исключения.

В 1954 году американцы вели большую пропагандистскую кампанию за то, чтобы убедить несколько сотен тысяч католиков Северного Вьетнама — крестьян и рыбаков — переходить на Юг. После ухода французов, говорили они, непорочная дева Мария тоже покинула Северный Вьетнам и перешла на Юг. Истинные католики, предупреждали американцы, должны последовать этому примеру. В противном случае им придется разделить судьбу «коммунистических безбожников» на Севере: они будут стерты с лица земли атомными бомбами. Эту кампанию вело множество агентов ЦРУ в сутанах. Несколько сотен тысяч обманутых католиков ушли на Юг. Но они не получили там ничего, что им обещали: ни земли, ни работы, ни рыбачьих лодок. Их загнали в «стратегические деревни» — американские концлагеря, вроде тех, что были в Бинь Жиа. Американо-сайгонское командование считало провинцию Ба Риа, где находится Бинь Жиа, абсолютно «надежной»; предполагалось даже, что здесь можно рассчитывать на поддержку населения, состоящего преимущественно из католиков — беженцев с Севера. Но в Сайгоне даже и не подозревали о ненависти к американцам, таившейся подспудно, ненависти за обман, который оторвал людей от родных мест, разлучил с близкими. Американцы не знали, что эта ненависть достигла точки кипения после прошлогодних августовских налетов на ДРВ, во время которых самолеты США бомбили прибрежные деревни — родные места беженцев. Проглядели они и то, что в последние годы молодежь здешних мест по двое, по трое уходила в партизаны. Эти партизанские отряды сыграли большую роль в сражении под Бинь Жиа; победа была одержана благодаря полной поддержке католиков — выходцев с Севера. Если американцы хотят обнаружить тех, кто «проник с Севера», они могут найти таких людей в провинции Ба Риа. Но их привезли туда сами американцы!

Песня борьбы.

В партизанской типографии.

Американцы терпят поражения потому, что народ Южного Вьетнама, возглавляемый Фронтом освобождения, ведет справедливейшую из справедливых войн, защищая свою землю, свои дома, свои семьи. Фронт пользуется поддержкой всего населения, включая и патриотов внутри сайгонской армии. В 1964 году из этой армии дезертировало 80 тысяч человек — в два раза больше, чем в 1963 году. Во второй половине 1964 года и в начале 1965 года солдаты сайгонской армии стали переходить на сторону патриотов большими группами — по 200 и более человек.

Во время боев в Куи-Ньоне в ноябре прошлого года Армия освобождения уничтожила важный военный пост врага. Против патриотов были посланы две роты марионеточной армии. Солдаты захватили с собой оружия гораздо больше, чем обычно. Когда они подошли к позициям Армии освобождения, они содрали с себя форму сайгонской армии и, высоко держа над головой оружие, двинулись вперед, чтобы стать в ряды патриотов. То же самое повторилось в Куи-Ньоне 10 февраля этого года. Американские агентства сообщали, что после этого боя 500—600 солдат сайгонской армии «пропали без вести».

Председатель Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Тыу Тхо рассказал:

— В 1959—1960 годах один вражеский военный пост контролировал несколько «стратегических деревень». Один взвод проводил рейды по нескольким деревням. У людей не было возможности оказать сопротивление. В 1961—1962 годах один военный пост мог контролировать только одну деревню, а для рейда против одной деревни высылали уже роту. Теперь для контроля за одной деревней враг создает несколько военных постов и высылает против деревни несколько батальонов. Недавно, например, в операции против деревни Бу Лой в районе Тай Нин участвовали три полка, механизированные подразделения, самолеты и вертолеты. А что касается нас, то еще два года назад мы бывали довольны, если нам удавалось разгромить роту вражеских войск. Теперь мы можем справиться и с батальоном.

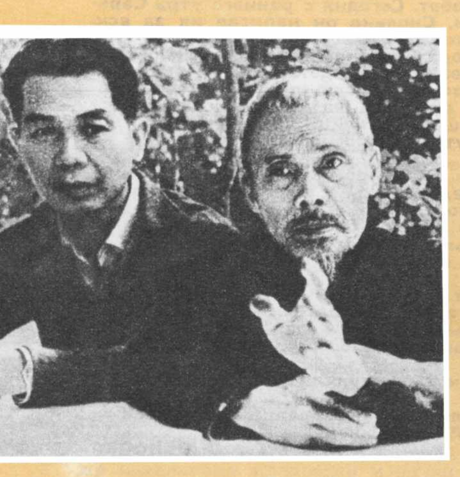
Он рассказал, что американо-сайгонское командование уже не в состоянии возмещать свои боевые потери. В 1964 году в результате потерь и дезертирства сайгонская армия уменьшилась на 80 тысяч человек. Территория, занимаемая врагом, сокращается, и ему скоро будет негде проводить рекрутские наборы. Для американо-сайгонского командования проблема живой силы становится все острее.

— Но еще более остро стоит для них проблема морального состояния солдат,— продолжал Нгуен Тыу Тхо.— Боевой дух их войск очень низок. Часто они сдаются, едва мы начинаем операцию. Сражение кончается после нашего первого залпа. Нехватка живой силы означает, что американо-сайгонское командование не может осуществлять самое необходимое. Они не могут размещать свои войска одновременно повсюду. Если они концентрируют силы для крупных операций, то они теряют те участки, откуда выводят войска. Если они, желая быть везде, рассредоточивают свои силы, то становятся уязвимыми для наших атак. Вражеские войска передвигаются теперь большими группами, опираясь на поддержку множества танков и самолетов,— только так они чувствуют себя в относительной безопасности. Но, проводя крупные операции, они никогда не достигают своих целей. Наши войска не занимают постоянных позиций. Наша регулярная армия находится одновременно везде и нигде, а когда нужно, партизанами становится все население.

Да, изо всего, что я видел и слышал в Южном Вьетнаме, совершенно ясно, что американцы не смогут повлиять в свою пользу на исход войны, устраивая налеты на ДРВ и Лаос. Наоборот, они лишь приближают этим день своего поражения. Огромная волна протестов против американских провокаций, единство социалистических стран с демократическим Вьетнамом, растущая всюду поддержка патриотов Южного Вьетнама — вот уроки, которые придется извлечь тем, кто устраивает «карательные» налеты на демократический Вьетнам. У Соединенных Штатов есть только один выход из положения — уйти.

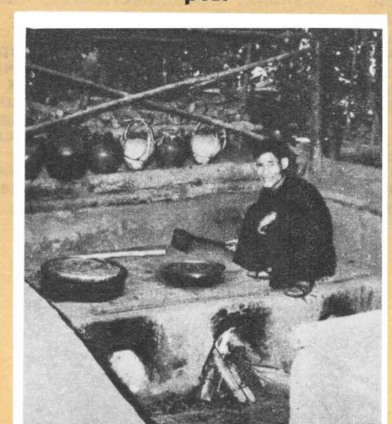

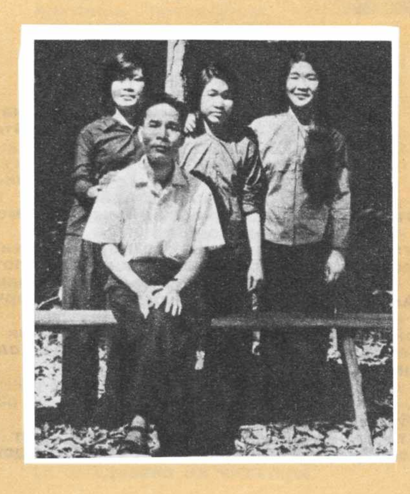
Председатель Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Тыу Тхо.

Католический священник Хо Хуе Бо (справа) — член Центрального Комитета Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

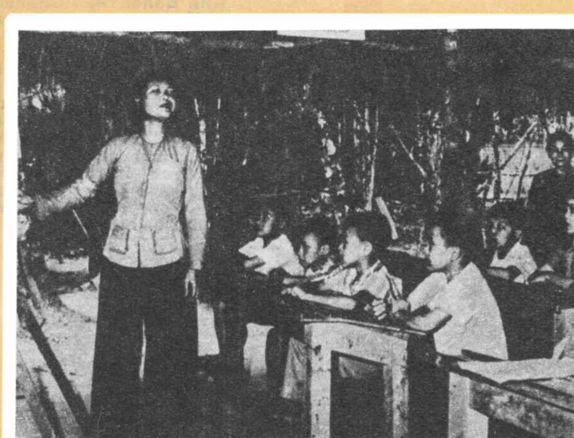
Партизанская кухня, или, как ее называют, «кухня Дьен Бьен Фу». Дымоотводы под землей уходят далеко, на несколько сотен метров.

Вин Кун, бывший лейтенант сайгонской армии, двоюродный брат бывшего императора Вьетнама Бао Дая, перешел на сторону патриотов вместе с семьей — женой и тринадцатью детьми.

Школа в джунглях.

ШАХМАТЫ

под редакцией международного гроссмейстера С. М. ФЛОРА

На ровном месте...

Михаил БОТВИННИК, экс-чемпион мира

Шахматная олимпиада, состоявшаяся в ноябре 1964 года в Тель-Авиве, как известно, завершилась победой команды СССР. Советские шахматисты в седьмой раз завоевали Кубок Гамильтона - Рассела.

Встречи лучших шахматистов мира проходили в острой борьбе, и каждое очко бралось с боя. Несмотря на это, наша славная шестерка из 84 сыгранных партий проиграла лишь четыре. Одна из этих партий представляет большой интерес. Югославский гроссмейстер С. Глигорич — один из лучших шахматистов мира — уже после Тель-Авива успешно выступил на турнире в Гастингсе (Англия). В Тель-Авиве он впервые в своей практике выиграл у М. Ботвинника.

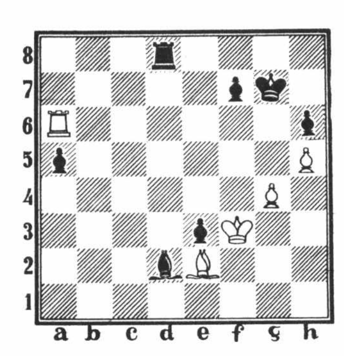
Экс-чемпион мира М. М. Ботвинник по просьбе «Огонька» проанализировал эндшпиль этой партии, представляющей значительный интерес.

С. Флор

— Какой ход вы записали? Конечно, g5? Ведь он ведет к ничьей?— Так спрашивали меня товарищи и тренеры. И мне было неприятно сознаться, что записан иной ход. Ефим Геллер, узнав об этом, стал мрачнее тучи. Но что делать! Я записал после десятиминутного раздумья ход 41. Кре4.

Нетрудно заметить, что в отложенной позиции у черных две лишние пешки. И все же нельзя утверждать, что поражение белых неизбежно.

С. Глигорич (Югославия)

М. Ботвинник (СССР)

Следует отметить, что на протяжении последних 25—30 ходов у белых никогда еще не было такой «хорошей» позиции — ранее их положение было совершенно проиграно. После того, как в одном варианте защиты Грюнфельда я перепутал порядок ходов (последний раз мне пришлось играть этот вариант 25 лет назад в матче с В. Рагозиным), С. Глигорич мог выиграть различными способами...

Теперь же белые в силах оказать упорное сопротивление, ибо проходные пешки черных задержаны, пешки f7 и h6 нуждаются в защите, слон занимает пассивную позицию, а главное — король черных пока не у дел. Но пешки есть пешки!

В процессе анализа все было взвешено обстоятельно. Кстати, было установлено, что «правильный» ход 41. g5 вел к проигрышу, а записанный ход Кре4 был единственно возможным, ибо выяснилось, что ежели черная ладья займет центральное поле d4, где она контролирует важные поля a4, d1 и f4, то положение белых становится отчаянным... Найдено в анализе было немало тонкостей, и когда борьба возобновилась, оба партнера играли быстро и уверенно. Итак,

41. Крf3 — e4 Лd8 — e8+

Прежде всего черные должны отогнать белую ладью с шестой горизонтали.

42. Кре4 — f4 Лe8 — e6
43. Лa6 — a8 . . .

Эндшпиль с разноцветными слонами после размена ладей проигран, из-за наличия пешки e6 — читатель увидит это из дальнейшего анализа...

43. . . . Лe6 — f6+
44. Крf4 — e4 Лf6 — f2
45. Кре4 — d3 Крg7 — f6

Если черные проникают королем на поле g5, установив при этом ладью на поле f6, то они легко выигрывают, переводя затем короля на поле f2.

46. Лa8 — h8 Крf6 — g7

Вынужденное возвращение. После 46... Крg5 47. Лg8+! Крf4 (47... Крh4 48. g5!) 48. Лh8 черные ничего не достигли.

47. Лh8 — a8 Лf2 — f4

Маленькая хитрость: в случае 48. Лa6 Лf6! 49. Лa8 Лe6 белый король занимает неудачную позицию.

48. Лa8 — b8 Лf4 — f6

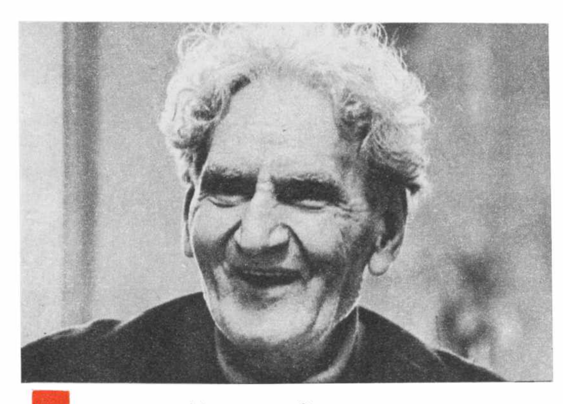
Первая попытка найти выигрывающий план черным не удалась, и С. Глигорич возвращается к исходной позиции.

49. Крd3 — e4 Лf6 — c6

Еще одна тонкость: а вдруг последует 50. Крf4 Лc4+! и черные в выгодной ситуации переведут ладью на четвертую горизонталь?

50. Лb8 — a8 Крg7 — f6

Теперь у белых лишь одна возможность воспрепятствовать переводу черного короля на g5; плохо как 51. Крf4 Лc4+!, так и 51. Лh8 Крg5.

Мартирос Сарьян.

ЗЕМЛЯ — ЧЕЛОВЕК — СОЛНЦЕ

В самом имени Сарьяна заключено откровение. Это заметил еще Максимилиан Волошин в годы, когда художника знали очень немногие, когда Третьяковская галерея отвергала его работы, несмотря на настойчивые рекомендации Валентина Серова...

Корень «сар» во многих восточных языках означает «желтый, яркий, солнечный». Волошин удивился этому, как чуду, потому что само имя звучало, как присказка у джина, как «сезам» в волшебной сказке об Аладине... Оно открывало миры творчества художника.

И действительно, какой искусствовед и критик уже в наши дни, говоря о полотнах Сарьяна, обходится без этого эпитета «солнечный»? Он стал постоянным.

Правда, сам Сарьян, как, впрочем, и многие художники, не жалует эпитеты вообще. Но о солнце он любит говорить. И об его чудесах тоже. Он как будто чувствует душу солнца.

Среди полотен в мастерской Сарьяна висит автопортрет 1909 года, выполненный в своеобразной манере. То ли самим художником, то ли его близкими автопортрет назван: «Я солнце!». Когда художнику задают вопросы, Сарьян рассказывает: «Я хотел написать так, чтобы не блики на лице отражались, а чтобы солнце излучалось из человека. Ведь это все единое: человек — солнце — земля».

И если Сарьян чувствует, что собеседник его понимает, он продолжает: «На одной из выставок увидел этот портрет известный меценат и коллекционер Щукин. Восторгался. Попросил меня в этой же манере выполнить портрет его сына и дочери. Я начал, но ничего не получилось...»

Растолковывать и объяснять дальше художник не будет, он словно не умеет говорить о своей живописи. Но ведь и недогадливого осенит: манера с а м а п о с е б е никогда не существовала для Сарьяна! Смело, решительно ломая привычные каноны, он искал не манеру, а способы для выражения своего понимания земли, солнца, человека. Цвет в его пейзажах, натюрмортах приобретает необычайную силу. Он звучит торжественно, призывно, радостно. Он оптимистичен, как само солнце.

Давайте войдем в мастерскую художника в эти дни, когда он отмечает свое восьмидесятипятилетие... На мольбертах прикреплено несколько неоконченных работ. Сегодня с раннего утра Сарьян пишет натюрморт с цветами. Сколько он написал их за всю свою жизнь, цветов Родины, цветов земли!..

Совсем как в молодости, с поразительной легкостью движется его кисть. Цветы не вырисовываются им детально, не прорабатываются. Сарьян и не стремится передать их осязаемость, материальность. Но как радостно смотреть на них! Радостно потому, что ощущаешь аромат, ощущаешь солнце армянских гор, которое раскрыло, распушило бутоны. И многое открывается за этим обыкновенным полотном.

В дверь мастерской окликают: «Мартирос Сергеевич, к вам экскурсия!» Художник спокойно кладет кисть. У него еще есть время. Он окончит картину завтра. А поговорить с людьми надо сегодня. Это необходимо. Ведь так много хочется сказать. И не о каких-то случаях, происшествиях... Сарьян говорит с людьми всегда о главном. О самом большом — о судьбах земли. О народе. Об умении увлекаться жизнью.

Вот он останавливается, берет со стола книгу.

— Совсем недавно я прочитал: оказывается, на Енисее есть скала, где какой-то художник тысячелетия назад изобразил человека древности верхом на лошади... Надпись сделана над могилой, и гласит она: «Я не насладился!»

Сарьян замолкает, улыбается чуть насмешливо и в то же время по-доброму:

— Как видно, великим жизнелюбцем был древний человек. Люди всегда будут любить солнце. Любить жизнь!..

Л. ОСИПОВА

51. Ла8 — а7 Лc6 — e6 +
52. Kpe4 — f4 Cd2 — b4

Это решение черных (принятое после длительного обдумывания) было для меня неожиданным, ибо в анализе мне казалось, что перевод слона на поле g5 невозможен. Я опасался другого плана за черных, а именно 52... Лd6 53. Kpe4 Лd8!! Белые в цугцванге, например, 54. Сc4 Лe8+ 55. Kpf3 Лe7 или 54. Лb7 Ла8. В этом случае последний шанс белых состоял в варианте (52...Лd6 53. Kpe4 Лd8) 54. Ла6+ Kpg5 55. Ла7! Лf8 56. Kpf3 f5 57. Лg7+ Kpf6 (или 57...Kph4 58. gf Л : f5+ 59. Kpe4 и черный король отрезан) 58. Лg6+ Kpe5 59. g5 hg 60. Л : g5 и проходная пешка h дает белым некоторые надежды на спасение. Этот вариант оказывался возможным лишь потому, что черные обязаны были защищать пешку f7 ходом 55...Лf8, поскольку размен ладей после 55...Лe8+ 56. Kpf3 Лe6 57. Л : f7 Лf6 + 58. Л : f6 Kp : f6 59. Cd1 Kpe5 60. Са4!! Kpd4 (Или 60... Cc1 61. Cc2!! Kpd4 62. g5 hg 63. h6 Cb2 64. h7) 61. g5 hg 62. h6 Kpd3 63. Cb5 + вел к ничейному результату. Идея этого маневра (Cd1 — а4 — c2) была указана Е. Геллером—она возможна только из-за неудачной позиции слона d2.

53. Kpf4 — f3 Лe6 — e5

Прежде чем переводить слона на поле g5, черные должны освободить слона от защиты пешки а5.

54. Kpf3 — f4 Cb4 — d6
55. Kpf4 — f3 Cd6 — e7

Черные повторяют ходы, чтобы выиграть время для обдумывания.

56. Kpf3 — f4 Ce7 — d6
57. Kpf4 — f3 Kpf6 — g7!

Новая позиция цугцванга, просмотренная мной в анализе. Я думал, что на ход Ce7 всегда смогу ответить Kpf4... Но сейчас ход за белыми и у них нет полезного ответа!

Продумав около 20 минут, я высчитал один «ничейный» многоходовой вариант. Относился я к нему с недоверием, но раз он ведет к ничьей, можно ли от этого варианта отказываться? Итак, я решился пропустить слона на поле g5 и атаковать пешку f7 — ничего другого нет.

58. Ce2 — c4 Cd6 — e7

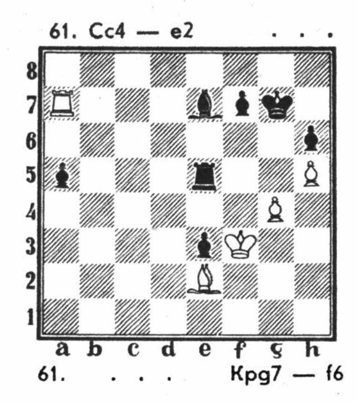
Уже грозит маневр Kpg7 — f6— g5.

59. Cc4 — e2 Ce7 — d8

Это уже показалось мне странным... Неужели С. Глигорич не видит возможности перевода слона на поле g5?

60. Ce2 — c4 Cd8 — e7

61. Cc4 — e2 . . .

61. . . . Kpg7 — f6

Да, не увидели черные продолжения 61... Cg5! 62. Cc4 Kpf8!! 63. Л : f7+ Kpe8 64. Лf5 (Безнадежно 64. Ла7 Kpd8!) Л : f5 65. gf Kpe7 66. Cb3 Kpf6 67. Cc2 Kpe5 68. Kpe2 Kpf4 (Или 68...Kpd4 69. Са4 Kpc3 70. f6 — теоретическая ничья, лишний чернопольный слон с пешкой h не дает выигрыша, ибо поле h1 белого цвета) 69. Kpf1! Kpf3 70. Cd1 + Kpf4 71. Cc2 Kpg4 72. Kpe2 Kp : h5 73. f6! и ничья? Должен покаяться, что таким путем я надеялся спастись, но после партии хитроумный Геллер нашел все-таки выигрыш за черных: 69. ...Cf6!! (вместо 69 ...Kpf3) 70. Kpe2 Cd4 71. Kpf1 Kpg5 72. Kpe2 Ca7 73. Kpf3 Cc5! 74. Kpe2 Kp : h5 75. f6 Kpg5 76. f7 Kpf4! и белым остается лишь сдать партию.

62. Kpf3 — f4 Ce7 — b4

Очередная прозрачная ловушка — вариант 63. Ла6 + Лe6 64. Л : e6 + fe! 65. Kp : e3 а4, конечно, вел к легкому выигрышу черных.

63. Ce2 — c4 Лe5 — e6

Еще одна двухходовая ловушка: 64. C : e6 e2 65. Cc4 Cd6 +. Но теперь черные теряют пешку f7 и позиция принимает ничейный характер.

64. Kpf4 — f3 Лe6 — c6
65. Ла7 : f7 + Kpf6 — e5
66. Cc4 — b5 Лc6 — c3

Здесь я отлично видел, что путем 67. g5! hg 68. h6 e2 + (ничего другого у черных нет) 69. Kp : e2 Лh3 70. h7 могу добиться ясной ничейной позиции, но черт попутал... и решил я играть на выигрыш! Это, конечно, было фантазией, но ничью белые могли сделать и в дальнейшем.

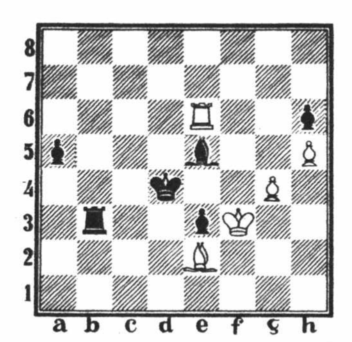
67. Лf7 — h7 Cb4 — f8
68. Лh7 — h8 Cf8 — g7
69. Лh8 — e8 + Kpe5 — d4
70. Лe8 — e6 ...

Это уж очень опасно сыграно. Правильно было 70. Лe4 +! Kpc5 71. Ce2 Cd4 72. Лe6.

70. ... Лc3 — b3

Черные упускают сильнейшее продолжение 70. ...Ce5! Теперь же путем 71. Са4! Ла3 72. Cd1 Ce5 (Иначе теряется пешка e3) 73. Л : h6 белые могли получить ту же позицию, что в партии, с той лишь разницей, что черная ладья занимала бы пассивную позицию.

71. Cb5 — e2 Cg7 — e5!

В этой роковой позиции, когда на последний ход перед контролем времени оставалось 3—4 минуты, я уже приготовился закусить пешкой h6, как вдруг с ужасом увидел, что после 72. Л : h6 черные путем Лb3—b8—f8—f2 + выигрывают фигуру... Позвольте, вправе спросить читатель, ведь после 72. Л : h6 Лb8 73. Kpg2 Лf8 74. Cf3 белые отражают эту угрозу? Дело в том, что в расчетах я сделал за черных два хода подряд (Лb8 и Лf8 +). Тогда я стал искать другие возможности и решил прежде всего отогнать черного короля от пешки e3 путем Лe6—e8—b8 + и здесь в расчетах сделал два хода подряд уже за белых (Лe8 и Лd8 +). После этой очевидной ошибки (72. Лe8) белым впору сдаваться!

Справедливости ради отметим, что положение белых было уже тяжелым: после 72. Л : h6 Лb7!! (Указано С. Флором) 73. Kpg2 Лf7 74. Cf3 Ла7! 75. Лb6 а4 76. Лb2 а3 77. Ла2 Cf4 белые вряд ли могли успешно защищаться.

Далее последовало: 72. Лe6— e8 Лb3—b6 (Проще было 72... Лb8). 73. Kpf3—g2 Лb6—b2 74. Kpg2—f1 Ce5—f6! 75. Лe8—c8 Лb2—а2 76. Лc8—c6 Cf6—g5 77. Лc6—c8 Kpd4—e4 78. Лc8—f8 а5—а4 и белые сдали партию. Так иногда бывает не только в шахматах: пройдешь через тысячи опасностей, а в заключение — поскользнешься на ровном месте...

В. НИКОЛАЕВ

(Опыт статистического исследования)

Даже статистика, эта наука с ее точными и бесстрастными цифрами, всегда пасовала перед суевериями и предрассудками. Какие только цифры не сберегла она для человечества, а вот общее количество астрологов и хиромантов, колдунов и колдуний, чертей и ведьм оказалось не учтенным в самые разные исторические периоды. Нечего уж говорить о том, что до сих пор было абсолютно неизвестно количество колдунов или чертей на душу населения.

Теперь этот досадный пробел в необозримых человеческих познаниях заполнен. Лучшие аналитические умы современности, вооружившись кибернетикой, смело вторглись в туманную область суеверий. Они обратились к весьма недалекому прошлому и взяли для примера один из крупнейших городов мира. Оказалось, что в нем на каждые 120 жителей приходился один астролог, хиромант или колдун (короче говоря, один шарлатан, если прибегнуть к современной научной терминологии).

Все величие и значение этого соотношения (один к ста двадцати) будет ясно, если учесть, что в этом городе один врач приходился на 514 горожан. Ученым удалось обнаружить прейскуранты астрологов, хиромантов и прочих ведунов. Цены оказались более чем красноречивыми: за одну консультацию у такого «специалиста» — от 10 до 100 долларов (счет идет в переводе на современный курс доллара.— В. Н.). На основании этих и других точно установленных фактов было подсчитано, что ежегодно наивные жители того города и той страны добровольно и даже с охотой отдавали всевозможного рода прорицателям свыше одного миллиарда долларов. Попутно удалось выяснить официальные расходы того государства на развитие науки как таковой. Оказалось, что эти расходы гораздо меньше прихода служителей астральных наук. Но это так, между прочим.

А вот и другие результаты исследования: 58 процентов жителей страны связывали дату своего рождения с положением планет и звезд на небе и, не задумываясь, отвечали на вопрос о том, под каким знаком зодиака они родились; 53 процента ежедневно руководствовались предсказаниями гороскопа; 43 процента принимали астрологов за настоящих ученых; 37 процентов были убеждены, что свойства характера находятся в непосредственной зависимости от того, под каким знаком зодиака рожден человек.

Вся эта большая и несколько необычная исследовательская работа не случайно совпала с началом 1965 года. Дело в том, что в этом году планеты Уран, Плутон и Сатурн, а также созвездия Девы и Рыбы будут находиться в таком положении относительно друг друга, в каком они были задолго до нашей эры. А именно в то далекое время на Земле произошло немало неприятных событий. Например, Ассирия завоевала Вавилон, в котором, как известно, и зародилась астрология. Улавливаете, какая роковая связь?! Значит, и теперь, в 1965 году, будут какие-то крупные потрясения на нашей многострадальной планете. А посему есть только один выход: ступить на проторенную еще нашими предками дорожку и устремиться по знакомому адресу — к астрологам, хиромантам и т. п. Авось, облегчат они судьбу вашу в сию трудную годину. Боитесь, что их теперь, в наш век, не так просто отыскать? Ошибаетесь!

Все приведенные нами статистические данные не только достоверные, но и самые свежие. Они относятся к... 1964 году.

Итак, уточнено время действия, а место действия — Париж, Франция.

Остается добавить, что и такие центры западной цивилизации, как Нью-Йорк, Лондон и многие другие, от Парижа в этом отношении не отстают. Достаточно раскрыть буквально любое периодическое издание, чтобы убедиться в том, какая мутная волна невежества и мракобесия обрушивается ежедневно на читателя.

ЖИЗНЬ — ТЕАТРУ

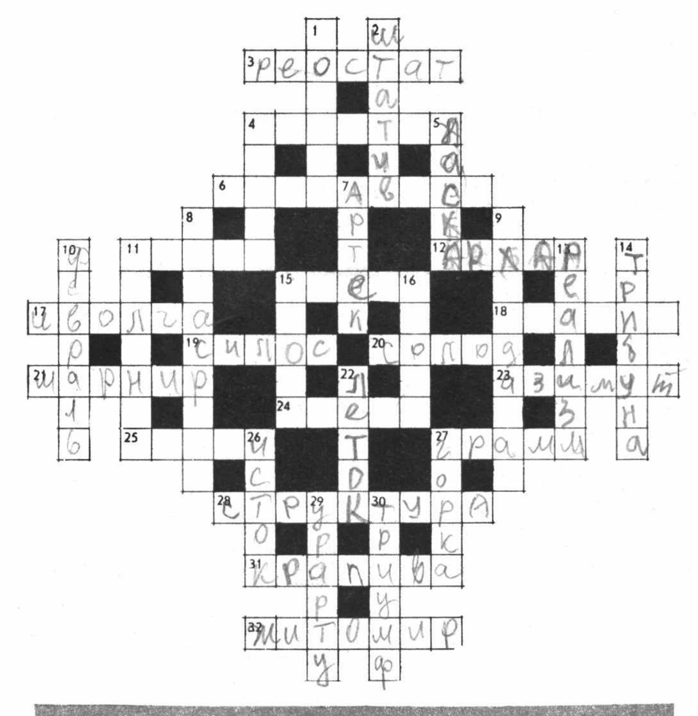
Произошло это в начале нынешнего года. На встречу с читателями и зрителями в Политехнический музей пришли молодые драматурги. Их представлял собравшимся Владимир Федорович Пименов.

Уже много лет бережно пестует он писательскую смену, всегда охотно предоставляя талантливой писательской молодежи страницы журнала «Театр». Он постоянно общается с драматургами братских республик, умея своевременно поддержать новые интересные произведения.

Владимиру Пименову исполнилось шестьдесят лет. Более тридцати из них отданы искусству и литературе. Люди театра, писательская общественность, читатели и зрители хорошо знают этого зрелого, опытного критика, прислушиваются к его суждениям об искусстве.

Его перу принадлежит не одна сотня интересных и глубоких статей о драматургии и театре.

Юр. ЗУБКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Аппарат для регулирования электрического тока. 4. Выдающийся советский офтальмолог. 6. Порт на Дунае. 11. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 12. Дикий баран. 15. Озеро в Африке. 17. Лесная певчая птица. 18. Декоративное растение. 19. Корм для скота. 20. Продукт искусственного проращивания зерен злаков. 21. Подвижное соединение частей механизма. 23. Угол между направлением на север и заданным движением. 24. Повесть А. П. Чехова. 25. Курорт в Армении. 27. Мера массы. 28. Устройство, строение. 31. Белорусский писатель. 32. Областной центр в УССР.

По вертикали:

1. Ткань с мелким поперечным рубчиком. 2. Подставка для приборов. 4. Режущий инструмент. 5. Пушной зверек. 7. Пионерский лагерь в Крыму. 8. Пьеса в форме фантазии на темы из других музыкальных произведений. 9. Город в Индии. 10. Месяц года. 11. Небольшое плоскодонное судно. 13. Правдивое изображение действительности в художественных образах. 14. Места на стадионе. 15. Река на Урале. 16. Топливо. 22. Отверстие в улье. 26. Начало ручья, реки. 27. Стеклянный шкаф для посуды. 29. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 30. Блестящий успех.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

5. Серафимович. 8. Занзибар. 9. «Зверобой». 12. «Коппелия». 13. Астрагал. 14. Вилия. 17. Кинематика. 18. Целиноград. 19. Козловский. 21. Стратостат. 26. Завод. 28. Скоморох. 29. Наборщик. 30. Баргузин. 31. Портьера. 32. Аквалангист.

По вертикали:

1. Орфография. 2. Композиция. 3. Вершинин. 4. «Гитарист». 6. Виньетка. 7. Габардин. 10. Ботанизирка. 11. Лаборатория. 15. Скриб. 16. Веста. 20. Велодром. 22. Тахометр. 23. Тарантелла. 24. Коноплянка. 25. Голубика. 27. Мантисса.

На первой странице обложки: Рихард Зорге.

На последней странице обложки: Свердловский завод «Уралхиммаш». Монтаж сушильного барабана для новостроек химической промышленности в цехе тяжелой химической аппаратуры.

Фото С. Раскина.

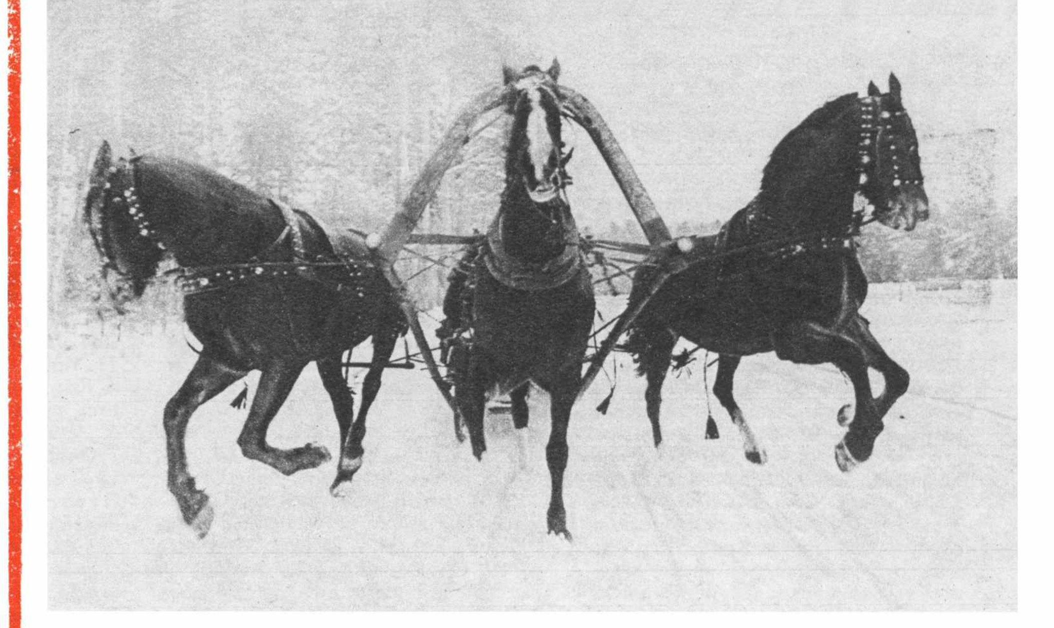
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

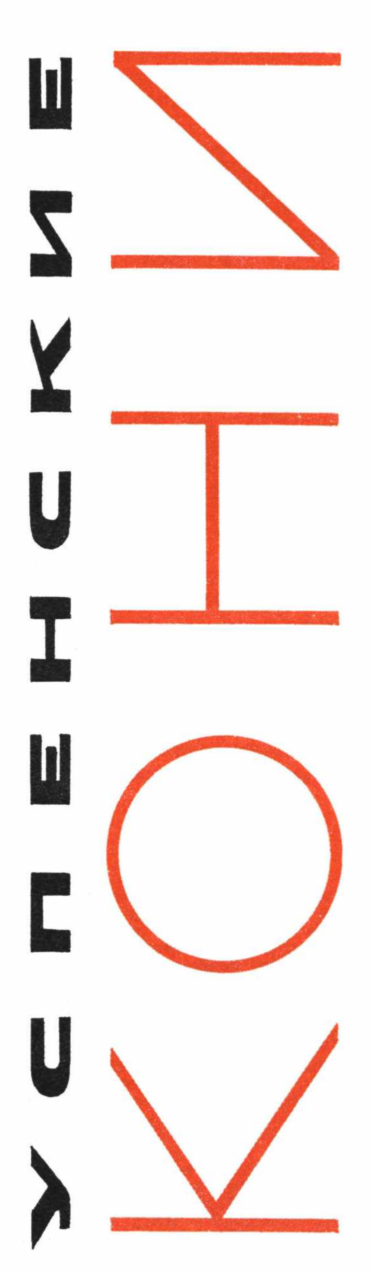
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01936. Подписано к печати 24/II 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 965 000. Изд. № 217. Заказ № 452.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Тройка.

На берегу Москвы-реки — здесь крутоярой, перерытой сыпучими языками золотистого песка,— возле синего бора, нахохлившегося кабаньим горбом, рядом с первозданно снежными или пронзительно зелеными, розовыми, ярко-красными лугами стоит Первый московский конный завод.

Если хотите быть счастливым, обязательно любите коней. Это не зряшное оригинальничанье — это сущая правда. Войдите в конюшни: вас обдаст теплым, поразительно спокойным запахом. Вы увидите синие, черные, карие, антрацитовые глаза. Вы увидите, как в денниках стоят красавцы орловские рысаки. Вы услышите спокойный хруп сена. Погладьте коня, угостите черным сухариком — за это лакомство конь поцелует вас и посмотрит на вас добро и с нежностью.

Великолепная поэтика в том, как расписан день здешних коней: и «орловцев», и «арабов» — белых, настороженных, по-женски грациозных, чем-то напоминающих на белом поле снега лебедей,— и веселых коричневых резвучих «американцев». Зимой еще затемно, в шесть утра, убирают денники, кормят коней, а потом начинают их «работать». «Работают» коней в заезде: завод специализируется на выведении качественных рысаков. Молодых сначала «вываживают на вожжах»: конюхи ведут молодого коня, а сзади с вожжами наездник приучает коня слушаться управления. Потом, после месяца такой тренировки, на коня «накатывают качалку». Вместе с наездником конюхи следят за тем, чтобы животные «нарабатывали» красивую мускулатуру и усвоили правильный ход рыси — все это потом будут оценивать зрители ипподромов.

Если конь «в духу», если он в хорошем настроении и ему хочется побегать, порезвиться, не надо сразу запрягать его. Пусть он поносится в леваде за оградой; после он пойдет спокойно, будет чувствовать наездника, каждое его движение, каждое его слово.

В конюшнях живут такие кони, которые заслуживают того, чтобы им посвящались рассказы. Здесь живет легендарный Квадрат. Он родился на заводе девятнадцать лет назад от жеребца Пролива, сына замечательного Ветерка и кобылы Керамики. Когда директор

Юлиан СЕМЕНОВ

Фото Юрия КРИВОНОСОВА.

завода лирик конного дела Б. Д. Завильгельский рассказывает о Квадрате, он находит слова какого-то особого звучания. В них и гордость, и нежность, и застенчивая любовь к этому громадному красавцу, отцу пятисот пятидесяти коней Первого завода. А все его потомство составляет более двух тысяч коней. Когда подходишь к деннику Квадрата, он бьет копытом в стену и смотрит на вас выжидающе-строго: он требует сухаря, он привык к почету, он имеет на это право. Не зря Квадрата прозвали «четырежды венчанным»: за три года работы на Московском ипподроме он не знал ни одного поражения, а в 1950 году Квадрат выиграл четыре дерби — два зимних и два летних. Такого коня в России — чтобы за один год четыре дерби выиграть — не было никогда. Три года Квадрат был участником ВДНХ и три раза — чемпионом выставки. Поехал в 1957 году в Лейпциг и вернулся в Успенское с золотой медалью.

А поэзия имен! Пройдем вдоль денников. Вы прочитаете: Мирная Беседа, Интрига, Коллизия, Ковыль...

Здесь за каждым конем — великолепная история, насыщенная драматизмом и романтикой. Тут помнят имя отца, деда и прадеда. Имя новорожденного складывается из таких букв, которые несут в себе элементы имен родителей. Поэтому здесь так великолепны традиции, поэтому их так бережно хранят и точно понимают.

Кони засыпают поздно, после вечерней уборки, когда в Успенское приходит тишина и снега под луной кажутся декоративными — так переливно искрятся они, так высвечены изнутри таинственным голубым сиянием февраля. И небо пронизано мириадами звезд, и огоньки горят в домах поселка, и чертят близкую бездонность неба красно-зеленые фонарики реактивного самолета, который пролетел над конюшнями; но кони уже привыкли к звуку реактивного самолета, он кажется им составной частью сегодняшней тишины, и они спят спокойно: стоят с открытыми глазами и спят. А во сне им видится день, полный труда, и радости бега, и неистового напряжения в состязании, когда конь и человек становятся единым целым, видится им рука человека — добрая рука, которая, созидая космическую ракету, должна всенепременно касаться и мускулистой шеи Квадрата.

Ночь.

В леваде.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663